

STORY

март '16
№ 3 (89)
ОБЫКНОВЕННЫЕ
СУДЬБЫ
НЕОБЫКНОВЕННЫХ
ЛЮДЕЙ
[STORY]

Наталья Водянова: «Порой нужно всё спалить дотла, чтобы начать заново»

Наталья Водянова

История жизни, рассказанная по методу Александра Дюма

Люсьен Фрейд
*Певец грязного белья
и телесных излишеств*

Лев Толстой
*Хиппи номер один,
сторонившийся счастья*

Женский вопрос
*Дано им тело. Что
им делать с ним?*

16+

«Автомобиль года 2015»
в Европе

Volkswagen Passat Инновационно Ваш

Реклама

Новые аудио-навигационные-
infotainment¹ -
системы MIB²

Виртуальная
программируемая
приборная панель TFT³

Новый стильный салон

LED⁴ головной свет

Система кругового
обзора Area view⁵

Давно ли вас удивляло что-то так сильно? Ослепительный, стильный, свободный, новый Volkswagen Passat воплотил в себе все лучшее, что может дать технический прогресс. Система распознавания усталости водителя, динамическое управление фарами головного света, 3-х зонная климатическая установка с управлением для пассажиров на заднем сиденье, система с электроприводом багажного отсека Easy Open⁶ и виртуальной педалью. Нет смысла описывать все инновации нового Passat. Просто нажмите на Start⁷, и он полностью подчинится вам.

¹Инфотейнмент. ²ЭмайБи. ³ТиЭфТи. ⁴ЛЕД. ⁵Эриа вью. ⁶ИзиОупн.

⁷Старт. Некоторые из указанных в рекламе опций устанавливаются за дополнительную плату. Автомобиль, изображенный в рекламе, может быть оснащен дополнительным оборудованием, недоступным для заказа в России. Реклама

Volkswagen

Официальный дилер Volkswagen «Атлант-М»

129128, Москва, ул. Бажова, 17. Тел.: 8 (495) 777-6-505, www.atlant-m.ru

Праздничное

Наша дача расположена в самой обычной местности, где главные достопримечательности – пахучая речка в качестве водоёма да руины кладбищенской церкви в роли исторического памятника. Ни тайн тебе, ни загадок. С представителями внеземных цивилизаций никто в лоб не сталкивался. Корабли с самолётами в наших широтах таинственно не исчезали. Мотоблоки – да, случается, но чаще – по осени – картошка-капуста-морковка.

И вдруг, приехав на дачу, узнаём, что в наше отсутствие с местными жителями стали происходить удивительные метаморфозы. Причём чаще с женщинами 50+. До этой трагичной, как внушает нам жизнь с помощью глянца и телевизора, маркировочной линии они мало чем отличались от прочих соотечественниц: школа-свадьба-работа-дети. Но вот на конечном этапе маршрута – внуки-дача-погост – неожиданный сбой программы, и это, замечу, невзирая на вес и внешность, ум и совесть.

Вот, например, соседка справа, бывший директор местного сельмага по прозвищу Сосуля из-за внешней схожести с безызвестным политиком. Мать троих сыновей, один из которых попался на грабеже. Убитая горем родительница (55+) бросилась в Москву за лучшим адвокатом. Пока тот убеждал её, что столичный мэтр не панацея и мальчику (25+) придётся сесть по-любому, она сама убедила лучшего адвоката взяться за её дело, попутно оставив семью и завести новую, с ней, Сосулей, поскольку она – его судьба. Своё дело адвокат проиграл, но Сосуля своё выиграла.

Или вот, соседка через дорогу. Скромная сельская библиотечка с нервным румянцем

на лице и мужем-шофёром. Мигрень и скачущее давление четверть века мешали открыть мужу правду, что она с Венеры, а он с Марса, что у неё зефир на столе и эфир в голове, а ему лишь шкварки да жареную картошку. Новый ветеринар (40+) помог девушке (50+) справиться с недугами. Муж-шофёр – в отставке, а скромная библиотечка переименованная местными остроловами в Аллу Борисовну, теперь купается в волнах желанного эфира.

А третья соседка (40+) пошла другим путём – обрела личное счастье в труде. Устроилась в Москву в продюсерскую компанию. Менеджером по клинингу. Звёзды, коих её компания десантировала с концертами по стране, приходя в офис, говорили «чи-и-из!», охотно приобнимая перед фотообъективом общительную уборщицу. В свободное от клининга время она разукрашивала героев своего звёздного альбома – кому рога, кому копыта, кому даже неловко сказать что – в зависимости от непристойности предложения, сделанного знаменитостью ей за кадром. И этот альбом попал на глаза художнику-акционисту. Восхитившись концептуальным мышлением самоучки, тот пригласил её поучаствовать в перформансах.

Так что, если жизнь уныла, как мартовский пейзаж, стоит набраться мужества и пересечь черту, за которой, возможно, и начинается счастье.

С праздником вас, дорогие читательницы и читатели (16+)!

Главный редактор
Елена Кузьменко

STORY

16+

Главный редактор

Елена Кузьменко

Главного художника Инга Мачан**Зам. главного редактора** Майя Чаплыгина**Редактор** Наталья Смирнова**Фоторедактор** Светлана Навроцкая**Корректор** Наталья Камышанская**Секретарь редакции** Мария Демицкая**Над номером работали**

Влад Васюхин, Лилия Гущина, Алла Данилова, Максим Кантор, Екатерина Корнеева, Ирина Кравченко, Дмитрий Лиханов, Александр Никонов, Инна Садовская, Игорь Свиначенко, Мария Сперанская, Эдуард Тополь, Ольга Филатова, Александр Шабуров

Издатель Елена Каякина**Распространение**

Александр Магатаев, Георгий Григорян

Реклама Марина Теран**Маркетинг** Марина Цховребова**PR** Ольга Егорова**Производство** Александр Бутузов**Препресс** Евгений Гольдштейн**Адрес редакции**

101000, Москва, Кривоколенный пер., д. 12, стр. 3
тел.: (499) 962 8035, redaktor@story-mag.ru

Учредитель ООО «Стори мэгэзин»**Генеральный директор** Галина Светличная**Совет директоров**

Анатолий Сосновский (председатель),
Тим Шевцов, Елена Каякина, Елена Кузьменко

Бухгалтерия Дарья Вайгачева**Юридическое сопровождение**

Алина Топорнина

Адрес учредителя

119048, г. Москва, ул. Ефремова, д.15/22, пом. 014П
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия в 2013 г.,
свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59269 от 04.09.2014 г.

Отпечатано в типографии

ООО «Первый полиграфический комбинат»
Распространяется по всей территории России
Тираж 219 600 экз. Цена свободная
Выход в свет 26.02.2016 года

Фото на обложке:**Getty Images Russia**

Редакция журнала не несёт ответственности за содержание рекламных материалов.

Любое воспроизведение материалов и их фрагментов возможно только с письменного разрешения ООО «Стори мэгэзин».

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Содержание

4 **Переписка.** Письма читателей

◎ **ГЛАВА 1. Кто, где, когда**

6 **Коварный месяц.** Март

В этом месяце генеральный секретарь Брежнев родил бестселлер, девочка Ника Турбина обскакала Союз писателей, Наполеон Бонапарт отличился с подарком жене, а шансонетка едва не просочилась в одесскую Думу

10 **Однажды...**

Эдвард Нортон усомнился, надо ли помогать друзьям, а Мария Арбатова расшифровала индусскую народную поговорку

14 **Кто придумал? Психотелесная терапия**

Если изучать женщину в условиях обитания, то выяснится, что половина её болезней и проблем – в голове. А вторая половина где? Там, где вы подумали

22 **Между прочим.** Татьяна Устинова

Вишенка на торте

24 **Викторианский период.** Виктория Токарева

Размышления у непарадного подъезда

26 **Линия отрыва.** Вера Павлова

Парное катание

◎ **ГЛАВА 2. Личное дело**

28 **Обстоятельства жизни.** Стальная магнолия

Ирина Апексимова уже год руководит осиротевшим после Любимова Театром на Таганке. С репертуаром, требующим починки, с интригами, амбициями и надеждами на светлое будущее. Каково ей поднимать всё из руин и «из болота тянуть бегемота»?

38 **Отпечатки.** Русская Золушка

Если взять за образец прекрасную Наталью Водянову и написать сценарий сериала о её жизни или придумать с ней настольную игру, то что получится? Эксперимент провёл художник и аналитик масс-культы Александр Шабуров

52 **Кардиограмма.** Неунывающая

Людмила Полякова – о жизни, в которой нельзя убрать ни слова

◎ **ГЛАВА 3. Отгадки**

58 **Мой... Толстой**

Представляем новую рубрику! В ней наши герои, чьи умозаключения нам очень интересны, расскажут о своём понимании русских классиков – «Мой... Пушкин», «Мой... Достоевский» или «Мой... Есенин». Почин сделал кинорежиссёр Сергей Соловьёв, не побоявшийся замахнуться на Толстого нашего Льва Николаевича

64 **История живописи.** Внук своего деда

Художник Люсьен Фрейд, потомок великого и ужасного Зигмунда, постигал мир в соответствии с бабушкиной теорией, кистью и членом

76 **Версия.** Поющие под дождём

Казалось бы, что может быть веселее мюзикла? Но он рождался, когда умирало немое кино, и родителям и новорождённым было не до веселья

88 **Легенда.** Путешествие к охотникам на креветок

О том, как журналист Артём Боровик подложил немецкой полиции русскую бомбу и побывал в стране непрочитанных лекций

◎ **ГЛАВА 4. Опыты любви**

98 **Неформат.** Антимедведь

О медведе, который сгрыз кинокамеру, подаренную американским шпионом Скорсезе, дочь которого Оливию наш герой так любил, что поступил с ней по-свински

106 **Роман с продолжением.** Азарт

В новой рубрике Максим Кантор весь год будет рассказывать о том, что может случиться с русским человеком в свободной стране

112 **Семейные тайны.** Софико ты моя, Софико

Что такого было в Софико Чиаурели, что перед её чарами никто устоять не мог? Ни зрители, ни режиссёры, ни мужья, ни невестки

◎ **ГЛАВА 5. Люди и вещи**

124 **Увлечения.** Убить в себе зверя

Даже если вся банковская система полетит в тартарары, банкир Пётр Авен не пропадёт – у него есть увлечение, которое прокормит

128 **Путешествие.** Нобелевский маршрут

Почему именно в Стокгольме, городе нобелиатов, В.И. Ленина обуяло чувство собственности и он приобрёл шестнадцать костюмов?

136 **Угощение.** Сибирь и немцы

Как только сибирские купцы раскошались на экспедицию в Западную Сибирь, путешественник Альфред Брем неосмотрительно побежал собирать чемоданы. Знарок фауны ещё не знал, что такое сибирское гостеприимство

140 **Гороскоп.** Мизантроп из Данцига

Сколько ни принуждала почтенная семья заняться полезным делом своего задумчивого отпрыска, ничего из этой затеи не вышло, зато философия обогатилась мыслителем Артуром Шопенгауэром. Который, как это часто бывает с Рыбами, любил мыслить масштабно и о главном

144 **Библиотека.** Архивности

НИКА

ЮВЕЛИРНЫЕ ЧАСЫ И АКСЕССУАРЫ

Все грани совершенства!

от 14 000 ₽

ВПЕРВЫЕ ЧАСЫ УКРАШЕНЫ ЖЕНЕВСКИМ СТЕКЛОМ В БРИЛЛИАНТОВОЙ ОГРАНКЕ!

Лимитированная коллекция ЛЕДЕНЦЫ
Артикул: 0396, Корпус: серебро 925°, вставка: фианиты, механизм: Ronda, Швейцария

8 800 444 777 3

www.nikawatches.ru

Переписка

Основы игры в мифотворчество

Уважаемый Илья! С интересом прочитал ваш материал о Леониде Соловьёве. Согласен с вами, что Леонид Соловьёв – «фигура таинственная». Далеко не всё доподлинно известно о его жизни, в том числе о его склонности к мистификациям, о которой свидетельствует, в частности, история с якобы собранными им узбекскими песнями и сказками («Ленин в творчестве народов Востока»). В связи с этим не считаете ли вы, что и некий Мумин Адиллов, памяти которого как «своего незабвенного друга, погибшего 18 апреля 1930 года в горном кишлаке Нанай от подлой вражеской пули», Соловьёв посвящает свою повесть, также может являться плодом воображения автора?

Владимир Красильников
(г. Москва)

Отвечает Илья Носырев

Уважаемый Владимир! Исследователи творчества Леонида Соловьёва действительно считают, что никакого Мумина Адиллова не было на свете. Непонятно и какая «подлая вражеская пуля» могла сразить этого вымышленного друга, если к 1930 году никаких басмачей в Ферганской долине уже не было. Скорее всего, Соловьёв выдумал этого челове-

Приз за лучшее письмо – духи My Ylang (CARON) – вручается Ларисе Долинской

ка, чтобы провести нить от Ходжи Насреддина к современным его наследникам. Мумин Адиллов и народные сказки про Ленина – далеко не единственные примеры мистификаций, которыми Соловьёв приукрашивал свою жизнь. Например, история с похищением невесты его друга Юсупа, которая упомянута в моей статье, в действительности могла выглядеть совершенно иначе. Сестра Соловьёва в письмах упоминает, что в юности Леонид помог похитить возлюбленную его друга, но были друг и его девушка никакими не эмансипированными узбеками, а русскими – друг трудился на железной дороге, а невеста со временем превратилась в гуснейшую жену. Но разве не на то и дан писателю его дар, чтобы переосмысливать реальность,

крайне бедную положительными героями?

Не хлебом единым

Крым, ноябрь 2015 года, время 17.30. Света нет – отыгрываются на нас за то, что Крым вернулся на родину. Я сижу с двумя свечками и читаю журнал STORY за 2012 год. По другую сторону журнального столика сидит моя старенькая мама, укутанная в пуховые шали. «На подходе» болезнь Альцгеймера... Согнувшись поближе к свечкам, читаю вслух о Михаиле Шемякине. И вдруг мама, ей 88 лет, говорит: «Я знаю, кто это». Я хмыкнула, а она: «Помнишь, я тебе давала статью о нём?» Действительно, в 70-х годах мама принесла «Комсомолку». Там была статья про Шемякина. Из статьи было ясно, что юноша – очень одарённый, что у него и у его работ нелёгкая судьба. С тех пор мы как могли выискивали всё, что писалось о Шемякине. Недавно привезла из Москвы фотографии его скульптур. Но мама уже плохо реагировала на многие житейские вещи. Уже жила в своём мире... Но в тот вечер я поняла, что жизнь действительно удивительная штука. Спасибо вам, дорогие!

С уважением, Долинская
Лариса Вячеславовна
(г. Феодосия) ☺

Уважаемые читатели!

ТЕПЕРЬ НА САЙТЕ ЖУРНАЛА STORY, В РАЗДЕЛЕ «МАГАЗИН», ВЫ СМОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ КНИГИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ:

Максим Кантор «Полное собрание баллад о Робин Гуде», подарочное издание с иллюстрациями

Екатерина Маркова «Каприз фаворита», психологическая проза

Дмитрий Лиханов «Жанры жизни», очерки и расследования

Кроме того, вы можете подписаться на книги, готовящиеся к выходу:

Иракий Квирикадзе «Мальчик, идущий за дикой уткой»

Максим Кантор «Чертополох»

Подробности на сайте: www.story.ru

Реклама

I

ГЛАВА

КТО, ГДЕ, КОГДА

*В которой поэтесса Ника Турбина
становится жертвой свирепствовавшей
в стране моды на вундеркиндов **с.6***

.....
*а генсек Брежнев сам вводит
моду на писателей-вождей и их
литературных негров **с.8***

Март

возрасте, в двадцать семь лет, то ли сорвавшись, то ли выбросившись с пятого этажа: никто в обстоятельствах её смерти пристально не разбирался.

«Я вас прошу, послушайте, не надо губить во мне минуты детских снов».

[Н. Турбина]

26 МАРТА 1906 Одесситы пожтели в депутаты опереточ- ную певичку

В России шли выборы в первую Государственную Думу. Во многих городах их бойкотировали, в солнечном городе у моря – тоже. Но одесситы сумели превратить даже угрюмую политическую акцию в игривый флэш-моб, написав в каждом третьем бюллетене, опущенном в избирательную урну: «Хочу дусю Монбазон» («дуся» – с маленькой буквы, потому что производное от «душечки», а вовсе не от Евдокии). В действительности народную кандидатку звали Мари.

Двадцать лет назад мадемуазель Монбазон приехала в русскую столицу на гастроль. По окончании возвращаться в Париж не пожелала, а, соблазнённая радушным приёмом местной публики в лице щедрого купечества, лихого офицерства и пылких гимназистов, принялась уже самовывозом колесить по городам и весям. К 1906 году француженка превратилась из свеженькой этуальки в просроченную кокетку, а из исполнительницы классических ролей, «без подчёркивания пикантных мест, в чём повинны наши артистки», в «надоевшую всем Монбазоншу, знаменитую тем, что позволяет себе читать и петь со сцены возмутительные скабрёзности». Но именно

6 МАРТА 1983 Юлиан Семёнов «открыл» Нику Турбину

В «Комсомольской правде» была напечатана подборка стихов восьмилетней поэтессы из Ялты с его восторженным предисловием. В стране в ту пору свирепствовала мода на вундеркиндов. Обычный здоровый ребёнок был разочарованием для родителей. Всем требовался маленький гений, который рисует, решает, рифмует, музицирует, ставит маты гроссмейстерам или хотя бы читает чужие мысли и взглядом двигает спичечные коробки.

Ника была идеальным вундеркиндом. Маленькая копия Марины Цветаевой – не детские стихи, профиль, чёлка, запрокинутая голова, надрыв. Вскоре после публикации вышел и был

сметён с прилавков её первый сборник «Черновик», выпущена пластинка с авторским чтением, снят документальный фильм, в Венеции вручена престижная международная премия «Золотой лев». Чудо-ребёнка жаждали увидеть и услышать повсюду – от тайги до британских морей, чтобы поахать, поохать, поумиляться, – и она, держа за руку бабушку и Евгения Евтушенко, колесила по свету. А потом девочка выросла, перестала быть трогательной диковинкой, и взрослый мир потерял к ней интерес. Она начала пить, куролесить, выходить замуж за престарелых владельцев маленьких психиатрических лечебниц в Швейцарии, впадать в депрессию и то и дело выпадать из окон. Погибла Ника Турбина в лермонтовском

эта метаморфоза подарила ей ироничные голоса одесского электората. Власть, разумеется, забрала избранницу одесситов. Но их упавшее зная

идеал, не совершенное воплощение чего-то или кого-то. Символ – это сущность явления. Так, например, чиновник-альтруист – это идеал России,

через 80 лет подняли не менее жизнерадостные итальянцы, избрав-таки в свой парламент порнозвезду Чиччолину.

«Я здесь не для того, чтобы продемонстрировать грудь, а чтобы защищать бедняков».

[Из речи Чиччолины]

8 МАРТА 2011 Алла Пугачёва и Валентина Матвиенко стали женскими символами страны

Назначили их на эту почётную должность россияне, опрошенные ВЦИОМом, а большинство россиян, не опрошенных ВЦИОМом, без колебаний с ними согласились. Потому что а кто же ещё? Символ – это же не

а чиновник-взяточник – её символ или дядя Стёпа-милиционер – идеал, а гаишник-вымогатель – символ. То же и здесь: на одном полюсе да, конечно, синеокая лебедушка в кокошнике, нежная и удивительная, но на другом – именно они, образцовые представительницы особой, выводимой веками породы, именуемой «русская женщина». С железной волей, чутунными нервами и стальной хваткой. Впрочем, почти любая россиянка старше сорока могла бы, дай ей в руки скипетр и державу, без усилий исполнить роль этого самого символа, потому что почти любая и «коня на скаку...», и вместо коня в плуг, и в горящую избу, которую сама

же без единого гвоздя и мужчины построила. Вдобавок любая отстояла очередь длиной в экватор, выполнила норму башенного крана по поднятию и перемещению тяжестей (в каждой руке навечно по сумке, под мышкой дети, в зубах – пьяный муж), прополоскала собственноручно плавучий остров белья, начистила ангар картошки. Певица и политик выделились из этой толпы лишь благодаря микрофону и административному рычагу, но ни то ни другое в самом выборе ничего не значили.

«На чьё плечо вы можете опереться?» – «Ни на чьё. Опираются на мои плечи».

[Из интервью А. Пугачёвой]

9 МАРТА 1808 Жозефина Богарне получила в дар букет могильных фиалок

В этот день, двенадцать лет назад, виконтесса де Богарне вышла замуж за нищего корсиканца. На свадьбу он подарил ей дешёвый серебряный медальон и букетик фиалок. Ни на что другое не хватило денег: в брачном контракте заявлено, что будущий супруг «не имеет никакой недвижимости, а также никакой движимости, кроме гардероба и военного снаряжения». «Замуж за плащ и шпагу, – проворчал нотариус. – Мадам, наверное, не в себе». Жених это услышал. Невеста в подтверждение диагноза скосила оба глаза к кончику носа, щедро обмакнула перо в чернильницу и расписалась в контракте.

Наполеон Бонапарт этого не забыл и, во-первых, в 1804 году короновал свою бескорыстную подругу, во-вторых, в памятную дату неизменно преподносил ей фиалки. Но в этот раз он вспомнил о них только поздним вечером. Появиться без цветов означало дикую сцену. Император сцен не любил. И... проредил кладбищенскую клумбу. Жозефина, узнав об этом, впала в глубокий транс: она страда-

ла болезненным суеверием – какое-нибудь разбитое зеркало могло испортить ей настроение не на одни сутки. Её карманы были набиты талисманами, в свадебном медальоне она хранила прядь волос Дианы Пуатье, срезанную каким-то запасливым санкулотом у любовницы короля, когда её останки выселяли из роскошного саркофага, чтобы свалить в общую яму... В трансе Жозефина принялась ночами бродить по резиденции в неглиже и со свечой. И, естественно, то и дело натыкалась на ночных бабочек, которые выпархивали из спальни её мужа. Шум, гам, истерики, скандалы. Терпение Наполеона лопнуло, и он женился на снулой австриячке Марии-Луизе. Разумеется, предварительно (не без сожаления) разведясь с Жозефиной.

«Он писал письмо за письмом, заставляя всех ездить к ней с визитами, желая знать во всех подробностях, как живёт его отвергнутая жена».

[Имбер де Сент-Аман]

31 МАРТА 1980 Л.И. Брежнев назначили главным писателем страны

Его трилогию «Малая земля» – «Возрождение» – «Целина» объявили прямым потомком «Слова о полку Игореве», включили в школьную программу, издали тиражом 15 миллионов экземпляров, и вот, наконец, автору вручили Ленинскую премию по литературе. Разумеется, лично Леонид Ильич не написал ни строчки, он и прочёл-то свою нетленку не сразу. Суррогатной матерью трилогии был журналист Анатолий Аграновский с группой товарищей. Об этом, посмеиваясь, шептались на кухнях, цитируя чьи-то стихи: «Кто крадётся к Мавзолею с раскладушкой своею? Он – четырёхжды Герой и писатель молодой».

В факте присвоения чужого труда ничего экстраординарного не было – лжеавторство давно процветало в науке, на производстве и даже в сельском хозяйстве: почти в каждом колхозе мычала в коровнике рекордсменка, чьи чемпионские надои обеспечивало всё стадо.

А уж в писательской среде «крошки Цахесы» плодились так лихо, что в 1955 году специальная комиссия СП была вынуждена признать существование «окололитературной прослойки с торгашескими нравами». Собрали комиссию в связи с делом А.А. Сурова, дважды лауреата Сталинской премии. На него работала целая бригада бурлаков-космополитов, которых сам же Суров и обличал, лишая средств к легальному существованию.

И в брежневские времена для литбратчества хватало асоциальных элементов, не способных проникнуть в писательские ряды, сплочённые льготами. Их и строили в шеренгу. Ильич расплатился с творческим коллективом квартирами, тёплыми местечками, орденами. Он бы и гонорар (180 000 рублей) отдал, но деньги до него не дошли, осев в карманах аппаратных чиновников.

«Именно в СССР зародилась индустрия литературного рабства».

[С. Довлатов] ◉
ЛИЛИЯ ГУЩИНА

С ГЛАЗ ДОЛОЙ И С КОЖИ ВОН - КОСМЕТИЧЕСКИЙ ЗАКОН!
ВАМ ПОРА УМЕНЬШИТЬ ПОРЫ И ЗАБЫТЬ, КАК СТРАШНЫЙ СОН!

ДОКТОР МОЖЕТ ВСЁ РЕШИТЬ И ЗАСТАВИТЬ ПОЛЮБИТЬ
ТО, ЧЕГО ТЕПЕРЬ НА КОЖЕ ВООБЩЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

**dr.
brandt®**

Голливудский доктор на дом!

С 1 марта 2016 г. новинка представлена во всех магазинах ИЛЬ ДЕ БОТЭ, где авторизована марка.

ЭКСКЛЮЗИВНО

ИЛЬ ДЕ БОТЭ

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ КРАСОТА

iledebeaute.ru

Однажды...

Эдвард Нортон предал во имя дружбы

Это было в конце 90-х годов. У меня тогда был друг, с которым мы частенько вели разговоры по душам. И вдруг чувствую: что-то с парнем явно не так. Чахнет на глазах, хмурый ходит, словно что-то мучает его, и с финансами всё хуже и хуже. Спрашиваю, в чём дело, – молчит. Наконец как-то раз говорит: «Пошли в казино». Иду с ним. И вижу: за один вечер он спускает свой полугодовой заработок, а у него жена и трое детей. Я его одёргиваю, а у него глаза мутные, потерянные, как у наркомана. Никакой реакции. Думаю, надо парня спасать, но как? Посоветовался с общими друзьями, а они в один голос говорят: «Расскажи Монике, его жене, иначе никак». Я долго сомневался, потом решил: иначе действительно нельзя. Сказать, что произошла катастрофа, – не сказать ничего. Итог? Мы больше не общаемся, друг решил, что я его предал, но играть в казино перестал. А я до сих пор не могу сказать однозначно: имеем ли мы право вмешиваться в чужую жизнь и что вообще является помощью в подобных ситуациях? Потому что грань между помощью и вмешательством – наитончайшая. Я искренне считаю, что у каждого своя судьба и никто не вправе нарушать её ход. Но представьте, что рядом с вами человек тонет. Вы что, будете стоять в стороне и смотреть, чем дело закончится? Типа каждый сам за себя. Боюсь, именно к этому сейчас и идёт человечество. Но лично мне такого мира не надо. ☉

Однажды...

Мария Арбатова разобралась со страхом смерти

Когда умер мой брат, это было около девяти лет назад, муж впервые увидел наши похороны и кладбище. До этого никогда не был в таком месте. Индусы уходят в Ганг, в небо... Россияне уходят в землю, но я, посещая могилы отца и брата, каждый раз ощущаю обман. Ненавижу бумажные цветы и всю эту кладбищенскую мишуру. А ушедших больше идентифицирую с их фотографиями, которые висят дома. Спрашиваю как-то Шумита: «Для индуса где его умершие родные?» Он: «А они во мне. Я могу с ними разговаривать, о чём-то спрашивать, чувствовать, что они мне помогают». Их мир, конечно, совсем другой... В Индии, знае-

те, жутко сложное движение на дорогах, потому что едет всё сразу, все сигналият; ослы, козлы, джипы, автобусы, мотоциклов море. При этом видишь: мчит на мотоцикле молодой парень – и девушка сзади держится за него двумя пальчиками. Наша реакция: «Как можно подвергать себя такой опасности?!» А их отношение: «Ну, это же не последняя жизнь». Индусы очень медлительны, так на этот счёт есть поговорка: не в этой жизни – так в следующей! Они в общем-то не боятся смерти, а боятся плохой кармы. Мы же боимся, потому что нам страшно расстаться со своими любимыми, близкими: как же они без нас?! Мы уйдём – и всё рухнет! У нас вообще нет

культуры отношения к смерти, атеизм спутал все карты. Я тестировала богатых людей, которым некогда подумать о финале, спрашивала: «А что дальше? Ты хочешь быть самым богатым на кладбище? А дальше?» И человек реально впадал в ступор потому, что он решал вопрос собственной идентичности через деньги, успех, выделяя себя этими «инструментами» из остальных, и был растерян от мысли, что в базовых вопросах эти «инструменты» бессильны. Проблема подобной близорукости характерна для постиндустриального общества, в котором всё происходит очень быстро и люди начинают считать товарами и услугами то, что ими не является. ☉

Ученик аптекаря Гедеон Рихтер

В 1872 году, в семье почтенного еврейского торговца зерном Рихтера, неподалёку от венгерского города Дьёндьёш, родился третий сын. Мальчика назвали Гедеоном. Счастливая и дружная семья недолго радовалась прибавлению. Вскоре после рождения Гедеона его мать скончалась от родильной горячки, а отец семейства, не сумев оправиться от горя, ушёл вслед за любимой женой. Братьев забрали к себе родители матери. Дети быстро забывают своё горе, да и бабушка с дедушкой старались дать внукам всё самое лучшее – недостатка в деньгах в семье не было. Гедеон учился во францисканской средней школе. Он всё схватывал на лету, и учителя прочили ему большое будущее.

Его жизненный путь определил случай. В 15 лет в библиотеке за чтением университетского учебника по химии его застал аптекарь Нандор Мершитш, он как раз подыскивал себе толкового ученика. Гедеон согласился работать сразу. На его решение повлияла судьба матери – ведь роды продолжали уносить тысячи жизней.

Следующие три года Гедеон после уроков осваивал азы фармацевтики в аптеке. А потом уехал учиться. Сначала в Коложварский университет на ученика аптекаря, потом в Будапешт – на фармацевта. После университета два года отработал помощником фармацевта, а потом отправился в путешествие по Европе – совершенствовать знания в лучших фармацевтических компаниях и аптеках

Германии, Италии, Англии и Франции.

После путешествия Гедеон приобрел аптеку Sas («Орёл») в Будапеште и начал свои исследования в области органотерапии – набирающего в ту пору силу направления фармацевтики, изучающего свойства препаратов, получаемых из желёз внутренней секреции, а также из других органов и тканей животных. Сегодня это направление признано повсюду, но в начале XX века оно было новаторским, и Рихтеру пришлось потратить немало сил, чтобы получить признание в официальной медицине. В 1902 году на основе аптеки Sas он создал промышленную компанию под собственным именем и женился на Анне Винклер, единственной дочери

богатого еврейского производителя древесины. Но семейное счастье не помешало его главной страсти. Рихтер продолжал фанатично работать и в том же 1902 году выпустил свой первый препарат «Тоноген» – адреналин такой высокой степени очистки, которую до этого не удавалось получить никому в мире. Вслед за ним появились и другие органотерапевтические препараты мирового значения – «Тиреоидеа», в состав которого входили дийодтирозин и тироксин, «Гладуитрин», содержащий окситоцин, и «Овариум» – препарат для лечения гинекологических эндокринных заболеваний. Последние два препарата Рихтер создавал в авральном режиме: жена Анна ждала ребёнка, и Гедеон был готов работать день и ночь, чтобы любимая не повторила судьбу его матери. В 1903 году на свет появился наследник – Ласло Рихтер. А спустя четыре года в Будапеште был построен первый завод Gedeon Richter, где выпускались революционные по тем временам препараты – «Тоноген», «Кальмопирин», «Гиперол». Последний, твёрдая форма перекиси водорода, сыграл важнейшую роль в Первой мировой войне: антисептик, который не боялся неаккуратной транспортировки, который можно было развести в воде за считанные секунды, оказался незаменим в полевых госпиталях и спас тысячи жизней.

Во время войны на Рихтера, как и на всех владельцев предприятий, связанных с химией и биологией, отчаянно давили

военные. Требовали наладить производство отравляющих веществ. Рихтер, один из многих, отказался наотрез. После революции 1919 года, когда в Венгрии на целых 133 дня установилась советская власть, предприятие Рихтера национализировали, но после падения нового режима всё вернулось на круги своя. Рихтер был не просто владельцем – он был душой и сердцем своей компании. Каждое утро он стоял на проходной и здоровался с шедшими на работу людьми. Он знал их всех в лицо.

В 20-е годы у компании Gedeon Richter появилось около десяти дочерних компаний, в том числе в Великобритании, Мексике, Италии, а также в Сан-Паулу, Загребе и Варшаве. Компания к этому моменту стала одним из важнейших экспортёров Венгрии. В 1929 году Гедеон Рихтер был назначен королевским советником. Назначение просто немыслимое в условиях жёсткой иерархии венгерской политической элиты, куда доступ нехристианам был практически закрыт! Всё шло прекрасно, и даже сын Ласло, в юные годы попортивший папе немало крови, остепенился и стал помощником отца. Почти два десятилетия жизнь Гедеона Рихтера выглядела красивой историей успеха. Казалось, нарушить эту идиллию не сможет ничто.

Вне закона

В 1938 году в Венгрии начались гонения на евреев. Был принят «первый еврейский закон», устанавливающий квоту на максимальную долю еврейского населения в трудовой занятости в 20 процентов. «Второй еврейский закон» ещё больше закрутил гайки. Гедеон Рихтер был вынужден уйти в отставку с поста председателя совета директоров. Его работники были настолько преданны хозяину, что уход Рихтера оказался чи-

сто формальным. На должность назначили не еврея, но все прекрасно знали, кто на самом деле управляет предприятием. В начале 1944 года Рихтеру показалось, что в конце тоннеля забрезжил свет. Воюющая Венгрия отчаянно нуждалась в медикаментах, а её правители знали цену владельцу Gedeon Richter. Венгерские власти поступили в соответствии со зна-

постаревший, осунувшийся, он за руку попрощался с каждым из своих людей. Попытки близких вытащить Гедеона и его жену Анну из страны оказались тщетными.

В начале декабря их переправили в знаменитый дом № 21 по улице Йозефа Катоны, где под дипломатической защитой шведского посольства пряталось немало венгерских евреев.

менитой фразой Геринга: «Этот я решаю, кто еврей, а кто нет». Гедеону Рихтеру и его семье разрешили отпороть с одежды жёлтые звёзды и отменили в отношении них большую часть ограничений. Рихтер вернулся в компанию в качестве консультанта. В марте 1944 года он сумел выслать из Венгрии сына Ласло с семьёй. А через несколько дней Будапешт заняли немецкие войска. Летом 1944 года Рихтеру оформили охранное письмо Красного Креста, позволявшее ему уехать в Швейцарию. Но он не смог бросить дело всей своей жизни. А потом стало уже поздно. Наступил день, когда Гедеон Рихтер впервые встречал своих работников за территорией завода – внутрь его попросить не пустили. Резко

▶ Аптека Sas («Орёл»).
Конец XX века

Однако фашистам вскоре стало наплевать на дипломатию. За два дня до Нового года они ворвались в этот дом, отобрали у его обитателей деньги и ценные вещи и, построив в колонны, повели к Дунаю. Немного не доведя до берега, мужчин и женщин разделили. Гедеон Рихтер обнял жену, попрощался с ней и сделал последние шаги в своей жизни. Мужчин расстреляли и сбросили в реку на глазах у жён и дочерей, которых не тронули. Жизнь Рихтера забрали немецкие солдаты, а ведь некоторые из них наверняка родились и выжили благодаря его лекарствам. ☉

ЮЛИЯ АНТАШЕВА

Психотелесная терапия

Теперь это доподлинно известно – женские болезни придумали себе сами женщины. То есть в половине случаев их причина сидит в психике, а другая половина имеет в анамнезе то слово, которое обычно произносят в отношении нервных, вздорных, вредных и истеричных баб, обозначая исток их злобного характера. К сожалению, я не могу в солидном журнале произнести это слово вслух, но вы уже и сами догадались – от чего все их проблемы

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

Половина женских проблем сидит в голове, а вторая... Как бы это помягче? В области таза. Да-да, именно отсюда они и приключаются! Так, во всяком случае, считает Ксения Кошкина, которая лечит и поневоле наблюдает современную городскую женщину в условиях её обитания. И, надо сказать, эти наблюдения удивили меня. Хотя поначалу мой настрой был легкомыслен и даже игрив: а как без иронии отнестись к психотелесной терапии?

☉ *Я, честно говоря, впервые сталкиваюсь с таким термином – психотелесная терапия, и мы об этом ещё сурово поговорим. Но сначала надо порадовать наших женщин: к Международному женскому дню осчастливить их, так сказать, информационным подарком – объяснить, откуда у них все эти миомы, кисты, большие придатки, молочницы, мигрени и всякие прочие геморрой.*

– А также депрессии, боли в шее, спине и суставах, в области почек, беспокойный сон, хронические подвывихи...

Женщина – это самка, а значит, существо, самой природой заточенное на продолжение рода, на самца, а вовсе не на делание карьеры. Точнее говоря, карьера для неё лишь приятное, но не обязательное дополнение к основной функции. И если

эта функция не выполняется... О-о!.. Тут месть природы бывает воистину страшна.

Чего далеко ходить, взять меня... Я вообще считаю, что целитель, который не настрадался сам, сам себя не вытащил из ямы, других успешно лечить не может. Но о моих телесных проблемах мы, может, поговорим позже, а сейчас о социально-психологических. Мы с моим теперешним мужем жили нерасписанными много лет. И у нас уже было двое детей, когда мы наконец решили официально зарегистрироваться и сыграть свадьбу. Всё как положено – с белым платьем, музыкой, цветами...

☉ *На кой вдруг ляд?*

– Потому что этот этап в отношениях был пропущен. А ритуалистика для самочки чрезвычайно важна. Букеты, конфеты... Если павлин не ходит перед ней туда-сюда, распушив хвост и делая красоту, то какой же он, к чёрту, жених? Так, проходящий. Без этого этапа женщина не будет полностью реализована и подсознательно станет мужчине мстить незаметной своей субличностью, портя жизнь и себе, и ему. Женщине важна не роспись в книге – ей важен ритуал как таковой, инициация. И постоянные подтверждения её женственности. Иначе она завянет.

☉ *То есть к вам, такой сочной, приходят всё сплошь завядшие, квёлые замухрышки?*

– Как ни странно, в последнее время просто косяком идут на приём типичные инстаграмные красотки двадцати-тридцати лет – снаружи эффектные и абсолютно порченые изнутри.

Вообще, городские женщины делятся на две категории – одинокие и боящиеся стать таковыми. Поэтому одна из главных проблем современной женщины – амбивалентность, то есть расщеплённость, когда тело женщины, настроенное на размножение и многодетность, хочет секса, а сознание и подсознание якорями стереотипов, которые заложены строгой мамой и социумом, всячески тормозят этот процесс. Рассинхрон тела с мозгом приводит к тому, что подсознательно женщина блокирует тазобедренные мышцы. Со временем спазмированные мышцы, пережимая кровотоки, дают разного рода хроникю.

Я с одного взгляда могу определить, как у женщины обстоят дела в сексуальной жизни. Просто по расположению таза и величине поясничного прогиба в позвоночнике.

☉ *То есть и я могу научиться определять на улице женщин неудовлетворённых? Это очень важно!*

– При достаточном опыте. Если у женщины малый прогиб в поясничном отделе позвоночника, то есть она как бы «поджимает хвост», значит, у неё проблемы в сексе. Хвостик нужно распушать! Я однажды придумала такое мысленное упражнение – «беличий хвост». И затюканным женщинам, на которых не обращают внимания мужчины, его всячески советую. Если ты хочешь достать изнутри взгляд кокетки, на который всегда клюют мужчины, отрасти себе виртуальный хвостик – только не маленький помпончик, как у робкого, перепуганного зайца, а роскошный беличий хвост. Пусть он победно торчит вверх! Мысленно распушите его сзади, и этот воображаемый хвост моментально зажжёт тот самый взгляд, который мужчины всегда замечают и на который реагируют.

Возможно, это идёт из нашего далёкого животного прошлого, когда у нас у всех были хвосты и мы могли чётко показать, чего мы хотим, подняв хвост трубой или поджав его. Сейчас хвоста нет, и его приходится воображать. Ну, вам-то, мужчинам, просто, у вас хвост впереди. А вот если женщина в себе свой роскошный беличий хвостик отрицает, она станет выражать себя отчасти по мужскому сценарию – например, у неё не будет вагинального оргазма, только клиторальный, потому что её робко поджатый между ног хвост тоже будет торчать вперёд.

☉ *Так! Разговор становится всё интереснее и интереснее. Боюсь упустить хоть слово. Вот даже чай перестал пить, чтобы ложкой не звенеть... Но говорят, истинный оргазм – только клиторальный, а всё остальное – миф!*

– Все вот эти бесчисленные сексуальные тренинги, на которые ходят отчаявшиеся городские женщины, как один утверждают то же самое – занимайтесь самообслуживанием. Конечно, лучше, чем ничего...

☉ *Какие такие тренинги? А мужчин туда пускают? Вот я бы хотел сделать репортаж...*

– Нет. Туда пускают только женщин, но даже им запрещают проносить мобильные телефоны, чтобы ничего не сняли... Они чётко говорят: забудьте о вагинальном оргазме, творите актёрское действие и не заморачивайтесь. Там обучают искусству удовлетворения мужчины – искусству орального секса... Потом ведут в секс-шоп, показывают разные штучки – тренажёр Кегеля для подкачки вагинальных мышц, разные фаллоимитаторы и последнее изобретение секс-индустрии – вибратор вивайб. Кстати, очень удачная разработка... И смысл в этой экскурсии есть: нужно научиться не бояться игрушек, потому что если ты боишься игрушку, то уж мужчину ты стопроцентно будешь бояться. Современная женщина боится всего, в том числе и себя.

☉ *А российская женщина в этом смысле трусливее европейской?*

– Да. Тут мы от Запада отстаём. По статистике, в Европе на 100 женщин – 80 вибраторов. В России на 100 женщин – один. Отставание в 80 раз. И мужчин у нас меньше. И женщины закомплексованнее. Да, ещё. Если на Западе детство длится чуть ли не до тридцати лет, а после сорока жизнь только начинается, то у нас женщина после сорока – уже старуха, ей даже на работу устроиться трудно. И это ужасно с точки зрения физиологии, поскольку к возрасту, когда российская женщина вступает в пик сексуальной активности, она уже никому не нужна и в социальном пространстве у неё тотальный дефицит потенциальных партнёров. Пригодные мужчины или уже разобраны, или смотрят на более молодых, а весь остальной мужской контингент – чистый мусор: или импотенты, или спились, или померли от сердечно-сосудистых болезней. Кстати, импотенция – тоже сосудистая проблема, и если раньше проблемы с потенцией возникали у мужчин после сорока, то теперь – после тридцати сплошь и рядом. Вообще, многие болезни за последние десятилетия очень омолодились.

И с этой точки зрения сексуальные игрушки, конечно, были бы спасением для русской женщины, так сказать, её сексуальным костылём – если бы наши женщины, выросшие с мечтой о принце на белом коне, их не боялись. А они боятся... Все эти курсы сексуального тренинга, с одной стороны, помогают, потому что раскрепощают. А с другой стороны, они так же, как и всё наше общество, навязывают женщине роль жертвы, убеждая её: мужчин так мало, что многого требовать от

них нельзя – дай бог, пусть хотя бы он получит удовольствие перед скорой импотенцией, а уж я подыграю.

Кстати, это и мужчине вредит, развращая его. Понимая свою сверхценность, он не старается сделать шаг навстречу – ни в психологическом, ни в физиологическом аспекте. Ему и так любая даст! И, что самое ужасное, это правда – дадут многие даже без букета роз. Да многие наши женщины и не умеют принимать букеты! Они их или откладывают растерянно-пренебрежительно, или просто не знают, что с ними делать, как держать.

⊙ **А чего с цветами нужно делать?**

– Радоваться. Танцевать в душе. Настоящая женщина примет цветы так, что мужчина сам будет летать. И ему захочется такой женщине дарить цветы.

А наша девушка вместо полного погружения в собственные чувства ужасно боится, что она в интимные моменты как-то не так выглядит или вдруг поведёт себя неправильно, и тогда, не дай бог, упустит последний шанс. Лучше уж я голосом буду изображать оргазм, но только не покажу собственную суть... Ну и как тут не быть проблемам?

Ну вот скажем, ей доктор говорил, что сексом заниматься полезно для здоровья. Ну ладно, стану этим заниматься, буду делать побольше фрикций, может, что-то из этого и выйдет. Ничего не выйдет! Потому что постоянное возбуждение, не заканчивающееся экстатическим расслаблением, выжигает организм перманентным стрессом. Отсутствие оргазма – это стопроцентная хроника в гинекологии в виде кист, фиброаденом, эндометриоза, миом.

Обычно я сажаю пациентку, прошу закрыть глаза, оглядеть внутренним взором своё тело и описать ощущения. Как ты своё тело чувствуешь? Сегментарно или цельно? И что же я вижу? Буквально у всех на уровне таза – чёрная дыра. Попа и всё, что вокруг, не ощущаются вообще никак! Выключено из сознания! Таз зажат. Всё спазмировано. Это переходит и на бедра. Я заметила вот что. Многие женщины позволяют промять им спину, стопы, но, когда начинаешь приближаться к бёдрам и тазобедренному суставу, они неожиданно начинают испытывать дискомфорт. То им щекотно, то им больно. Очень часто зажаты внутренние мышцы бедра, что является совсем уж понятным отражением внутреннего школьного страха: «Никому не дам!» Ей уже тридцать три, а она всё ещё отрицает в себе субличность шлюхи. Зачем? Нужна практика чувствования, которую не наработаешь, не доверяясь никому. Глупо думать: я вот сейчас силы поберегу, а годам к сорока сразу подниму такую огромную штангу!..

⊙ **Вон оно как всё на самом деле! А депутаты нас пугают, что сейчас кругом сплошной разврат, девственность теряют чуть ли не в пят-**

надцать лет, пропали традиционные ценности, рассыпались духовные скрепы...

– Пустое. Современный мегаполис, в который постепенно превращается весь мир, индивидуализирует и разобщает людей. Сейчас огромное количество женщин уходит в затворничество. Они же такие самостоятельные – боятся раскрыться, потерять свою с трудом наработанную защищённость, сидят в своей однокомнатной ракушке.

Вот с такими и приходится иметь дело. Причём у некоторых чувствительность в виде потока тепла появляется в органах малого таза и в пояснице сразу, а с некоторыми можно работать годами. На дом я обязательно даю упражнения на движение тазом вместе с правильным дыханием и нагрузкой на ноги. Голова во время этих упражнений теперь занята не тем, чтобы отключать вам таз, как она привыкла, а работает с тазом совместно, следя за синхронностью движений и дыхания. Так и снимаем спазмы и микроспазмы. Включаем мышцы в работу, и мозг постепенно привыкает, что они живые. И женщина меняется! У неё взгляд меняется! Была киста – нет кисты. Не было никогда вагинального оргазма – появился.

А нужно всего лишь пробудить таз, поскольку он является базисом, фундаментом, на котором строится тело, стоит позвоночник. И именно в тазу располагаются органы размножения, которые нужны нам для радости и удовлетворённости жизнью. Если они не работают, особь с точки зрения природы существует зря. И природа в таком разе её быстро приберёт через разные болезни.

⊙ **Только вот я всё-таки не понимаю, почему к вам обращаются фотомодельные красавицы, у которых по определению не может быть проблем с мужчинами, они же симпатичные?**

– Симпатичные. И все немного на одно лицо. Потому как активно штукатурят и тюнингуют свою внешнюю сторону, не понимая, что секс с ними напоминает секс с куклой, потому что в них нет внутренней женщины.

⊙ **Термин «внутренняя женщина» напоминает мне таинственную «Внутреннюю Монголию», которую Пелевин раньше всё время к месту и не к месту упоминал в своих романах. Нечто красивое и загадочное. Но в обоих случаях я не понимаю, о чём идёт речь.**

– Сейчас попробую объяснить... Вот фраза одной моей клиентки: «Я думала, что мне не хватает груди!..» Она вставила силиконовые имплантаты третьего размера. Но от этого не стала больше женщиной. Прощупываю её тело, опускаюсь к тазу и что вижу? Стопроцентный «поджатый хвостик» – таз не движется и ничего не чувствует. Хотя женщина занимается спортом. И ужасно ревнует своего мужчину. А когда женщина мужчину ревнует? Когда чувствует, что чего-то ему недодаёт! Вторая моя клиентка жалуется: «Смо-

трю на своё лицо – вроде женщина, а во всём остальном женщиной себя не чувствую». У неё есть мужчина, который её ещё хочет, ему пока хватает оболочки – молодости и внешней броскости, но она уже чувствует тревожные звоночки угасающего интереса, хотя каждый раз старательно имитирует оргазм. Она чувствует, что ему чего-то от неё не хватает. А он сам не понимает, чего ему не хватает, но его непременно потянет на сторону. Это из разряда, почему мужчина иногда без ума от какой-то не очень красивой женщины и бежит к ней от красивой. А всё дело в той энергии, которую в аюрведе называют шакти и которую женщина передаёт мужчине во время оргазма.

☉ **Я не верю во все эти шакти-макти и прочие чакры, несмотря на то что моего друга вылечил тибетский монах от жуткой аритмии. Ему в тридцать три года уже хотели кардиостимулятор вшивать, парень ужаснулся этой перспективе, нашёл от отчаяния этого монаха, пошёл к нему. Монах пощупал пульс, сказал, что у друга моего много энергии ветра в сердце, и прописал какие-то травяные пилюли. Тот пропил и забыл про сердце. Сейчас ему сорок девять, и никакого стимулятора. Но мне всё равно странно – энергия ветра какая-то... Бред.**

– У индусов свой понятийный аппарат, отличный от терминологии западной медицины. Он звучит странно, поэтому я его не часто использую. Наш человек лучше понимает слово «зажимы». То есть хронически спазмированные мышцы как результат стрессов или перенесённых в детстве переживаний. С ним лучше говорить этим языком.

Когда в детстве просыпается сексуальность, родители и социум её всячески подавляют, порождая комплекс хорошей девочки, и организм, который начинает бороться сам с собой, этими противоречивыми внешними и внутренними командами зажимает в самом буквальном смысле – на уровне мышечной ткани. Когда я работаю с телом, эти зажимы мышечных волокон иногда ощущаются под пальцами как струна, а иногда как небольшие или большие желваки. Их приходится искать и с ними работать, проминая и параллельно воздействуя на активные точки.

☉ **Так всё-таки в чём заключается метод психотелесной терапии? Как вы лечите?**

– Ну, вообще, арсенал у современных лекарей невелик – скальпель, чтобы человека слегка изуродовать; таблетки, чтобы его немного потравить. И голые руки, чтобы его поправить. Я лечу руками, что напоминает массаж. И словами, что напоминает психотерапию. Человек лежит или сидит, я над ним работаю, я с ним разговариваю, трогаю, в буквальном смысле нащупывая проблему, а потом «выдавливаю болезнь». Соединение

психотерапии с телесной терапией даёт порой фантастические результаты. Тут вот в чём дело...

Многие наши проблемы тянутся из глубокого детства и потому хорошо закопаны в памяти. Любая наша мысль сопровождается идиомоторным мышечным микросокращением, об этом ещё Сеченов писал. А эмоционально окрашенная мысль, и тем более стресс, – сильным сокращением. Отчего у многих людей зажимы в области нижней челюсти? Строгие родители их прессовали. «Не ори! Замолчи немедленно!» «Не трогай эту вазу, дрянь такая!» Все эти детские обиды и страхи потом выливаются в спазмы, головные боли, психологические проблемы в виде неуверенности в себе, а из последнего произрастают поломанные карьеры, семьи и судьбы. Но эти вросшие психологические занозы можно убрать, разомкнув программу, забитую с детства. И лучше это делать, воздействуя с двух сторон – со стороны тела и со стороны мозга.

☉ **Как может запрет трогать вазу испортить человеку жизнь? Всем детям запрещают трогать вазы, чтобы не разбили. Всех детей в детстве пугают и обижают, но Чикатило получил только из одного.**

– А остальные просто наносят вред себе, а не другим, как Чикатило. Все ведь люди разные. И все родители разные. Все запреты разные. Формы их выражения разные. На кого-то так строго рывкнут, ребёнок аж сожмётся. Раз, другой, третий... А потом полжизни будет страдать от болей в спине или шее.

Ребёнок растёт. И окружающее должно быть им протестировано. Нельзя ему буквально всё запрещать. Иначе он потом в жизни не будет готов совершать самостоятельные поступки, так и будет ждать на всё разрешения. Если это женщина, она станет бояться подойти к мужчине... В общем, не зря говорят, что у каждого ребёнка есть причины пожаловаться психотерапевту на своих родителей.

☉ **Мне не на что. Я думаю, что и большинство ваших пациентов так же говорят: меня мама-папа любили, детство было прекрасным, кругом летали воздушные шары.**

– Разумеется! Память плохое вытесняет. И вытесняет как раз в телесные зажимы. Они – шрамы былых обид.

☉ **И всё-таки я не верю, что кто-то из пациентов когда-то сказал вам: ах, мне запретили вазу трогать, какая обидная травма, с тех пор я вся больная!**

– Нет, конечно. Это все раскапывается очень долго. Потому и называется терапией. Мозг может обмануть, он большой хитрец. А тело не соврёт, оно не умеет. Некоторые с детства ходят чуть подгорбленные, словно каждую секунду подзатыльника ожидают. Вот вам хондроз грудного отдела, а к зрелым годам у женщин вдовий горбик. Тот

самый детский страх выпустить из себя эмоцию, когда тебе кричали «заткнись!», приводит к зажимам в шейном отделе, голова становится менее подвижная, губа напряжённая, нижняя челюсть заблокирована. Вообще, зажимы шейно-плечевой зоны – следствие детских обид.

☉ **Ну и как до этой психотравмы докопаться, если сама пациентка о ней не помнит и помнить не хочет? Мозг эти воспоминания забетонировал в теле.**

– Есть разные методики. Маска страха, например. Человек закрывает глаза, а ты, расставляя над ним ладошки, жмёшь на пазухи носа и просишь резко открыть глаза... В обычной психотерапии расшифровка детских травм может идти годами. А в телесной терапии всё происходит гораздо быстрее.

☉ **Понял. Если когда-то мозг наработал себе защитный, как он полагал, зажим в том или ином месте и благополучно отрешился от забытой проблемы, то как только спазм будет размят, растянут, ликвидирован, так проблема должна сразу взорваться в памяти.**

– Вот недавно пришла девушка, тридцать с небольшим лет, одинокая, у неё за всю жизнь было четыре неудачных сексуальных опыта,

и всё. В общем, никакой личной жизни. А почему? А потому, что её мама – сама очень красивая женщина – была дико расстроена, что девочка у неё родилась некрасивая. Конечно, она дочку по-своему любила и жалела. Но как бы в шутку называла «кикимора болотная». И в гости с собой никогда не брала. Ей было стыдно с некрасивой девочкой приходить. Сына брала, а дочку нет! «А где же ваша дочка?» – «А она дома уроки делает!» – «Какая старательная!..» Вот так теперь дома и сидит – «уроки учит». Только на работу и с работы. Мама организовала ей безупречно красивый быт. Девочка и сейчас у себя дома аккуратистка – всё у неё красиво. Но никто этого не видит. Потому что она не выходит в мир, поскольку уверена: ей там не рады.

☉ **И что вы с ней сделали?**

– Это сложный случай. Она ко мне ещё ходит. Но сейчас у неё, по крайней мере, пропали суицидальные настроения, румянец на щеках появился. Прошли дикие боли в ступнях. Она, на минуточку, инструктор по фитнесу, то есть всё время в движении. И при этом не могла утром встать – приходилось разминать каменные ступни. Это ведь чисто психологические зажимы и спазмы. Причём поначалу она была настолько закрыта, что

Menopase
Britain's No.1 supplements

Бережный подход к лечению и профилактике симптомов менопаузы

Действие:

- уменьшение приливов и ночных потов
- уменьшение беспокойства и раздражительности
- снижение приступов сердцебиения

Остеокеа.
Лечение и профилактика остеопороза+ здоровые зубы.

Menopase
менопейс
капсулы

комплексная терапия менопаузы

Спрашивайте в аптеках.

VITABIOTICS
SCIENCE OF HEALTHY LIVING

Остеокеа.РУ П N009722 от 14.07.2006 г. Менопейс.РУ П N015844/01 от 10.08.2010г www.vitabiotics.ru

не позволяла к себе притрагиваться. Поэтому мы с ней просто ложились на пол, спина к спине, соприкасаясь головами, и разговаривали... Я уже говорила, многие дамы столь зажаты, что не только постороннему мужчине не дают к себе притронуться, но даже и при моих касаниях зажимаются, теряя чувствительность. Некоторых приходится буквально обдывать для диагностики. То есть я дую ей на кожу в разных местах и спрашиваю об ощущениях. Это воздействие организм допускает, раскрывается. И она вдруг говорит: «Ой, а тут холодно. А здесь почти болезненные ощущения».

Или вот ещё случай. Девушка топ-модельной внешности. Её страница в социальных сетях просто вопиет об удачливости. А она у меня. Анорексия. Не сгибается нога в колене. Вернее, сгибается, но совсем на небольшой угол. При этом никаких патологических изменений в коленной чашке у неё нет, нормальное колено. А нога не гнётся! И, главное, про ногу-то она мне ничего не сказала. Она ко мне пришла с эмоционально-депрессивным расстройством. Муж ушёл, она эмоционирует, до того допереживалась, что ничего не ест, мышца задней поверхности бедра атрофировалась так, что ногу согнуть не в состоянии. Процесс шёл по нарастающей: присесть не может – больно, поэтому ногу бережёт, а значит, мышца не работает – и ещё больше атрофируется. После первого занятия нога болеть перестала, пишет мне: «Приседаю, собираю детские игрушки, и ничего не болит!» Но главное не это!

Однажды после массажа теменной части головы она вдруг разрыдалась. Теоретически я знала, что так может быть, но такого урагана рыданий не ожидала. Спрашиваю, что она чувствует, отвечает: «Меня сейчас как будто от гробовой доски с корнями оторвали». Выяснилось, отца у неё не было, а мать бросила. Мать работала проводницей, раз в год присылала игрушку. И брошенная девочка на этом фоне так зажалась, что в школе каждый год что-нибудь ломала – то руку, то ногу. Каждый год! О чём это говорит?

⊙ **О хронически спазмированных мышцах.**
Я где-то читал, что именно напрягшиеся мышцы в момент неудачного падения и ломают нам кости. А вот пьяные, когда падают, ничего себе не ломают. Пьяный может с пятого этажа выпасть и отделаться ушибами мягких тканей. Он как мешок валится – абсолютно расслаблен. И если человек постоянно ломается, значит, он или в перманентном стрессе, или у него генетическое заболевание костей.

– Генетическое не проходит. А у неё в восьмом классе всё прошло – она вдруг ломаться перестала. Я спросила: «У тебя что – мальчик тогда появился?» Оказалось, да. Она почувствовала хоть какую-то защиту и собственную нужность, этот мальчик ей как бы заменил отсутствующих родителей...

⊙ **Сколько же времени занимает такая работа с пациентом?**

– Один сеанс – от трёх до пяти часов. Поэтому принять больше двух человек в день не могу.

⊙ **А где этому учат?**

– Нигде. В целом это авторская методика, которую я составила из разных техник. Аюрведа, шиацу, спортивный массаж, лимфодренажный, тайский массаж ступней. Массажу училась в Индии, на Шри-Ланке, кое-что подсмотрела у шаманов в Южной Америке, когда мы там путешествовали... Многое мне дал американский психотерапевт Александр Лоуэн, который скомпоновал целую систему упражнений, соединяющих ум с телом... Но дело, мне кажется, не столько в учёбе, сколько в природной склонности. Знания придут сами, если есть склонность. Я с самого детства всё время хотела приложить руки к чему-то живому. Ко мне всё время подбегали всякие проблемные собачки, кошки, которым я массировала какие-то их болезненные шишки. Помню, постоянно говорила маме: «Мам, давай я тебя полечу!» Она соглашалась, чтобы не спорить с ребёнком, но я начинала над ней колдовать, и ей становилось легче.

Но пошла я не в медицинский, а в педагогический, на истфак, чему очень рада, поскольку, закончи я медицинский, сидела бы сейчас в поликлинике и прописывала таблетки.

Ну, и кроме того, мои личные проблемы помогли мне – я всю жизнь занималась спортом, что к своим достоинствам отнести не могу: спорт не приносит здоровья, он не для того предназначен. Я занималась гимнастикой. Как результат – гиперактивность позвонков шейного отдела и периодически накрывающие меня дикие головные боли. Причём, когда боль начиналась, её уже невозможно было остановить – никакие обезболивающие не брали. «Скорая» приезжает, ничего сделать не может. МРТ шейного отдела ничего катастрофического не показывает. А я просто пластом лежала, хоть вой. Теперь же мне главное – услышать первые звончки этой боли, и я её давя на дальних подступах, до того, как спазмируется та мышца в шее, которая перекрывает кровоток. Но для этого мне пришлось научиться слушать собственное тело. Сейчас я знаю, где эта боль начинается, как она поднимается вверх. И теперь всё просто: нажала куда надо, легла на пол, покаталась, упражнения поделала – и приступ купирован. Но если нужный момент не поймать и вовремя этот надвигающийся спазм не остановить, тогда всё – накроет и ты будешь купаться в боли. Поэтому я ко всем женщинам обращаюсь: внимательно слушайте своё тело, не предавайте его и оно не предаст вас. Бросить тело и уйти мозгами в телевизор, в работу – легко, а вот вернуться в него обратно – очень сложно. И не всегда возможно без посторонней помощи. ⊙

Рецепты молодости

Первая встреча Дианы де Пуатье и короля Генриха II состоялась, когда ему было шесть, а ей – двадцать пять. Принца отправляли в заложники испанской короне. Мальчику было страшно и одиноко, но из всей королевской свиты пожалуй его додумалась лишь Диана. Красавица поцеловала принца и шепнула что-то ободряющее. Все десять лет плена мальчишка о ней не забывал. Вернувшись, он стал её рыцарем, потом – любовником.

Диана на тот момент была гораздо старше фаворитки отца Генриха, герцогини д'Этамп, но выглядела куда моложе и свежее. Герцогиня в отместку распускала сплетни, что Пуатье продала душу дьяволу в обмен на молодость. Однако дьявол был ни при чём. Просто на фоне излишеств и лени двора Диана вела здоровый образ жизни: вставала в шесть утра, принимала холодную ванну, затем три часа скакала верхом. Впрочем, одна из сплетен о Пуатье всё же подтвердилась. Говорили, что

для сияния кожи она добавляет в еду золотой песок. И исследование её останков в XX веке это подтвердило.

Сегодня для продления молодости не нужен драгоценный металл внутрь – технологии позволяют многое. В клиниках инновационной косметологии GEN87 собрано всё лучшее, что может предложить beauty-индустрия. Комбинированный подход в anti-age-программах позволяет достичь выраженных и долгосрочных результатов, а также сократить период реабилитации. Особый упор специалисты центра делают на четыре инновационные процедуры. INFINI 3D Волюмизация позволяет получить выраженный эффект лифтинга в области глаз, на нижней трети лица и шеи. Микроигольчатый RF-лифтинг на аппарате INFINI производит полное ремоделирование кожи. Уже после первой процедуры исчезают мелкие морщинки, кожа становится более плотной и упругой, выравнивается цвет лица, сужаются поры, снижается

жирность. Карбоновый пилинг Spectra Peel, или лазерная чистка кожи, – это деликатный, но эффективный способ глубокого очищения пор и регулярного ухода за кожей. Он позволяет снять воспаление и делает кожу более плотной и упругой за счёт прогрева дермы. Мезотерапия и биоревитализация на аппарате Dermadrop TDA не предполагают использования иглы, но при этом дают результаты, аналогичные эффекту классической мезотерапии. Благодаря давлению кислорода и сверхмелкому размеру капель препарата активные вещества доставляются в глубокие слои кожи. Повышение оксигенации в обработанной зоне ускоряет процессы восстановления тканей, нормализует активность клеток, оказывает дезинтоксикационное и антибактериальное действие. PRP-терапия – инъекционный метод стимуляции восстановительных ресурсов организма, в котором применяется собственная плазма крови пациента, обогащённая тромбоцитами. PRP-терапию можно отнести к самым безопасным инъекционным методикам, применяемым в косметологии, ведь собственная кровь не способна вызвать аллергию и исключает отторжение и инфицирование. Внутрикожное введение богатой тромбоцитами плазмы активизирует обменные процессы, клетки кожи начинают активно делиться, вырабатываются новый коллаген и гиалуроновая кислота. В итоге нормализуется структура кожи, она становится более гладкой, упругой, возвращая естественный здоровый цвет, а дальше – можно начинать сиять и очаровывать. ☺

Вишенка на торте

Татьяна Устинова

Однажды в какой-то телевизионной программе психологи и разные другие умные люди разбирали житейские ситуации. Я была в числе «экспертов», хотя особенным умом не блещу и психологом не являюсь. Я тихо сидела, ожидая, когда меня о чём-нибудь спросят, я тогда что-нибудь отвечу, и меня отпустят домой. И меня спросили!

– Татьяна, – спросил меня психолог, тонко улыбаясь. – А кому в вашей семье достаётся самый красивый кусочек торта? Ну, тот самый, на котором вишенка?

Вопрос простенький, подумаешь!.. Но я не знала, что ответить. Слушайте, я правда не знаю! То есть я понимаю суть, чувствую «второе дно», ловлю подтекст – психолог спрашивает меня сейчас, кто в семье «главный любимый»!

...У нас и тортов-то этих никто не ест, кроме меня. Ни вишнёвых, ни шоколадных, никаких. То есть я получаю весь торт целиком, вместе со всеми вишенками и шоколадными зайцами, если таковые присутствуют. Я никогда не могу его одолеть, и на него приходится «налегать» нам вдвоём с помощницей Ритусей. Мужики мои не едят тортов, и точка!

Ещё они равнодушны к подаркам. Любым. Каким угодно. Это ещё с деда Миши повелось. Дед Миша родился в 1910 году, и на все именные и прочие подношения реагировал одинаково. Он говорил: «Благодарю!» – и клал коробку или свёрток рядом с собой. Так же поступает мой папа. Когда мы привозим ему подарок, любой, он неизменно указывает нам: «Лучше бы матери чего-нибудь купи-

«Кто в семье получает всё самое лучшее? Я скажу...»

ли!» – и тут же о подарке забывает.

...Кто же, кто получает у нас эту «вишенку на торте»?

День рождения сестры в декабре – праздник и буйство. Море шампанского, хризантемы, приготовления. Как правило, поездка куда-нибудь, хоть в село Вятское, чудесное место под Ярославлем, хоть в Сочи, пусть один денёк, да под пальмой!..

Мой собственный день рождения в апреле – праздник и буйство в удесятёрённом масштабе. Шампанское с утра, салат с крабами, отгул на работе, диск Максима Леонидова, куча подарков, корзины с цветами, и гости тоже с утра.

Мужские дни рождения, от мала до велика, – на даче все таскают дрова, или ладят забор, или поправляют собачью будку,

а потом шашлычок и стопочка. Подарки в пакетах стоят неразобранные, и моя задача – ничего из этих пакетов не забыть, увезти домой. Н-да...

Восьмого марта подарки никакие, конечно, не предусмотрены, кроме мимозок и тюльпанов, зато бывает торжественный обед из пяти блюд и торт, который, кроме меня, никто не ест. Двадцать третьего февраля, напротив, обед не предусмотрен, лишний выходной можно употребить на разные хозяйственные работы или на лыжный поход, зато предусмотрен ужин. Ужинать едем к папе, у него 23 февраля день рождения. «Лучше бы матери чего-нибудь купили!»

Мне и в голову никогда не приходило, что «вишенка на торте» может достаться кому-то из... мужчин...

...После передачи я решила вот как: в этом году Восьмого марта я буду изо всех сил поздравлять своих мужчин! Боже мой, как это трудно – жить с нами! Как иногда невыносимы бываем мы, как несправедливы, как придиричивы, как мы лучше всех всё знаем, как любим упрекать и как не любим признавать ошибок! Как много нужно великодушия и широты души, чтобы всё это выносить, прощать, не обращать внимания! А они выносят, прощают, не обращают.

Они не едят тортов, и всучить им вишенку не удастся, зато я напеку пирогов – с мясом и с капустой, суну в морозилку стопки, а водочка давно припасена, наварю солянки и накоплю всем по десять пар носков. Почему-то им всегда не хватает носков и штанов!.. А вовсе не вишенка. Хоть бы и на торте. ☉

Melitta®

Реклама

MELITTA® GOLD растворимый кофе

- Сбалансированный мягкий бархатистый вкус
- Тонкий кофейный аромат
- Бодрящий и придающий сил
- Создан по технологии Freeze-dried

Melitta® – Кофейное наслаждение

www.melitta-coffee.ru

У непарадного подъезда

Виктория Токарева

Академик Юрий Бузиашвили подарил мне свою книгу. Называется «Главный помощник врача – пациент». Книга большая, тяжёлая. Я повертела в руках. Наверняка чтиво полезное, но скучное. Но ведь не скажешь человеку «спасибо, не надо». Пришлось взять и даже заглянуть в неё. И что же? Я прочитала в один присест, как «Трёх мушкетёров». На это ушла вся ночь, но я не жалею. Эта книга заставила задуматься над многими проблемами.

Проблема № 1. Человек боится смерти. Это самый сильный и самый унижительный страх. Почему смерть страшна? Потому что там – неизвестность. Мы не знаем и даже не представляем себе – ЧТО ТАМ? Ведь тело остаётся здесь. Его зарывают или жгут. А все радости жизни связаны именно с телом: еда, любовь, книги, дети. Что же ТАМ? Только душа. И то неизвестно: есть ли она и в каком виде пребывает? Что это? Шар? ПлазмOID? Где она обитает?

У Евгения Шварца я прочитала: «После смерти я перейду в волновое состояние». Значит, душа – это волны. Похоже. Мы, живые, эти волны чувствуем. Когда уходит дорогой нам человек, мы ощущаем его присутствие. Значит, он касается нас своими волнами.

Что такое тот свет? Где он? Существует предположение: он там, где мы. Среди нас. Но он невидим. Другое время и пространство, для нас недостижимое. В нашем языке и нашем понимании нет таких слов, которые бы объяснили ТО время и ТО пространство. Может быть, на том свете хоро-

«Ищите национальную идею? Вот она...»

шо. Ничего не болит. Но как не хочется расставаться со своим любимым телом! Хочется длить и длить земную жизнь... Представьте себе: мы не боимся смерти, мы знаем, что смерть благо и, как считают буддисты, смерть – это всё сначала. Опять родишься, опять любишь, опять молодость, опять расцвет. В случае потери страха человек перестаёт ценить жизнь, исчезает инстинкт самосохранения, увеличивается число самоубийств. Поэтому страх смерти нужен человеку. Он заставляет ценить жизнь и дорожить жизнью.

Академик Юрий Бузиашвили в книге подсказывает, что надо делать, чтобы раньше времени «не откинуть копыта», продлить жизнь хотя бы на десять лет. Но всё равно этого так мало... Мало любви, путешествий, знаний. Хочется ещё, ещё и ещё...

Проблема № 2. Лечение. Все богатые и даже не очень богатые устремляются лечиться за границу. В Германию, например. В Израиль. В Америку. Там медицина более совершенна и больше доверия врачам, что самое главное. Приведу собственный пример. В 94-м году я сломала ногу, лодыжку, и попала в городскую больницу. Врач мне попал: раз немец – делает хорошо. Но этнические немцы поселились в России ещё при Петре и с тех пор сильно обрусели, переняли русское отношение к труду. Этот врач сложил мне перелом на глазок и заковал в гипс, велел ходить на костылях два месяца. Через два месяца выяснилось, что нога срослась неправильно, её надо ломать и перекладывать по новой. Это называется «реконструкция стопы». Я хотела плюнуть этому немцу в рожу. Но какой смысл? Ну плюнула, и что дальше? Ничего не изменится. Я поехала в Швейцарию, и врач по фамилии Верли мастерски реконструировал мне стопу. И сказал: «Бьен алле». Это значит: прошло хорошо. И действительно, всё обошлось. Мои ноги работают одинаково. Но так бывает не всегда. Западные врачи быстро привыкли к тому, что русские, не имеющие страховки, приезжают с полной авоськой валюты и суют живые деньги в жадные руки врачей. Эти западные врачи ни за что не отвечают. Больной приехал, потом уехал – и с концами. Западные врачи боятся ответственности за своих, а на чужих им плевать. Я знаю, о чём говорю. Моя знакомая отправилась в Австрию менять клапан на сердце. Ей

заменяли. Спустя месяц оказалось, что клапан подтекает. Это же не водопроводный клапан, который подтекает. Это сердце. Пришлось снова лететь, снова платить, снова под нож. И никому не стыдно. Никто не извинился. Содрали дополнительные деньги. А меж тем у нас есть прекрасные хирурги и стоит операция в три раза меньше. В чём проблема? Не все больные могут оплатить. Откуда у дяди Васи восемь тысяч долларов? Он их и в глаза никогда не видел. Появилось такое слово – квота. Это значит бесплатно. Можно сделать операцию бесплатно, но за квотой надо ходить по инстанциям, и пока ходишь по кабинетам – умрёшь в пути. Какой выход? Такой, как в Европе и в Америке. Страховка. У нас существует страховой полис, но это какая-то фикция, типа «ваучер». Нужна реаль-

ная, настоящая страховка, как на Западе. Когда это будет? Те, кто составляет законы, ездят лечиться на Запад, и им плевать, что будет с дядей Васей. Или со мной, например. Я нахожусь в том же положении, что и дядя Вася. Вот схватит, и куда совататься? В городскую муниципальную больницу, а там врачи, работающие за копейки. Как им платят, так они и работают. Попадёшь к очередному этническому немцу, и «здрасьте, Константин Сергеевич» (имеется в виду Станиславский).

О чём речь? Пусть в Думе запустят страховку. Я догадываюсь: за этим стоят многие перемены в здравоохранении. Но это стоит того. Ведь даже Фидель Кастро в своей нищей Кубе сделал первоклассную медицину. Неужели мы не можем? Не хотим. Привыкли за семьдесят лет, что у нас люди – мусор.

...В середине книги – фотографии: Юрий Бузиашвили рядом с Путиным, с Майклом Дебейки – известнейший хирург, кто не знает. У меня тоже есть фотография рядом с Федерико Феллини. Я её везде сую. Это не что иное, как комплекс неполноценности, который рядится в комплекс превосходства. Дескать, если я рядом с Феллини, то я тоже не лыком шита. А я и так не лыком шита, и без Феллини. И Юрий Бузиашвили не меньше тех, с кем он рядом.

Больше других мне понравилась его семейная фотография. Потомственные врачи. Все всех любят, это заметно. Готовы жизнь отдать один за другого. Вот где сила. Вот где счастье: монолитная семья, где все всех любят. Мы постоянно ищем национальную идею. А вот она: СЕМЬЯ. Чем не национальная идея? ☉

ИНТЕРФЕРОН
АЦИКЛОВИР

ДВОЙНОЙ УДАР
ПО ГЕРПЕСУ!

ГЕРПФЕРОН®

МАЗЬ ДЛЯ МЕСТНОГО И НАРУЖНОГО ПРИМЕНЕНИЯ

- Лечение первичных и рецидивирующих герпетических поражений кожи и слизистых оболочек
- Лечение генитального герпеса
- Лечение опоясывающего лишая
- Содержит лидокаин для снижения болевых ощущений

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firm.ru

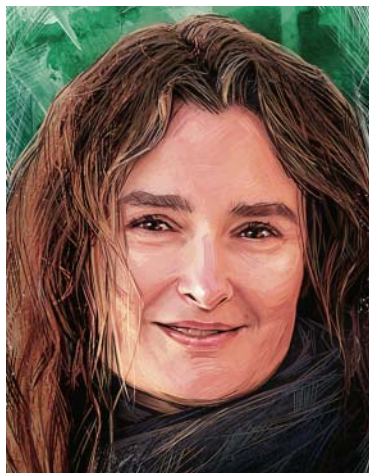
ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

Парное катание

Вера Павлова

Я – бомж: место моего жительства неопределённо. В моём кармане бренчит связка ключей от квартир в трёх разных городах трёх разных стран. Эти страны, эти квартиры и правда очень разные. Но в каждой есть две вещи, без которых моя жизнь остановилась бы: у меня три пианино и три пары коньков. В Москве коньки чёрные, в Нью-Йорке и Торонто – белые. Белые фигурные коньки: высокий чёрный каблучок, узкая щиколотка, золотые крючочки для шнурков... Я не знаю обуви прекрасней. На таких коньках пролетело моё детство. *Вот уже тридцать лет под землёй троечник с минусом, вертопрах – мальчик, который бегал за мной на лыжах, роликах и коньках, даже однажды ногу сломал, думала, шутит, но нет, всерьёз, и старший брат, хоккеист-амбал, его с катка на руках унёс.*

Меня усадили за пианино и поставили на коньки в пять лет. Мне до сих пор кажется, что в этих занятиях есть что-то общее. Полёт? Выпадение из реальности? И оба теснейшим образом связаны с любовью. Любимый – это тот, кто с тобой музицирует и, коленопреклонённый, зашнуровывает тебе коньки. *Мы выросли наперегонки. Мы на время бегали по кругу. Мальчик, шнуровавший мне коньки (переделал, это слишком туго!), первым откатал свои круги. Врали про плеврит. Нет, политура. ...и так накатаешься, что, придя, не можешь снять коньки – сядешь на пол и сидишь, как дура.*

«Летний зимний пруд, ясные деньки... Как же мне идут ласты и коньки!»

Моё катание не очень фигурно. Ласточка, подсечка, пистолетик, низенький перекидной мостик – вот и всё, чему меня, пятилетнюю, научил тренер. Но что может быть лучше, чем смотреть фигурное катание по телевизору? Соглашусь: самые красивые руки – у балерин. Но самые красивые ноги – у фигуристок (спортивные танцы). *Немного музыки и льда, немного солнца и надежды... Лёд – это спящая вода, которой снятся конькобежцы. Они бегут, в руке рука, они забыли все печали, за десять лет они пока ещё ни разу не упали.* А написала этот стишок – и тут же упали. Так что – один раз. За всю тринадцатилетнюю жизнь со Стивом. *Движенья неуклюжи, куртки яркие,*

смешная красота, весёлый страх, субботний день, каток в Центральном парке, американцы на тупых коньках. И я по кругу семеню со всеми, то по, то против стрелки часовой, сбивая с ног, сбивая с толку время. Ой!

Мы со Стивом ходили на каток сотни раз. Летали по кругу. И вместе с нами летали клерки (руки в карманах, пиджаки расстёгнуты, галстуки развеваются), еврейские девушки в длинных юбках, группа монашек при полном чёрно-белом пингвиньем параде, однажды – свадьба в полном составе (тулупчик поверх белого многоярусного платья, шапочка поверх фаты, жених почти не умеет кататься)...

Завсегдатаев мы знали в лицо. А они – нас. И никто из них не подозревал, что последние три года в кармане спортивной куртки Стива частенько пряталась пластмассовая бутылочка с трубочкой, через которую в его вену по капле сочилась химиотерапия.

Стив очень хорошо катался. Стив с юности занимался конькобежным спортом. Бегал на «ножах». Но даже на коньках убежать от неизбежного не удалось. *Осень. Сумерки. Старица. Первый лёд. Правый конёк болтается, левый жмёт. Тут цвели в изобилии в оны дни лиловатые лилии. Где они? Снег, без снежки, вразвалочку... Неказист, сделал первую ласточку фигурист. ❖*

2

ГЛАВА

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

*Из которой становится ясно, какую роль в жизни актрисы Поляковой сыграли самогон, «Беломор» и Рей Брэдбери **с.52***

.....
*и почему биографию Ирины Алексимовой подпортили профсоюз и срочный контракт **с.28***

—❖ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЖИЗНИ ❖—

Стальная магнолия

Среди ярлыков, навешанных когда-то на Ирину Анексимову, был даже такой: главная стерва российского кино. Сегодня быть деловой и жёсткой ей приходится в жизни. За что заработала новый ярлык: антикризисный менеджер

ВЛАД ВАСЮХИН

⊙ **Знаете, как я провёл вчерашний вечер?**

– Понятия не имею.

⊙ **Посмотрел на ютубе пять или шесть ваших телеинтервью...**

– И как? Говорю одно и то же? Слово в слово?

⊙ **Ну а кто не повторяется? Другой биографии нет... Но это я к тому, что теперь способен о вас хоть лекции читать.**

– Тогда мне точно не придётся рассказывать, как я три раза поступала в театральное училище или как отказалась от главной роли в «Маленькой Вере». Может, и на свои вопросы сами ответите?

⊙ **Спасибо, нет. Иначе какой же смысл приходить... Кстати, правда, что в юности вы торговали рыбой?**

– Нет, это кто-то выдумал и запустил в прессу.

⊙ **А что самое нелепое вы о себе читали?**

– Это я раньше читала статьи и рецензии. А теперь, когда в социальных сетях обо мне может писать кто угодно любые комментарии или устроить обсуждение моей внешности, физического состояния, я перестала читать. Броня, которую я ставлю, защищает, но критика не попадает десять раз, а на одиннадцатый попадёт. А я живой человек, я женщина, и меня это ранит. Обо мне гадостей пишут гораздо больше, чем...

⊙ **...прелестей?**

– Да, тот, кто ко мне хорошо относится, не станет строчить оды. А тому, кто не любит, гораздо приятнее сказать: на, дрянь, получи!..

Не уверен, что судьба свела бы меня с Ириной Викторовной Апекусовой, если бы она не оказалась в кресле директора до сих пор любимого, а когда-то просто самого главного для меня, как и для многих, Театра на Таганке. Его, этот театр, не раз пытались закрыть, предавали забвению, объявляли трупом, а он, как феникс из пепла, как чёрт из табакерки, как ванька-встанька, выпрыгивал из самого адского ада. И, подобно герою своего великого и запрещённого Екатериной Фурцевой спектакля «Живой», снова подмигивал всем маловерам и душителям: «Жизнь мне ставит точку, а я ей – запятую, запятую!» Апекусова стала новой запятой в его истории. Красивой запятой. Кажется, что и директором её назначили, чтобы ещё раз подтвердить экспромт Андрея Вознесенского, начертанный поэтом на свежевыкрашенной стене кабинета Любимова: «Все богини как поганки перед бабами с Таганки!»

⊙ **«Вся страна знает, как надо руководить «Таганкой!»» – не без сарказма заявили вы после своего неожиданного для многих назначения ровно год назад на должность директора легендарного театра. А сами-то вы знаете, как надо?»**

– Нет, конечно. У меня есть некое представление о том, как это должно быть и куда бы мне хотелось привести театр, но, если бы знала точно, мне было бы неинтересно. Это как пройденная дорога или

прочитанная книга... А фразу про «всю страну» я сказала потому, что количество недовольных моим назначением и тем, какие шаги я предпринимаю, говорит о том, что «как надо» знают все.

⊙ **Один такой знаток как раз напротив вас, и ещё сколько-то тысяч прочитают этот текст и пришлют свои планы по обустройству. А вообще, среди читателей STORY немало чудеснейших людей, которые ходили в любимовский театр в его золотые годы, когда ещё никто не кривил носом: «Таганка» не та! «Таганка» умерла!» А вы были её завсегдаем?**

– Никогда.

⊙ **Не может быть!**

– Вот такая ирония судьбы. Было два довольно случайных визита, но это же не значит быть преданным зрителем. Приехав в Москву и поступив в Школу-студию МХАТ, я посмотрела спектакль «Добрый человек из Сезуана». Помню, что пробились мы на него с моим однокурсником с трудом, смотрели на балконе, стоя. Скажу вам честно: во мне тогда ничего не отозвалось. Как в музей сходила. И у меня было послевкусие почти как в том анекдоте про Джоконду: ну если она так долго живёт на свете, то теперь может сама выбирать, кому ей нравится, а кому нет. В общем, я «Таганку» не поняла и для себя закрыла... А после не стала зрителем этого театра, потому что мне было интересно, что происходит во МХАТе, и я с утра до ночи училась и работала. А тут ещё открылся «железный занавес», стало можно ездить по миру и смотреть зарубежные спектакли, открывать то, чего мы не знали.

⊙ **И что, у вас водились денежки для культурного туризма?**

– Денег не было, но возможности имелись. Нас, студентов, очень много возил наш мастер Табаков – и во Францию, и в Англию, и в Америку, – за что спасибо ему.

⊙ **Пережили культурный шок?**

– Сейчас почти не осталось в памяти, а тогда, помню, да, что-то поражало. В те времена для молодых людей из Страны Советов увидеть мюзикл – это было чем-то из ряда вон. И плюс нам очень повезло – на Бродвее мы даже станцевали в мюзикле «Кордебалет», меня с одним однокурсником выпустили в финале.

⊙ **А вообще, своё самое острое театральное впечатление всех времён и народов помните?**

– Помню. Актриса Елена Майорова, царство ей небесное, в спектакле «Иванов» на сцене Художественного театра. Это было что-то невероятное! Конечно, из зала я смотрю на всех коллег как актриса: а смогла бы я так или нет? И помню свои ощущения от её игры: нет, я бы так не сыграла. Зная, что Лена русская девочка с Камчатки, я не понимала, как она могла настолько тонко играть умирающую еврейскую женщину Сару... И второе

моё сильнейшее потрясение – Олег Николаевич Ефремов, тоже в Чехове, но в «Дяде Ване», в роли Астрова. Я была очевидцем многих блестящих спектаклей и выдающихся актёрских работ, но чтобы вот так попало в сердце... Сейчас вам говорю о них, а внутри возникает то же самое эмоциональное состояние, когда впервые это увидела...

☉ **До прихода сюда директорствовать какое-то отношение к Любимову, человеку и режиссёру, у вас было?**

– Может, я скажу сейчас ужасные вещи, но у меня нет того чудовищного пиетета, который есть у людей, родившихся и выросших в любимовском театре в качестве артистов, которые здесь состоялись, ну и так далее. Я с огромным уважением отношусь и к ним, и к Юрию Петровичу, но приведи меня сейчас директором в Художественный театр, про который я знаю всё, там мне было бы работать сложнее, чем на «Таганке»... Естественно, я знала, кто такой Юрий Петрович и что он делает, хотя в 90-е годы больше слышала про его оперные постановки на Западе. Естественно, знала артистов, у него работавших. Более того, я даже снималась в последнем фильме Леонида Филатова – он не успел его закончить. Мы снимали в Париже. Во время работы над фильмом у Филатова и случился инсульт... А с Любимовым я знакомлюсь по-настоящему только сейчас – много читаю о нём, просматривая архивные материалы. И я попадаю под его обаяние, а раньше была от этого свободна.

☉ **Обаяние, бесспорно, фантастическое, хотя при желании Юрий Петрович умел быть и небаятельным, и злым. А что скажете насчёт его революционных идей в режиссуре и сценографии?**

– Вы поймите, они были революционными для того времени, когда я была ребёнком. Мной, увидевшей его театр в 90-е годы, Любимов уже не воспринимался авангардистом. Поэтому они меня так не зацепили.

☉ **В прошлом году около театра появилась улица Высоцкого, а имя Любимова театру не собираются присваивать? Может, через год, к 100-летию мэтра?**

– Да, были такие разговоры. Надеюсь, что присвоят. Этот театр имеет право носить имя своего создателя.

☉ **Нет, главное, что Юрий Петрович достоин подобного увековечивания. Драматург Радзинский сказал замечательную фразу: «Писателю долгие повести не с женой, а со вдовой». Любимову повезло – Каталин Куниц делает многое для сохранения памяти о нём, хотя в истории этого театра её роль была как весьма созидательной, так и разрушительной. И статья в STORY о ней, вышедшая ещё при жизни Юрия Петровича, называлась «Леди Макбет Земляного Вала». Она вмешивается сейчас в таганковские дела? Какие отношения у двух сильных женщин?**

– Отношения деловые и очень уважительные. Я не была, к счастью, свидетелем чудовищного ухода Любимова с «Таганки», но, как и все, о нём слышала. И хотя до сих пор стараюсь держаться вдалеке от этой истории, скажу честно: я была на стороне Любимова. Он создал театр, и мне казалось, что уважающие себя люди, если их не устраивает работа с худруком, должны были уйти.

☉ **А вот такой близкий театру человек, как Вениамин Смехов, с вами бы не согласился. Он говорит, что это ложь, будто Любимова прогнали его же ученики: «Невозможно прогнать льва. Юрий Петрович сам закрыл за собой дверь, сказав, что не вернётся. И не вернулся». А вы знаете про его попытки приватизировать театр?**

– Это всё уже на уровне сплетен...

☉ **Да нет. Документы опубликованы, протоколы собраний, письма в инстанции, у Золотухина в дневниках много чего на этот счёт... И, кстати, кто, как не вы, сказал, что интриги и сплетни – необходимая часть любого творческого организма!**

– Я прекрасно понимаю, что после моего высказывания здесь опять начнутся «многие волнения», поэтому не очень хочу обсуждать уход Любимова из театра, но мою позицию вы узнали. Я смотрю на эту историю как «человек с мороза». Очень уважаемый мною Олег Николаевич Ефремов часто тоже бывал не прав. И очень сильно не прав. И артистов оскорблял, и так далее. От него ушли Вергинская, Калягин, Борисов. Так сложилось, что ушли...

☉ **Так и вас уволили из Художественного театра именно при нём. «Когда меня вытерли, думала, что сойду с ума, умру от боли», – говорили вы лет пятнадцать назад. Но мы к этой истории чуть позже вернёмся... И так, вот вы приняли «Таганку». Куда ни кинь – всюду клин: здание нуждается в серьёзной реконструкции, большие режиссёры от этого театра шарахаются, в труппе – разброд и шатания, борьба за власть, а зрителям скандальные новости уже порядком обрыдли. Что заставило вас согласиться на предложение департамента культуры?**

– Ощущение того, что, несмотря на все трудности, я смогу сделать что-то творчески значимое. Что-то может получиться, и этот театр поднимется хотя бы до тех высот, на которых он был когда-то.

☉ **Хотя бы?! Да на старую «Таганку» люди по ночам в очередях за билетами давились! Территория свободы! Не зря же её называли «антиторьмой». Здесь работал великий сценограф Боровский, выдающиеся композиторы, а уж какие артисты играли!.. А вы, кажется, не собираетесь делать ставку на звёзд и не хотите приглашать знаменитых режиссёров?**

– Мне очень хочется, чтобы новыми звёздами стали нынешние участники труппы. Все знаменитые режиссёры сделали свои театры. Не театр как

коллектив, а свои направления. Пригласи я сюда любого крупного режиссёра, он поставит тот же спектакль, что он поставил в Театре Пушкина, в «Сатириконе» или ещё где-то. Это будет один и тот же «его» театр. Да, этот спектакль, возможно, будет иметь успех. Но люди придут к нам на спектакль Бутусова, Богомолова, Серебренникова, Рыжакова, а не на «Таганку». А этот театр, в чём я абсолютно уверена, должен иметь собственное лицо.

○ *В таком случае это монополия одного или двух режиссёров, это авторский театр, как было у Любимова.*

– Ничего подобного!

○ *Ну вот сейчас уже несколько месяцев с вашей подачи проходит эксперимент – десяток-другой молодых режиссёров для Малой сцены ставят эскизы, и у каждого в идеале должен быть всё-таки свой стиль, свой узнаваемый почерк.*

– А вдруг из этой дюжины режиссёров вырвется один, который сможет стать главным? Вдруг появится сильный лидер? Наша лаборатория – это как раз поиск режиссуры, своего направления.

○ *Ищете нового Любимова? А как поступите с творческим наследием Юрия Петровича? Есть расхожее театральное выражение: «Играть можно – смотреть нельзя». Если честно, я вот*

опасаюсь идти сегодня на любимовские спектакли, которые видел в их лучшей форме и очень люблю. Даже самые кассовые и знаменитые из них вроде поставленного почти сорок лет назад «Мастера и Маргариты» – это давно уже как вино, не раз разбавленное водой. Как говорит в подобных случаях ваш учитель Табаков, «такое показывать людям за деньгами нельзя!»

– Я согласна, что эти спектакли в чудовищной художественной форме. В чудовищной! Они абсолютно развалены. Абсолютно! Но при этом при всём я не могу в себе найти каких-то этических сил сказать: всё закрыть! Я не имею на это права. Так много людей внутри этих спектаклей, и эта работа их поддерживает. На сцену выходят артисты, которые еле приезжают в театр. И если благодаря этому продолжается их жизнь, творческая и человеческая, да бог с ним, пусть спектакли будут.

○ *Пока не развалятся окончательно?*

– Знаете, есть восточная мудрость: если не можешь принять решение сию секунду, то отпусти ситуацию, она сама как-то разлулится.

○ *Так вы же не создадите прецедент: ставшие классикой спектакли Гончарова давно уже не играют в «Маяковке», а шедевров Товстоногова нет в БДТ...*

ГРИППФЕРОН®

Рекомбинантный интерферон альфа-2

КАПЛИ В НОС и СПРЕЙ

Экстренная профилактика
и лечение **ОРВИ и ГРИППА**
даже для
будущих мам и малышей
с первых дней жизни!

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firm.ru

Теперь и в форме спрея

ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

– Ну вы не сравнивайте «союз писателей» Театра на Таганке с «писателями» «Маяковки» и БДТ, если там таковые есть.

☉ **Вы готовы об этом поговорить? О людях, которые мешают реформатору своими жалобами в инстанции, об альтернативном актёрском профсоюзе из пяти, что ли, человек...**

– Бог с ними. Я не хотела бы тратить на них отпущенную нам в журнале площадь. Они работают в театре. Я никак не мешаю их профессиональной деятельности. Здороваясь со всеми, но не все здороваются со мной. У нас только переписка.

☉ **А вы же сами оказывались в подобной ситуации, только по другую сторону баррикад, когда в качестве профсоюзного лидера тогда ещё ефремовского МХАТа стали защищать интересы трудового народа...**

– Да, ещё одна ирония судьбы! У нас тогда были срочные контракты на три месяца, и борьбу за их отмену вели те, кому было в общем-то плевать на реакцию руководства, потому что мы крепко стояли на ногах, считались ведущими артистами, на нас держался репертуар. Вообще, это чудовищная система, когда не знаешь, что с тобой будет через несколько месяцев. Это очень тяжело. При этом не должно быть и бессрочных контрактов: и труппа раздувается, и бюджетные средства не бесконечны, а все знают, что зарплаты у театральных артистов маленькие. Мне гораздо больше нравится, когда контракт на определённую роль или на какое-то количество спектаклей. Во МХАТе борьба профсоюзного комитета с дирекцией шла из-за контрактной системы, а расстались с нами по другой причине. Мы, обладатели краткосрочных контрактов, не дали разрешения на увольнение человека, который был на бессрочном, – заместителя художественного руководителя Владимира Марковича Прудкина.

☉ **Нашли кого защищать! Помню статью в «Новой газете», где сказано, что главное деяние этого господина при Ефремове – организация профсоюза, отравившего судами и склоками последние годы больного Олега Николаевича. А после, уже при Табакове, возвращённый в театр Прудкин оказался в центре скандала с хищением бюджетных средств. Тёмная история...**

– Не хочу сейчас обсуждать личность Прудкина. Разговор о другом: когда Олег Николаевич решил создать в театре профсоюз, он сказал мне: «Ты будешь председателем». Ефремов сказал – и все вступили в профсоюз. И мы начали бороться против контрактов. А потом нам сказали: «Все выходим из профсоюза». И все вышли. А мы, профсоюзные активисты, в итоге оказались на улице.

☉ **Уже после смерти Ефремова вас восстановили по суду, но работать во МХАТе у Табакова не дали... Ваша история – из актёров в директора – напоминает судьбу самого Олега Павловича. Как вы к нему сейчас относитесь?**

– Как к учителю.

☉ **На его 80-летию были?**

– Да, в августе, а когда в ноябре проходило празднование с телесъёмкой, как нарочно, оказалась на гастролях. Где? В Караганде! И позвонила оттуда Олегу Павловичу: «Я в Караганде». «Я тебе потом расскажу, чем всё закончилось», – ответил он.

☉ **Вернёмся к афише новой «Таганки»...**

– Это действительно важный вопрос. Я вообще ещё ни одного спектакля из репертуара не сняла, но в ближайшее время это надо будет сделать. На спектаклях Любимова достаточное количество зрителей, и они получают удовольствие – я же тоже сижу в зале. Хотя очень много людей ужасно ими недовольны, включая тех, кто в них работает. Возможно, для их «починки» надо бы пригласить безумно сильного режиссёра, мощного...

☉ **Фамилия?**

– Не назову.

☉ **Нет, просто интересно, кто в вашем представлении мощный? Ну, допустим, Анатолий Васильев, в бывшем театре которого – в подвале на улице Поварской – базируется «Таганка» на время ремонта и где мы с вами беседуем?**

– Может, это мог бы сделать Анатолий Васильев. Или кто-то другой, кто бы не навредил, не испортил бы эти спектакли, а подчистил бы их. Вообще, любой спектакль в начале сезона нужно чистить и собирать. Ну вот как найдётся такое имя...

☉ **Будем считать, что вы бросили клич.**

– Не надо! А то сейчас сюда явятся люди, которым мне будет трудно отказать.

☉ **А что, много друзей-товарищей и городских сумасшедших стало приходить к вам с идеями и проектами после назначения директором?**

– Немало. И многие просят: «Дай мне поставить спектакль!» А мне очень трудно сказать: нет. Мне гораздо ценнее дружба с этими людьми, чем совместная работа. Если я знаю, что творчески мы не сойдёмся, то отказываю по-разному: с кем-то спускаю ситуацию на тормозах, кому-то говорю прямым текстом. Умные люди, а у меня в друзьях такие, реагируют адекватно. Настоящие друзья не пропадают.

☉ **На «Таганку», осиротевшую после скандального ухода Юрия Любимова, а затем смерти Валерия Золотухина, сменившего его на посту худрука, вас перебросили из другого очага культуры. Там вы тоже были директрисой, а его главный режиссёр, как и Любимов, такой же первопроходец, провокатор и возмутитель спокойствия. Две цитаты. Первая – июль 2012 года: «Она вдруг эту роль играет фантастически свободно, как будто всю жизнь была на этой должности, тем более что она знает всех артистов в театре, её все обожают, и никак по-другому, кроме Ирочки, никто не обращается».**

– Роман Виктюк?

⊙ **Верно!**

– Мой любимый...

⊙ **Вторая цитата** – ноябрь 2014-го: «Нашего директора мы не видели уже пять месяцев. Поэтому труппа написала обращение к властям. Подписали все – и обслуга вся, и артисты, и я, – чтобы она освободила место добровольно, что точек соприкосновения с ней нет. Она как актриса имеет амбиции только в одну сторону – в свою. У неё параллельно есть спектакли, она их возит по стране. Всё время занята собой. А вот теперь есть то, что есть». Да, снова Роман Григорьевич. Объясните, почему за два года по отношению к вам им был сделан шаг от любви до ненависти, от «Ирочки» до «она»?

– Я думаю... Я уже даже не думаю на эту тему! Нет, я могла бы долго об этом говорить. Допустим, о том, что каждый раз, уезжая на гастроли со своими двумя спектаклями, я писала в департамент культуры заявление на отпуск за свой счёт. Принимаю, что многим интереснее и даже волнует: что у нас случилось с Виктюком? А случилось то, что случилось. Точка.

⊙ Он сформулировал причину вашего расставания ещё и так: «Театр – это любовь. Творить можно только в любви. Творить в ненависти –

не может быть никакого результата». Разлюбили друг друга?

– Я не раз уже говорила, что Роман Виктюк – гений. О гениях – или хорошо, или никак.

⊙ **Это о покойниках. Хотя даже древние говорили: Demortuis – veritas! То есть о мёртвых – правду. А уж о гениях – тем более. А вообще, Виктюк – мифотворец?**

– Невероятный! Он ставил со мной спектакль «Наш Декамерон», и я сразу поняла, когда он говорит правду, а когда рассказывает сказки, в которые верить гораздо интереснее. Я для себя оставляю развенчание всех этих историй немножко на потом. На мемуары. Я решила: когда сяду писать воспоминания, то не стану перечислять – была там-то и встретила с тем-то, а просто издам книгу писем о себе. Сборник кляуз, жалоб и подобных высказываний. Он будет называться «И это всё обо мне». Правда, клёвая идея? Надеюсь, ни одна собака её сейчас не сопрёт.

⊙ **«Жалобная книга», как у Раневской? Только жалуетесь не вы, а на вас!**

– Да, жалобная книга.

⊙ **Я помню, что вы одесситка, но если серьёзно... Почему вы так драматично расстались с Театром Виктюка и его создателем? Очевидцы**

ОФТАЛЬМОФЕРОН®

капли глазные

ЛЕЧЕНИЕ ВИРУСНЫХ И АЛЛЕРГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ГЛАЗ У ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

- лечение герпетических поражений глаз, аденовирусных инфекций глаз
- лечение синдрома сухого глаза
- лечение и профилактика осложнений после хирургических вмешательств
- содержит рекомбинантный интерферон альфа-2b и противоаллергический компонент

Per. P N 002902/01

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firnm.ru

ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

говорят, будто на премьере спектакля с символическим названием «В начале и в конце времён» вы вышли из-за кулис с букетом цветов, встали перед режиссёром на колени... Ну, подобного пассажи вообще не могу представить... А он не обратил на вас внимания, букет в сторону засунул.

– Могу вам сказать, что с мая 2012 года по апрель 2015 года мной с Театром Романа Виктюка было сделано много чего хорошего. Во-первых, театр вернулся в Москву, потому что он был гастрольным. Все знали Романа Григорьевича, но в столице его труппа играла мало.

☉ *Так не было своей площадки. Аренда дорогая. А главное – как приятно говорить, что «нам рукоплескал весь мир»!*

– И вот москвичи, включая новое поколение, стали ходить на его спектакли. Не сразу, но стали. Билеты начали продаваться через кассовые аппараты. Прибыль пошла в театр.

☉ *Простите, а раньше они как продавались?*

– Про это я ничего не буду сейчас говорить. Театр стал ездить на гастроли за достойный и гарантированный гонорар. И главное – за эти три года было реконструировано и отремонтировано конструктивистское здание на Стромьнке, построенное Константином Мельниковым в 1929 году и переданное Театру Виктюка ещё в 1996 году. А это эпопея непростая. К примеру, мы убрали азербайджанский ресторан, арендовавший большую часть помещений. Представляете себе, да?

☉ *Были разборки с шайлычниками?*

– Было всё. Я шла напролом.

☉ *Почти год назад мэр Собянин вбил в сцену символический гвоздь, и канал «Культура» сообщил, что здание распахнуло двери, что новый сезон откроется премьерой цветаевской «Федры», а театр в собственных стенах так и не работает... При этом вы постоянно говорили после своего ухода, что сделала там всё, что дальнейших перспектив для себя не видели. А разве открыть театр по-настоящему, а не символически – это не перспектива?*

– Если бы я ещё немного пробыла директором, то уже бы его открыла.

☉ *Ваша дочь, 21-летняя актриса Дарья Авратинская, будет задействована в спектаклях «Таганки»?*

– Я не знаю... Посмотрим... Если возникнет необходимость в ней как в актрисе или в её типаже.

☉ *Таганковки не боятся, что вот-вот на их роли придёт директорская дочка?*

– Ну, это вы у них спросите. Может, кто-то и боится, а у кого-то хватает мозгов не бояться. У меня нет цели сделать из дочери главную артистку «Таганки». Я её могла бы уже сюда привести. Мне хочется, чтобы она состоялась как человек и как актриса, для этого нужен не театр, а интересная роль, и уж где это произойдёт – неважно.

☉ *Но вы же продюсер и можете попросить драматурга Икс написать, а режиссёра Изрек поставить пьесу специально для вашей Даши?*

– Могу. Но я не буду этого делать.

☉ *Как отреагировал Дашин отец на то, что для сцены она взяла фамилию бабушки, вашей мамы?*

– Это была наша совместная домашняя идея. Она – отдельная актриса, и у неё должна быть своя фамилия. Думаю, Валере (артист Валерий Николаев – бывший муж Ирины, отец её дочери. – Прим. авт.) было неприятно, но смирился.

ФОТО: СЕРГЕЙ ТРИФОНОВ

⊙ *Выйдя замуж, Даша всё равно могла бы поменять фамилию...*

– Актрисы, как правило, не меняют. А выйти в светлую жизнь с фамилией Апексимова ей было бы очень сложно. На ней и так сейчас отражаются отношения публики ко мне. Так пусть хотя бы часть людей не знает, чья она дочь.

⊙ *С Дашей разобрались, а актриса Апексимова на сцене «Таганки» появится? Или певица Апексимова, потому как вы же поёте одесские песни – от «Шаланд» до совсем уж экзотической «Рахилья, чтоб вы сдохли, вы мне нравитесь».*

– Мне бы очень хотелось выйти на эту сцену. В том числе и с сольной программой «Одесситка», которую я обожаю.

⊙ *Директор не позволяет?*

– Нет-нет. Моё ощущение, что какие-то хорошие премьеры должны состояться без моего участия, а вот тогда я буду иметь право выступать.

⊙ *Ирина, но часики-то тик-тик-тик. Не боитесь, что, пока вы будете ждать подходящего момента, что-то уже будет играть поздно?*

– Послушайте, но я же играю. И как актриса я что-то могу и что-то из себя представляю. У меня

есть два спектакля. И зрителей на них приходит больше, чем в Театр на Таганке.

⊙ **Директорство что-то дало вам?**

– Оно позволило открыть в себе одно удивительное качество. Я никогда не думала, что смогу так радоваться тому, что есть хорошие артисты. В частности, на «Таганке» большая часть труппы – крепкие артисты. Я сейчас похвалю себя немножко: это стало заметно на проекте «Репетиции». И если смотришь спектакли, в которых они заняты уже много лет, то заметно: играют на штампах. А здесь, в «Репетициях», они живые! Открылись! И я этому радуюсь, и никакого ревностного отношения, что эту роль могла бы сыграть не эта актриса, а я, у меня нет. Сама себе удивляюсь! Возможно, я перешла в другое качество, а возможно, моя актёрская профессия стала для меня хобби.

⊙ **У вас нет звания заслуженной или народной артистки. Но в прошлом году в компании с такими деятелями культуры, как Катя Лель и Никас Сафронов, вас наградили неким золотым орденом «Патриот России». Почему говорю – неким? Мне так и не удалось найти – кто его учредил и за что присваивает. Но вопрос не о том: что значит быть патриотом России в нынешней ситуации?**

– Мне кажется, патриотом надо быть в любой ситуации, а не только в нынешней. К сожалению, многие люди расценивают патриотизм как выпендрёж, пиар-ход. Для меня это любовь. Я очень люблю Москву и с удовольствием сюда возвращаюсь даже из своей любимой Венеции. Клянусь!

⊙ **Мысли об эмиграции посещали когда-нибудь?**

– Никогда. В 90-е, когда была волна эмиграции, мне это было неинтересно: я училась в Школе-студии МХАТ и уже играла в театре. Было много творчества, а колбаса меня не заботила.

⊙ **А это правда, что вы плохая хозяйка и не умеете готовить?**

– Неправда. Я очень хорошо готовлю. Для меня быт – переключение с одного рода деятельности на другой, своеобразный отдых. Я не умею дома отдыхать – лежать и смотреть телевизор. Прихожу и начинаю где-то что-то тереть, отмывать или готовить, если есть кому есть.

⊙ **А сами любите поесть?**

– Очень люблю.

⊙ **Хотели бы поужинать с Пушкиным?**

– Думаю, нет. Меня бы задавили пиетет, я не смогла бы ему задать ни одного вопроса. В моей жизни был обед с Мишель Пфайффер и Шоном Коннери. Эту трапезу я никогда не забуду! Я себя чувствовала абсолютным дебилом. Стеснялась своего английского, не знала, о чём их спрашивать, ничего сделать с собой не могла.

⊙ **А многолюдное было застолье?**

– Нет, ещё три человека.

⊙ **Да, тут не открыться, не спрятаться...**

– И с Пушкиным был бы такой же результат. Есть люди, которые мне невероятно интересны, но не хочу к ним приближаться, если в голове себе уже что-то про них состроила, образы... У меня было одно разочарование: я была влюблена в артиста...

⊙ **Назовёте?**

– Ни в коем случае! Он жив и здравствует. Для меня это был самый прекрасный мужчина, и он должен был быть именно таким, каким я его видела в кино. И вот, будучи молодой актрисой Художественного театра, пришла смотреть спектакль с его участием. После увидела за кулисами. Какое разочарование!

⊙ **Как вы отмечали свой недавний полтинник?**

– Послушайте, я женщина! Я не скрываю свой возраст и не говорю, что мне сорок два. Мне пятьдесят, что ни для кого не тайна, но это не является достоянием республики. Отмечала в узком кругу друзей.

⊙ **Ждали каких-то подарков?**

– На букет от Романа Григорьевича я заведомо не рассчитывала. Мне мама на каждый мой день рождения всю жизнь пекла с детства один и тот же торт – «Пражский». Не «Прага», а по домашнему рецепту. Безумно вкусный. В прошлом году мамы не стало. И вот моя дочь сказала: «Не переживай, я тебе сделаю этот торт на день рождения». И это – самый лучший подарок.

⊙ **Смена участи, о которой мы говорим, – это для вас подарок судьбы? Как Евтушенко писал: «Думал ли об этом я мальчишкой на сибирской станции Зима». Вы, когда отплясывали в кордебалете Одесского театра музыкальной комедии, подозревали, что будете руководить театрами?**

– Зачем же так далеко ходить – в Одессу! Да я ещё лет пять назад не видела себя в такой роли. Хотя продюсированием собственных проектов занимаюсь давно, с начала нулевых годов. Посмотрим...

⊙ **Народного артиста СССР Николая Охлопкова в середине 50-х вдруг назначили заместителем министра культуры СССР. Его друзья заволновались: «Сумеешь ли?» – а он ответил: «Царей играл! Царей! А уж с этим говном как-нибудь справлюсь!»**

– Нет, как к роли я к своему директорству не отношусь. Оно приносит слишком мало удовольствия и требует много сил. А количество затраченных усилий должно быть пропорционально полученному удовольствию или успеху, или не знаю, как это ещё назвать.

⊙ **Кайф!**

– А в этой работе пока гораздо больше тратится сил.

⊙ **Когда мои друзья, художники, дизайнеры, артисты или ресторанные критики, начинают жаловаться на жизнь, я немедленно говорю: в шахте тяжелее!**

– А я и не жалуясь. ⊙

год создания
2003
7 КРАСОК

ВАИ & ТАИ-СПА "7 КРАСОК" -

обладатель титула Гиннесс Мировые Рекорды

107 балийских и тайских SPA-программ • Восточный хаммам
Романтические встречи • SPA-курсы • Коррекция фигуры

«СЧАСТЬЕ - ЭТО КОГДА ТЕБЯ ПОНИМАЮТ,
БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ - ЭТО КОГДА ТЕБЯ ЛЮБЯТ,
НАСТОЯЩЕЕ СЧАСТЬЕ - ЭТО КОГДА ЛЮБИШЬ ТЫ».
КОНФУЦИЙ (551-479 г. г. ДО Н. Э.)

ПОДАРКИ ДЛЯ ТЕХ, КОГО ЛЮБИШЬ ТЫ
«7 КРАСОК». (2016 г. н. э.)

Гранд-Мастер Сатиявати

- ✓ Премиальные SPA-подарки по доступным ценам от 1990 руб
- ✓ Удобная персональная доставка
- ✓ Скидки от 20%

реклама

(495) 925-51-77 (24) (812) 333-50-77 www.7KRASOK.ru или СПА.рф

Москва | Санкт-Петербург | Химки | Королев | Красногорск | Мытищи

* Акция действует с 07.02.16 по 09.03.16. Количество подарков ограничено. Акция действует во всей сети салонов «7 КРАСОК» в Москве, М.О. и Санкт-Петербурге. Информация об организаторе акции, о правилах её проведения, количестве подарков, сроках, месте и порядке их получения размещена на сайте www.7KRASOK.ru.

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. НЕОБХОДИМА КОНСУЛЬТАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА.

Русская Золушка

Препаратор медийных пузырей, заядлый провокатор и защитник масс-культуры Александр Шабуров наконец-то разобрался с архетипом русской Золушки. Перед вами – сценарий сериала по мотивам жизни прославленной фотомодели Натальи Водяновой

Мечта о социальном реванше

В стародавние времена, на переломе «шоковой терапии» и быстро пролетевшей «путинской стабильности», я дефилировал по Патриаршим прудам с американским профессором, а в прежней ипостаси – моим земляком, сбжавшим из нашей страны в период так называемой «колбасной эмиграции». Всякий раз бесконфликтного общения нам хватает дня на три, после чего мы ссоримся, с разных кочек взирая на оставленные им и опекаемые мною родные осины.

На этот раз Марк наводил ревизию российским телесериалам. Нравоучительствовал: любой американский масс-культурный продукт построен по «Морфологии сказки» Владимира Яковлевича Проппа, а наши, как всегда, не догоняют.

– А ведь рецепт успеха прост! Открываешь Афанасьева (или братьев Гримм, если ты «западник») и пишешь нечто псевдодокументальное на основе первой попавшейся сказки. Например, «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Писать надо психологично, но без психоанализа. Сюжетно, но мотивированно. С реалистическими подробностями, но без детализации. И мата поменьше, это тебе не «Новый мир»! На дворе – рынок и коммерция. Поэтому надо определяться на пороге, что будем писать – боевик или мелодраму, амбивалентность не проканает. И отвлекаться от сказочного сюжета нельзя ни на шаг!..

Я отвечал, что со сказочными сюжетами в России и так полный порядок. И с осмыслением текущей реальности наша массовая культура тоже вполне справляется. Посмотри, какие актуальные мотивы туда вплетают. Любой, самый халтурный сериал – про то, кто мы такие, откуда и куда идём. Отсюда – демонизация советского прошлого и соотнесение себя с западной или с дореволюционной культурной традицией.

Вместо «Чапаева» – «Адмиралъ», вместо «Неуловимых» – «Господа офицеры». Уже сняли ремейки «Красотки», «Рэмбо» и «Коммандо» (с М. Пореченковым вместо А. Шварценеггера). Дважды осовременили «Анну Каренину», по разу – «Старика Хоттабыча» и «Дубровского». Уже и на советское наследство покушаются!..

Но самые навязчивые сюжеты новейшего времени – «Граф Монте-Кристо» (он же «Фаворский», «Крестовский» и «Граф Монтенегро») – о том, как герой пережил 90-е и вернулся всем чучу отчебучить, – и «Золушка» («Красотка», «Моя прекрасная няня» и «Принцесса на бобах») – о том, как простолюдника женила на себе миллионера. Искусство заделывает образовавшуюся социальную брешь. Каждому хотя бы символически охота перенестись из грязи в князи и показать всем, где раки зимуют. А назад, в грязь, не хочется.

А сказки что? При переписи населения у нас и так многие записались в эльфы. Кино переводит

Гоблин. Политэмигрант Березовский – эталонный Волан-де-Морт. А самая известная Золушка – Наталья Водянова. Которая торговала бананами, а потом – р-раз! – и вышла замуж за принца!..

Миссия невыполнима-2

Поэтому, когда мне предложили написать про золушку, я не особо сопротивлялся. Мне доверяют только самые трудновыполнимые задачи, на которые не всякий бумагомарака способен. Поручают проткнуть очередной медиапузырь и проверить, есть ли там хоть что-то внутри?

Вот вам информация для интерпретации.

Настоящая фамилия Водяновой – Водянова. Выросла она не в Нижнем Новгороде, а в Горьком. В детстве помогала маме торговать на базаре. Воспитывала сестру-инвалида. Потом стала моделью. Переехала за кордон. Начала печататься на самых модных обложках и работать с самыми известными брендами. Была их официальным лицом и телом. Вышла замуж за английского аристократа. Развелась. После трагедии в Беслане организовала благотворительный фонд, вовлекающий детей в игру. Установила по России сто детских площадок. Снялась в кино в роли горгоны Медузы. После того как её сестру на родине выставили из кафе, призвала бережнее относиться к большим согражданам. Вышла замуж вторично. В двух браках родила четверых детей. За одно это заслуживает уважения!..

Только здесь читатель зевает от скуки и захлопывает журнал!

То, что наша героиня модель, ничуть не упрощает задачу. Актрисы и манекенщицы мелькают в журналах куда чаще путевых обходчиц и школьных уборщиц (точнее, последние там совсем не появляются) и давно уже не воспринимаются в качестве живых людей. Понятно, что не их в том вина!.. К тому же актрисы хотя бы разговаривают, а модели ходят и молчат. А если служат лицом благотворительных организаций, тем более воздерживаются от неосмотрительных заявлений!..

Что делать?

Проще написать биографию с чистого листа! Всё равно про настоящую Наталью Водянову мы ничего не узнаем. И не потому, что пиар-менеджеры отфотошопили её так, что до реальных родинок не докопаться. А потому, что сказочные архетипы застыли нам глаза. Посему обратимся к жанру телесказки. Вуаля!

Сериалы про Есенина, Маяковского, Брежневца, Фурцева, Пугачёву, Зыкину, Пьеху, Круга, Лугового, хоккеиста Фетисова и «Ласковый май» у нас уже сняли. На очереди – шансонье Аркадий Северный и поэт Белла Ахмадулина (которых сыграют, понятно, Е. Миронов и Ч. Хаматова). Если в названии нет фамилии – «Зоя», «Людмила» или «Звезда эпохи», – значит, продюсерам не удалось

договориться с прототипами или их наследниками и можно забыть о фактах. А наша героиня будет и вовсе безымянной!

Метод Александра Дюма

Чтобы не напрягать мозги, я собрал в кафе двух друзей-сценаристов – Андрона и Пашу, – которые, побрызжав на свои обычные темы (на будущий год у телеканалов нет денег, всё отечественное кино – г... и окупается на один процент), за десять минут наговорили мне синопсис.

– Главное, – объяснил Андрон, – определить жанр, наше отношение к протагонисту и почему зрителю это должно быть интересно.

– Почему?

– Потому что мы покажем звезду как обычную бабу!..

Затем нужно привести «референсы» (примеры подобных сюжетов): «Золушка», она же «Красотка», «Аленький цветочек», он же «Красавица и Чудовище». Плюс миф об Амуре и Психее, он же «Пигмалион».

Наш жанр – «ромком» (романтическая комедия) с элементами «экзиспута» (экзистенциального путешествия). То, что модели молчат, компенсируем вставными историями. Каждый день героиня переезжает на новое место, но повсюду происходит одно и то же. К ней пристаёт очередной эмигрант и предлагает рассказать душещипательную историю про жизнь на чужбине...

– Давай добавим эпоса и пафоса, – просыпается Паша, – как в «Бригаде» или в «Трёх мушкетёрах». Чтоб фоном шла большая история! К примеру, приезжает героиня в Москву, а мимо неё Чубайс несёт коробку из-под кероску!..

– А это не перебор? – спрашиваю я, припоминая завет заокеанского профессора.

– Не дрейфь! Если надо, приплетём динозавров, египетских мумий и космических пиратов! – говорят они хором. – Всё закольцуем и запараллелим. А там пусть редакторы сокращают!

Конечно, куда удобнее нам было бы перенести действие в сталинские времена. В них сокрыт бездонный резервуар отечественного драматизма!

Я самолично видел (правда, краем глаза) телесериал про маршала Жукова, весь сюжет которого строился на том, что у него были жена и любовница. А генералиссимус двенадцать серий думал, как бы их разлучить. За одно это бедных актёров пора объявлять великомучениками! А то у многих из них, за что они ни берутся, всякий раз только лагерные шныри получают...

А ведь как было бы хорошо!..

Чёрным-пречёрным вечером по чёрному-пречёрному городу ездит чёрный-пречёрный автомобиль, в котором сидит нарком Берия. Вместо того чтобы курировать наш ядерный проект, он выскидывает, кого бы ему изнасиловать. Взгляд его па-

дает на пионерку, укутанную в бабушкину шаль. Она шагает на рынок продать последнюю ёлочную игрушку, чтобы купить сестре и маме хлеб и молоко... Чёрная-пречёрная дверь медленно-премедленно открывается, оттуда вырывается адское пламя и высовывается ржана краюха... Однако в самый последний момент девочка замечает бериевские копыта и улепётывает. Понято, что изо всех щелей выскакивают люди в чёрном и несутся за ней. Но каким-то чудом дитя оказывается у дверей «Спасо-хауса». Оттуда доносятся смех и джингл-беллз. Белая дверь открывается быстрее, за ней – лучезарная улыбка жены американского посла. Ненадолго героине всё же придётся попасть в ГУЛАГ. Но вскоре её немотивированно реабилитируют, и вот уже она бежит на высоких каблуках по заснеженному полю...

«А тем временем, – гласит титр, – в советских лагерях оставалось ещё 150 миллионов невинно осуждённых людей». Одна беда – это уже многократно повторено до нас (см., например, фильм «Внутри вихря» по «Крутому маршруту» Е. Гинзбург). Поэтому придётся напрячь извилины...

Поехали!

Малая родина

На гербе Нижнего Новгорода – олень. Когда-то здесь находилась ночлежка, описанная М. Горьким в пьесе «На дне». Рядом родился пилот П. Нестеров, автор «мёртвой петли». Неподалёку жил в ссылке «отец советской водородной бомбы» академик А. Сахаров. Все прочие знаменитости отсюда уезжают, благо до Москвы всего пять часов езды. Туда уже переселилась телевиджей Аврора и поглядывает журналист Е. Лавлинский (будущий писатель Захар Прилепин). Там же установили предназначавшийся для Нижнего памятник Минину и Пожарскому. Зато Кремль, разрушенный в войну, восстановили. Хотя все прочие стены в городе не красили почти полвека, отчего они поражают пуще творений абстрактных живописцев. В Кремле есть музей, где выставлена кустодиевская «Русская Венера».

Наша героиня на Венеру не похожа. Она тощая и пучеглазая. Гадкий, как говорится, утёнок. Одеты словно Элиза Дулиттл. На её покрасневших руках – драные варежки. Её маме вот уже три месяца задерживают зарплату. Ещё у неё есть большая сестра, которой нужен постоянный уход. Ухаживают за сестрой героиня и мама по очереди. Одна остаётся дома, другая едет на рынок, покупает коробку бананов, после чего продаёт их на центральной пешеходной улице под названием Покровка.

Чем болеет сестра, никто не знает. Однажды мама героини оставила сестру во дворе под прищотом соседки. А той было наплевать. Сестра забрела на недостроенную детскую площадку и упала в яму. Соседка спрятала ленту, ограждав-

шую котлован, и обвинила во всём гастарбайтеров Ашота, Аслана и Азамата. Заступиться за них некому, по-русски они ни бельмеса. Сестра с тех пор тоже не говорит и не ходит. Денег на лечение нет.

«Лихие девяностые» не сулят нашей героине ничего хорошего. Мужчинам предлагается россыпь новых ролей: брокер, бандит, кришнаит, гомосексуалист, рок-музыкант и андеграундный художник. А женщинам всего две – «челнок» (так называют тех, кто возит пуховики из Китая) и «интердевочка» (этой профессии обучает одноимённый популярный фильм). Слава богу, у нашей героини на кино денег нет. Поэтому она мечтает стать моделью (как на обложках журналов в соседнем ларьке).

Пока же окружающие обижают героиню и даже бьют. Чтобы отойти на минуту, она просит соседского мальчишку присмотреть за её бананами, а вернувшись, видит, что тот их продал! После чего, катаясь по снегу, пытается отобрать у него выручку и теряет варежку... Одноклассницы дразнят её за высокий рост, а преподаватели не понимают, почему она прогуливает школу. Однажды учительница английского приходит к ней домой, узнаёт про её семейные обстоятельства и начинает подкармливать, а также учить языку. Она же даёт героине билет в новую жизнь – объявление о наборе в московское модельное агентство.

– Стоп-стоп-стоп! – уточняет Паша. – Это хорошо, что доброй феей у нас стала учительница. Только героиня до самого последнего момента должна оставаться лохушкой и лузершей, чтобы вызывать сочувствие, и победить обидчиков в самом конце!..

Москва

Поэтому в Москве героине – увы! – тоже ничего не светит. Она считает себя уродиной и не верит, что победит. Поэтому, даже не узнав результата кастинга, собирается ехать домой. Однако на вокзале её встречает всё та же добрая учительница. Берёт героиню за руку и отводит в агентство.

Теперь она – настоящая модель! Теперь у неё есть «бук» и «лук». Дефиле, портфолио, ваучеры и контракты. Но жизнь модели – совсем не сахар! Во-первых, жрать ничего нельзя, как во времена её голодного детства. Во-вторых, фэшн-дедовщина! Её новые подружки гнобят друг дружку, как в фильмах про балет или кабаре. Подсыпают в туфли битое стекло, прячут наряды, ломают молнии и подпиливают каблук. В результате героиня всякий раз выходит на подиум с опозданием, за это её штрафуют. Жаловаться бесполезно. Ей даже поговорить не с кем. Люди в Москве – как бездушные манекены...

Москву расписывать особо не будем. Это яма побольше той, куда свалилась её сестра. По Белому дому стреляют танки. В метро – взрывы. На

Тверской топчутся путаны, блуждают шахидки, суют рекламу бомжи, переодетые мишками и утятами. На чёрных «бумерах» проносятся «братки». Чиновники смеются над предложением бывшего нижегородского губернатора, а ныне вице-премьера Б. Немцова пересадить их на отечественные автомобили. В телевизоре плачет президент Б. Ельцин, который просит у страны прощения, а телекиллер С. Доренко «мочит» мэра Ю. Лужкова...

Люди здесь общаются по-другому. В Нижнем все встречались без особой на то причины. В Москве – только по делу. В Нижнем все собирались дома на кухнях, на рестораны денег не было. Тут все живут в Бутове или Бирюлёве, а видятся в так называемых клубах...

– Здесь нужна первая вставная история про миграцию! – заявляет Андрон. – Для начала из Нижнего в Москву...

В клубе героиня натывается на свою землячку Аню. В Нижнем той все завидовали – она уже встретила главную любовь своей жизни! Все знали, что в Москве у неё есть жених. Это архитектор Аркадий, приехавший в Нижний строить «Макдоналдс». Я не выдумываю, так всё и было! Он давным-давно вернулся в Москву, но Аня рассказывает подругам, что по окончании университета она сразу же переедет к этому Аркадию. Домашнего телефона у неё нет, сотовые пока не у каждого, поэтому она самолично звонит жениху раз в неделю. Наконец, объявляет о своём приезде... Но оказывается, что Аркадий даже не подозревает о её планах. И что он женат. Правда, жена его уехала на неделю в Анапу, поэтому Аня может эти дни пожить у него (при условии, что не будет отвечать на телефонные звонки). Вернуться в Нижний ей нельзя, потому как она назимала там денег... «Представляешь, – жалуется Аня, – огонь моих чресел спит в соседней комнате и не проявляет ко мне ни малейшего интереса!»

– Потянет? – спрашивает Андрон Пашу.

– Потянет!

Заграница

Рано ли, поздно ли героиня попадает за рубеж. Про безответную любовь россиян ко всему заграничному и вытекающую отсюда «смесь французского с нижегородским» знают все. В Нижнем любая парикмахерская испокон века именовалась «Марселем» или «Куршевелем». А потом выяснилось, что Европа для русского человека – одна лишь фантазия (как писал Ф. Достоевский). И там своих проблем хватает.

Московские подружки, подсыпавшие нашей героине в туфли стекло, хотя бы походили на людей. А после того, как она ободрала об их макияж свой маникюр, полюбили её как родную. Теперь её окружают антропоморфные биороботы – Линда Евангелиста, Синди Кроуфорд и Наоми Кэмпбелл.

Они заполнили все топы и тренды. Но наша героиня бесстрашно идёт на таран, да так, что от ветеранок подиума летит штукатурка...

Казалось бы, Париж – это «праздник, который всегда с тобой». Здесь когда-то жил Шарль де Бац д'Артаньян. Здесь происходит действие мюзикла «Нотр-Дам». Здесь придумали слова «шваль», «шаромыжник» и «шантрапа». Здесь изобрели коммуны, нацию и консервы. Здесь написали энциклопедию, в которой евхаристию обозвали «каннибализмом». Здесь зачем-то штурмовали Бастилию, в которой на тот момент находилось семь узников, а дедушку, вынесшего ключи от крепости, разорвали на части. Зато в другой раз за одну Варфоломеевскую ночь убили и скинули в Сену ни много ни мало тридцать тысяч человек. Здесь же угробили британскую принцессу Диану, над местом гибели которой теперь горит факел из нержавеющей стали. А в киосках безнаказанно продаётся божомезкий журнал «Шарли Эбдо».

Первая встреча героиней соотечественница Понна открывает ей страшный секрет:

– С женихами здесь затык! Все местные мальчики постоянно пребывают в «депрессии», оттого каждый день жрут «антидепрессанты» и говорят, что они «бисексуалы». А по-нашему, все они психи, наркоманы и гомосеки. Хотя, если их на зиму переселить за Урал, в избушку с удобствами на морозе, где им придётся по утрам разгребать снег лопатой, все их заморочки как ветром сдует!

Ещё за граница

В глазах героини мелькают города и подиумы. Нью-Йорк – «город контрастов». Отсюда АНБ следит за мобильником Ангелы Меркель, ФРС и МВФ доят весь мир, поставив взамен «грязные зелёные бумажки», а ЦРУ управляет тайными тюрьмами и экспортирует «оранжевые революции». Однако улицы здесь совсем не убирают. Мусор в мешках сваливают прямо на тротуары. Героиня удивляется, за что ругали мэра Москвы Ю. Лужкова, который безуспешно, но беспрестанно драил столичные автотрассы. На месте башен-близнецов – большая яма под названием Гранд-зеро. Окрестные жители рассказывают, как они глотали пыль и как их не пускали домой, переселив на месяц в отели. Модные отели тут выглядят старыми и тусклыми развалюхами. В модных ресторанах невозможно разглядеть, что ты ешь. Ей объясняют: это самый шик, небоскрёбы мы и так каждый день из офисов видим! Карл Лагерфельд напоминает напомаженного гамадрила. На океанской набережной в русском районе Брайтон-Бич сидят старички с транзисторами и слушают «Эхо Москвы»:

«В Москве – весна! Из почек вылупились первые листочки! На Донском кладбище перезахоронили прах генерала Деникина! Следующие на очереди – Корнилов и Колчак!»

– Мы тоже готовы вернуться, – признаются старички, – но только если всех ваших преступников наконец осудят!

Героиня сначала не понимает, о чём речь, потому как на её родине выросло новое поколение бандитов, именуемых «приватизаторами». А потом догадывается, что те говорят про партийных функционеров сталинской поры.

Здесь же она встречает отца. Отец её – художник-авангардист, когда-то сбежавший из семьи за рубеж. Сначала он втайне от жены продал мастерскую, чтобы эмигрировать в Канаду. Но фирма, обещавшая его вывезти, прикарманила деньги и испарилась. Тогда он нашёл канал натурализации в США. По приезде его встретил босс, который отобрал у него паспорт, выдал велосипед и заставил год батрачить на своей автозаправке. Все местные кадры – с высшим образованием: бывший секретарь райкома комсомола Михаил Борисович, главный инженер оборонного завода Степан Петрович и священнослужитель о. Иоанн. Через полгода отец попытался забрать свой паспорт, но не тут-то было. Ему сказали:

– Уговор есть уговор! Хочешь бузить?

Вечером неизвестное авто с тонированными стёклами сбило его в кювет. Велосипед ремонту не поддаётся. Оставшиеся полгода он ходил на работу пешком. Потом переехал в Нью-Йорк. И теперь работает почти по специальности – смешивает колера в строительной фирме. Английский так и не выучил.

«Заграница-заграница, как тут не напиться?» – поёт по местному телевизору эмигрантский бард в кожаной кепке.

Опять за граница

Лондон – «столица мира» в совсем уж древние времена. Поэтому всё здесь по российским меркам миниатюрное. Гостиная Шерлока Холмса на Бейкер-стрит раз в десять меньше, чем в нашем телесериале. Тепло и воду английские скряги экономят. Умываются, заткнув раковину пробкой. Зимой можно встретить пешехода в рубашке. По версии некоторых наших конспирологов, Россия – всего лишь британская квазиколония, поле тайной борьбы США и Великобритании. Именно здесь придумали профсоюзы, парламент и метрополитен. А когда от Темзы стало вонять так, что депутаты захотели перенести парламент, оказалось, что дешевле изобрести канализацию. За парламентом – копия родеоновских «Граждан Кале». На Вестминстерском аббатстве – борец за права афроамериканцев Мартин Лютер Кинг. Неподалёку стоит премьер У. Черчилль, который 1 июля 1945 года собирался по примеру Гитлера напасть на нашу страну, но не сумел победить на выборах. Рядом, в посольстве Эквадора, живёт основатель «Викиликса» Джулиан Ассанж.

Здесь героиня знакомится с очередной бывшей россиячкой и выслушивает ещё одну душеспитательную историю. Маша училась в университете, где полюбила преподавателя Федю. Федя ради неё бросил жену. Но мама Маши сказала:

– Зачем тебе старик? Ты должна выйти замуж за форина!

«Форины» – это иностранцы. И Маша нашла себе англичанина. Но вот незадача – Том любит Россию. Здесь ему интересно, и возвращаться в Англию он не хочет. Тогда Маша просит познакомиться её с его родителями. Они едут в Дартмур, где Маша ломает ногу. Потом рожают Тому ребёнка. Потом ломает руку. Потом рожают второго ребёнка. В свободное время гуляет по дартмурским болотам. Так проходит несколько лет, пока она не перестаёт болеть «воспалением хитрости»... И тогда Том всё-таки увозит её на родину, потому что получил грант для написания биографии мэра Москвы Ю. Лужкова. Но, когда они приезжают, того мэра снимают с поста. Ещё вчера их встречали бы хлебом-солью, а сейчас они никому не интересны. Маша на неделю вернулась в Великобританию, чтобы забрать детские подгузники, и не знает, как быть дальше.

– С Федей мы теперь живём в одном городе, но общаемся только по скайпу. Если я вижу его в очию, то не могу сдержать слёз...

В Лондоне главная героиня наконец-то встречает свою любовь. Иностранца на иноходце. Зовут его Редьярд или Реджинальд.

– Почему на иноходце? – спросили мы Пашу.

– Пусть он сшибёт её на лошади! У меня есть подходящая история, которую ей могут рассказать в больнице, где Реджинальд станет её навещать...

Ещё одна эмигрантка, Таня, бросила своего мужа Ильдара и уехала к безымянному голландскому – почему-то опять – архитектору. У того была конюшня. Или, во всяком случае, кобыла. Каждое утро Таня гарцевала на ней по окрестным лугам, а однажды пришпорила её, чтобы пуститься вскачь. Но лошадь ненароком уронила наездницу и даже наступила ей на лицо копытом. Лицо, конечно, отреставрировали. Только Таню теперь не узнать...

– Тьфу ты! – возмутились мы с Андроном. – Давай ничего такого в нашем сериале не будет! Предложи что-нибудь более романтическое!

– Сперва она должна его отшить! – говорит Паша. – Он привык соблазнять кого ни попадя, направо-налево, а тут получает от ворот поворот. Героиня возмущена:

– Думаешь, если ты голубых кровей, тебе всё позволено?!

Он обижен не меньше. И даже заключает пари, что соблазнит её не позднее католического Рождества. В противном случае он женится на ней! Обхаживает её и так и эдак. Но не тут-то было!

Накося выкуси, как говорится! Приходится жениться. Весь Лондон на ушах и без ума от нашей героини. В ней видят реинкарнацию принцессы Дианы.

Но выясняется, что этот Редьярд совсем не принц, а седьмая вода на киселе. Внучатый племянник виконта. Хоть и Honorable («досточтимый»), но практически джентри. В России это всё по барабану! Своих виконтов у нас никогда не было, а прочих дворян давно повывели...

Но героине нравится быть «достопочтенной». Первый раз такой титул попался ей в детстве в книжке про Шерлока Холмса. «Достопочтенным» там был сэр Рональд Адер, которого сподвижник профессора Мориарти убил из духового ружья в рассказе «Пустой дом». У мужа героини тоже есть дом, который надо содержать. И не один! А денег нет. Поэтому она носится с утра до ночи с кастинга на мейкап, с дефиле в шоурум, пока этот Редьярд проматывает её гонорары в карты и на дерби. Но она всё равно любит его без памяти и рождает ему троих детей. А он не в состоянии бросить свои привычки.

Она пашет – он пьёт. Она беременна – его тошнит. Она рождает – он начинает якшаться с другими моделями...

– Это не потому, что он плохой! – объясняет Андрон. – А потому, что персонажи не должны быть односторонними! Просто он не может остановиться. Как я, например!

Наконец героине рассказывают о пари. Срывая дефиле и опрокидывая шоурумы, она несётся домой, где застаёт мужа с любовницей. Тут она понимает, что ему нужны только её деньги. Редьярд полагает: ну куда она денется? А она – девушка с характером. Забирает детей – и уходит.

Тогда он пытается её шантажировать. Собирается отсудить детей. В соседнем зале судятся русские олигархи Р. Абрамович и Б. Березовский. Героиня выходит на улицу и топает по Пикадилли-стрит, мимо суши-бара, где травится полонием-210 бывший агент КГБ А. Литвиненко. В этот момент она понимает, что ей надо поскорей отправить детей в Россию. И идёт на свой прощальный показ...

Тут к нам присоединяется моя приятельница Виолетта (родом из Мариуполя), которую мы позвали в качестве фокус-группы.

– Чего вы миндальничаете! – не понимает она. – Все модели одним миром мазаны! Этой повезло – она смогла выйти замуж. Но не совпали они из-за отношения к жизни! Почему? Потому что из неё поперла пролетарская сущность! Она никак не могла забыть, как они с мамой пирожки жарили и на вокзале продавали. Не могла понять, что у неё теперь мил-ли-о-ны! И что их надо научиться красиво тратить!

Муж Виолетты тем временем корпел на работе и в нашем брейн-ринге участвовать не мог.

Москва

Прямо на границе героиню отводят в полицию. Оказывается, беспутный Редьярд собирался выкрасть её детей. Судьба Б. Березовского, который повесился после того, как у него отсудили последние шиши, его не прельщала. Он рассчитывал на алименты. Однако англичанина подвели алкоголизм и массовая мифология. Каждое утро в России он начинал с бутылки водки, после чего на улицах ему виделись сплошные медведи и агенты КГБ. Неудивительно, что он угодил в кутузку. Когда алкаш в рваных джинсах пытался втирать полиции, что он английский лорд, ему никто не поверил. Героиня вызволяет бедолагу, покупает ему билет и отправляет восвояси.

Москву не узнать. С Дома на набережной скинули врашавшийся там чуть ли не с «перестройки» логотип «Мерседеса». «Креативный класс» митингует на Болотной площади, подпирая скульптурную группу М. Шемякина «Дети – жертвы пороков взрослых». Тётка в шубе скандирует: «Я – Боженка!», а вокруг неё кучкуются люди с лозунгами «Путин, верни хамон!» и «Пора валить!».

Нашей героине с ними не по пути. Её зовут рекламировать Олимпиаду в Сочи. Здесь, вспомнив недостроенную игровую площадку, из-за которой пострадала её сестра, героиня учреждает благотворительный фонд, чтобы дарить такие же площадки всем российским городам.

За этим занятием её застает новая любовь.

Оказывается, что фандрайзинг отнюдь не манна небесная, деньги с неба не падают. Отечественные бизнесмены из списка «Форбс» не спешат выворачивать карманы и даже наоборот – стараются поживиться тем, что есть у неё, ничего не предлагая взамен. И только один таинственный спонсор регулярно помогает её фонду покупать качели и турники. Однако сохраняет инкогнито. Лишь однажды он просит взамен её фото с автографом. Это ещё пуще интригует героиню. Она пытается познакомиться с ним, но безуспешно...

– Может, ей детектива нанять? – предлагает Андрон.

Но героиня поступает куда грациозней. Она устраивает аукцион в пользу больных детей, догадываясь, что придёт туда он один. Все прочие – просто жмоты. Так и происходит! В зале аншлаг, столы ломятся от яств, шум не смолкает. Но тут выключается фонограмма, загорается яркий свет и выясняется, что в зале – сплошные манекены в смокингах. И только один человек из плоти и крови...

Догадайтесь, кто это?

Это тот самый соседский мальчишка, в драке с которым она когда-то потеряла варежку. Теперь он, конечно, превратился в настоящего супермена, только отечественного разлива. Засим – поцелуй в диафрагму! Больше никаких мезальянсов! Чтобы

добавить драматизма, герои целуются на фоне панорамы Кремля. Где по Большому Каменному мосту несут цветы к месту гибели Б. Немцова.

Малая родина и хеппи-энд

– Сейчас в кино положено как минимум два финала, а значит, это ещё не конец! – объясняет Андрон.

Сестра героини по учебнику, подаренному когда-то доброй феей-учительницей, самостоятельно изучает английский язык. И всё бы ничего, но няней к ней взяли ту самую соседку, которая её когда-то изувечила.

Няня услышала, что героиня с новым мужем приезжает в Нижний Новгород. Она боится, что сестра сумеет рассказать, кто повинен в её несчастьях, и решается на убийство. Усаживает сестру в коляску и везёт в парк. Закоулками и колдобинами. Там завозит в случайную шашлычную, чтобы опять списать всё на «лиц кавказской национальности». Заказывает чай. Хочет подсыпать туда яд...

И тут кто-то ловит её за руку! Оказывается, шашлычную содержат те самые Ашот, Аслан и Азамат. Они сразу же узнали её и следили за всеми её манипуляциями. Ашот поймал няню за руку, Аслан отобрал у неё яд, а Азамат уже звонит в полицию.

Но в полицию звонить не надо! Она тут как тут! Дверь распахивается, а за ней – героиня, её новый возлюбленный, её мать, добрая учительница и полицейский наряд. И даже отец героини (в айфоне по вайберу).

Сразу по приезде героиня хватилась сестры и кинулась на поиски. Добрая учительница видела, что её повезли в сторону парка. А полиция давно уже наблюдала за шашлычной, подозревая, что здесь действует ячейка ИГИЛ. Теперь страхи рассеялись! Не в силе бог, а в правде, как завещал нам режиссёр А. Балабанов, который, кстати, учился в Горьком на инязе.

Наша фокус-группа по имени Виолетта резюмирует:

– Любовь позволяет нам совершать настоящие чудеса? Я правильно поняла?..

Правильно! Правда, сказка у нас получилась не про Золушку, а про Садко, ну да ладно. Зато про Наталью Водянову теперь всё ясно, как белый день! Никакой она не медиапузырь, а вполне себе трудяга! Которая, как все русские бабы, всю жизнь кормила семью. Как наши мамы, тётки и некоторые жёны. Даже Виолетта, как ни стремится она дистанцироваться от своего рабоче-крестьянского происхождения, никуда от него не убежит!

Бабушки с буранных полустанков, прочитав нашу сказку про нижегородскую принцессу, с лёгким сердцем могут ложиться спать, чтобы по утреннему морозцу, нацепив телогрейки, пойти простукивать молотком колёсные пары. ☉

*Невероятно нежный,
тающий*

Попробуйте Lindor, изысканные шоколадные конфеты с невероятно нежной, тающей начинкой.

К празднику 8 марта Мэтры Шоколатье от Lindt преподнесли особый подарок женщинам – шоколад Lindor в элегантном дизайне с алыми розами.

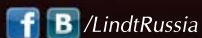
Встречайте праздник весны вместе с Lindor!

Реклама

* Линдт, Линдор

www.lindt.ru

/LindtRussia

Стать МОДЕЛЬЮ

*В качестве подарка на 8 Марта
мы дарим читательницам
игру «Стать топ-моделью».*

Играть осторожно!

*За последствия редакция
ответственности не несёт*

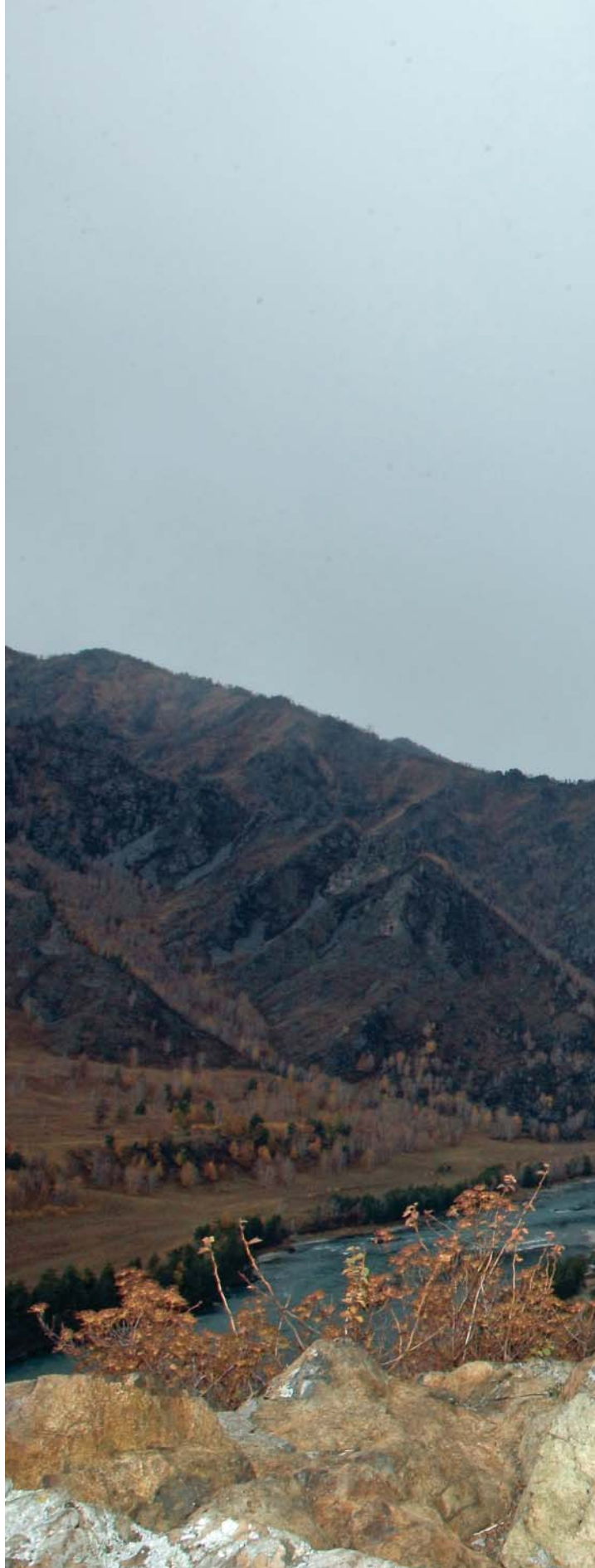

фото: Юлий Везлисто

▶ Наталья Водянова – краса и гордость

КАК СТАТЬ ТОП-МОДЕЛЬЮ

НАСТОЛЬНАЯ ИГРА ДЛЯ ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ

ПЕРСОНАЖИ:

МАМА СОСЕДКА УЧИЛКА СЕСТРА

Увидев такой значок, пропускаешь ход:

 МАКИЯЖ ФОТОСЕССИЯ ДЕФИЛЕ ПМС СЛЁЗЫ

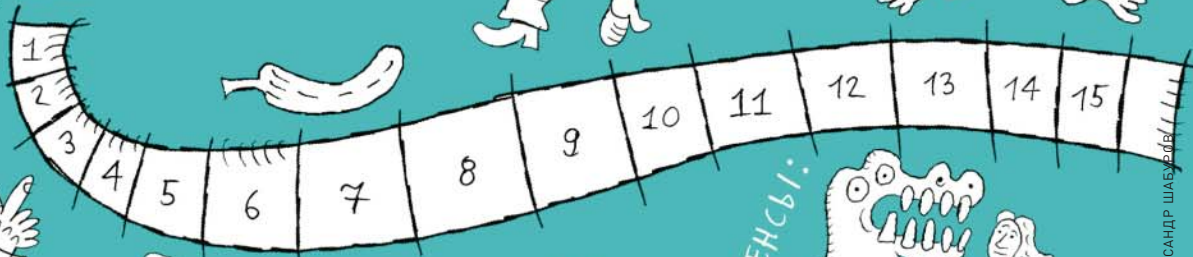
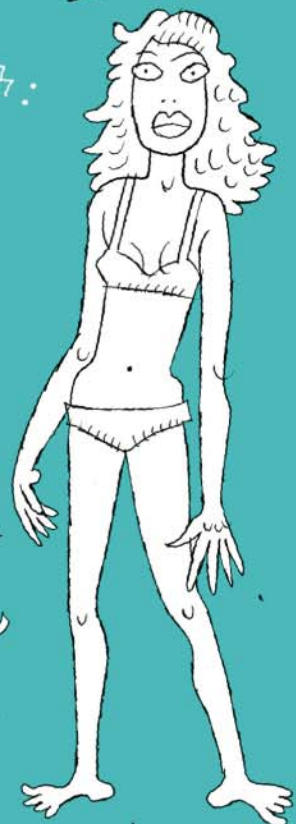

 ПАТИ ШОПИНГ ТРЁП СЕКС ЛЮБОВЬ

КИДАТЬ ПО ОЧЕРЕДИ

ПОМОЩЬ:

АНДРОН ПАША

РЕФЕРЕНСЫ:

СЛУЧАЙНЫЕ СОБЕСЕДНИКИ:

РЕФЕРЕНСЫ:

ПЕРСОНАЖИ:

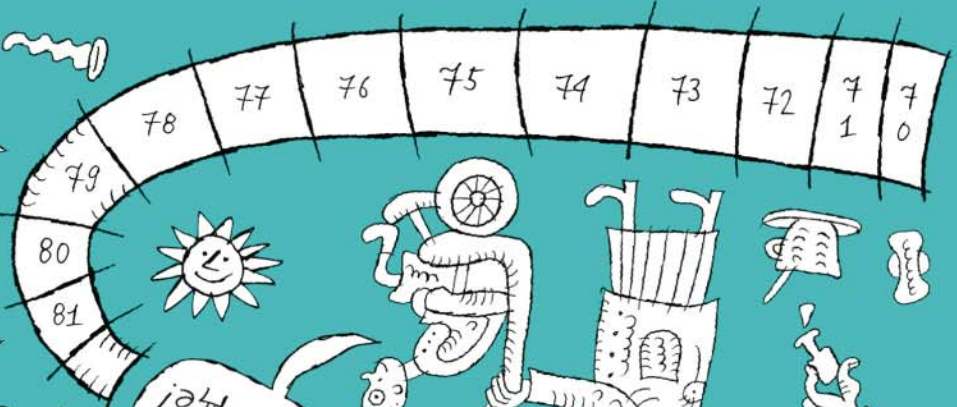
АШОТ

АСЛАН

АЗАМАТ

Не в ситте бол а в правде!

HAPPY END

Ты - такой же, как все!

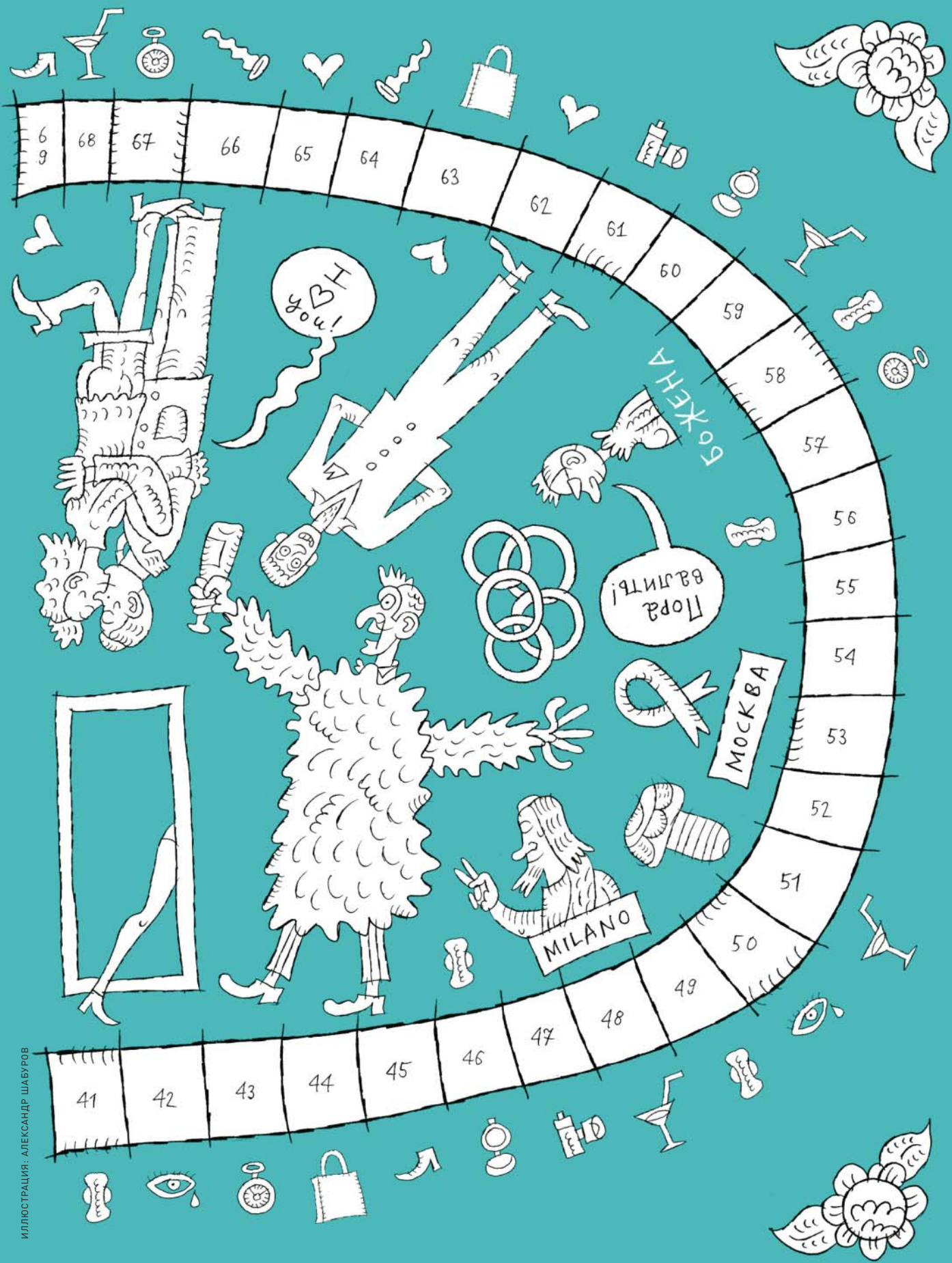
Куда ты денешься!

Думаешь, тебе всё позволено?

BEIJING

Неунывающая

Актриса Людмила Полякова: «Всё, что получалось у меня в жизни, — получалось только из преодоления, только вопреки»

АЛЛА ДАНИЛОВА

Конец 40-х годов. Опыт унижений

Меня с шести лет, ещё до школы, начали отправлять в лагерь на всё лето. Хорошо помню, как, попав в лагерь в первый раз, я нырнула в густые заросли сирени, жасмина и прорыла в них норку. Сделала себе такой домик, шалашик, где меня никто не мог видеть. И для меня самым главным стало при первой же возможности быстрее спрятаться туда, в свою норку. Это был мой собственный, сказочный мир, которого у меня не было в реальности... Мы жили в коммуналке на Самотёке, в маленьком домике без водопровода. Такими мещанскими домиками — нижний этаж каменный, верхний деревянный — весь район был застроен. Помню, что я всё время хотела есть. Это было что-то страшное.

Одна знакомая девочка, она жила на 4-й Мещанской, по соседству, однажды пригласила меня в гости. У них так вкусно пахло котлетами! И вот её мать угостила меня этими котлетами и ещё дала мне чашку компота с каким-то необычным вкусом. Наверное, я спросила, отчего такой вкус, потому что помню ответ: в компот из сухофруктов они добавляли лавровый лист. Вот почти семьдесят лет прошло, а я до сих пор помню вкус этого компота и запах этих котлет! Но тогда я себе сказала: никогда больше не приду в этот дом. Потому что большего унижения от осознания своей нищеты я никогда не испытывала. В нашу школу время от времени приходили люди и приносили

мешки с вещами для малообеспеченных. И мне обязательно какую-то вещь выдавали — и я, конечно, это всё брала, а потом шла и рыдала. Разумеется, тогда многие дети были бедны, но все ведь воспринимают это по-разному. Я была девочка гордая и почему-то всё время чувствовала унижение от того, что мне что-то вручают.

Мама работала в автобусном парке, зарабатывала мало, отца не было — он ушёл на фронт, а после войны к нам не вернулся. Бабушку я боялась и слушалась, потому что она была женщина мощная, крутого нрава, могла и матом прикрикнуть. В нашем доме вообще все только матом и разговаривали. Я в детстве тоже пела матерные частушки, отчего все во дворе в восторг приходили. Особенно когда со-

бирались на посиделки... У нас ведь, как суббота-воскресенье или праздник, на стол во дворе ставилась бутылка с сургучом вместо крышки. Если коричневый сургуч, значит, совсем дешёвая водка, а если белый, то немножко получше. Все садились, выпивали рюмашку, брали беломорину, и начинались анекдоты, байки, иногда доходило до мордобоя. Многие мои сверстники потом спивались, садились в тюрьму... Я всегда думаю: господи, какое счастье, что это всё закончилось и больше не вернётся.

Самое страшное испытание – испытание бедностью, которое корёжит, коверкает человека. Если бы я тогда на этом зациклилась, я бы не выжила в той среде, где, кроме мата и водки, не было ничего – ни любви, ни близости. Помню, бабушка из каких-то кусочков сшила мне юбочку в складку и кофточку, на которой вышила розочки из ниток. Лет шесть мне было, наверное. Я стою на лестнице, затаив дыхание, и думаю: ну кто-нибудь должен посмотреть на меня и увидеть, какая я красивая! И в этот момент то ли силь-

ный порыв ветра, то ли толкнул меня кто, и я с этой лестницы грохаюсь вниз, а там грязь, железки какие-то, камни. Я вся в крови, лоб рассечён, по щекам кровь течёт. Соседи орут: «Милку твою убило!» Мать выбегает и, не разобравшись, в чём дело, начинает меня бить. Потом-то я поняла, что она от страха меня лупила, но тогда я обиделась на неё очень сильно. Не понимала, что ей, молодой, красивой девке, которой всего-то было 25–26 лет, хотелось тогда личной жизни, и она приводила кого-нибудь нового в нашу шестиметровую комнату. А утром тётка, материна сестра, которая жила с бабушкой в соседней комнате, встречала меня и ехидно спрашивала: «Ну что, Милка, как тебе твой новый папа?» Потом-то я матери всё простила. Взяла её к себе, как только она заболела, и тринадцать лет за ней ходила, кормила, мыла – всё делала. И теперь, когда прихожу к ней на могилу, я только плачу о её ушедшей

жизни, в которой она столько недополучила. Как и многие женщины послевоенных лет, она вкалывала за копейки, искала своего женского счастья, и ей мешала маленькая девочка, которая требовала к себе внимания, которую надо было кормить... Как она могла научить меня нежности или любви? У нас с ней не было ни одного задушевного разговора, ни одного тёплого момента близости... Только голодное существование и постоянное недовольство. Время от времени она в сердцах выгоняла меня на улицу. И, когда я чуть повзрослела, единственным моим стремлением стало уйти из дома, вырваться из своего дома-клоповника, из того мира. И при первой же возможности я это сделала – в 17 лет уехала в Павловский Посад работать воспитательницей в лесной школе.

Боюсь, что та унижительная нищета в детские годы, она меня очень сильно испортила. В иных обстоятельствах

я, возможно, была бы более открытой, щедрой... Но как это теперь проверить?

1960 год. Конец метаниям

Я не мечтала стать педагогом – мне важно было просто вырваться, отбросить прошлое – знаете, как космическая ракета отбрасывает ступень на взлёте: отбросила и пошла набирать скорость дальше. Лесная школа, в которой я начала работать с детьми, оказалась лишь первой такой ступенью, а через год была Одесса, куда я поехала поступать на океанографический факультет: начиталась Паустовского и захотела вдруг бороздить океаны. Потом начиталась Генриха Манна, влюбилась в его Генриха IV и решила стать переводчиком с французского, поступила на подготовительные курсы в июле. Знаете, меня тогда раздирало просто: хотелось куда-то ехать, лететь, что-то создавать, строить. И меня определённо кто-то (или что-то) вёл по жизни, но это я уже потом стала понимать. Я как будто чувствовала, что в «клоповничке» меня ждёт только такая судьба: на Центральном рынке продавицей или проституткой на улице. Может быть, и книги меня тоже вели. Хотя дома у нас, конечно, ни одной книги не было. Читать я стала только в 10-м классе, когда перешла в школу рабочей молодёжи и начала работать на почте. Знаете, что я сделала, когда получила свою первую зарплату? Пошла на Кузнецкий Мост, в магазин подписных изданий, и подписалась на всё, что только можно. В этот момент стала издаваться хорошая фантастика. Брэдбери, Стругацкие, Азимов... Я их читала и думала: наверное, где-то там, где звёзды, космос, там и есть какой-то смысл, потому что не может же быть смыслом наш убогий мир на Самотёке... Я пересказывала эти книги ре-

бяткам в лесной школе, что-то фантазировала, досочиняла. Они ходили за мной табунами, а я чувствовала необычайное вдохновение. Может быть, тогда уже во мне заговорила артистка? В то время я об этом не думала. Хотя выступала-то я всегда, сколько себя помню, – этим я, наверное, в бабушку свою пошла, она была совершенно гениальная рассказчица, особенно после того, как пару рюмок пропустит. И в какой-то момент ноги сами привели меня в театральное училище. Было это в 1960 году. Просто удивительно, насколько лёгким оказалось моё поступление – это произошло так быстро и естественно, как будто тот невидимый, кто вёл меня все эти годы, метил меня именно сюда, в это место. И я сразу почувствовала, что театр – единственное, что мне нужно, и что я нашла наконец себя. Время метаний и поисков закончилось. По сути, в училище и началась моя настоящая жизнь, а всё, что было раньше, было лишь подготовкой к этому. И вот это ощущение счастья обрётённого смысла остаётся со мной всю жизнь.

1972 год. Поверила в себя

После окончания училища я не пошла в Малый театр и сильно ошиблась, выбрав Андрея Гончарова, его стиль работы оказался мне совершенно чуждым. И уже через год ушла из Театра на Малой Бронной в Театр имени Станиславского, где часто менялись режиссёры. Начались пустые и какие-то бездушные годы. Первое время я играла мало, ждала своих ролей, и наука терпения давалась мне очень трудно. Но главное, что мне мешало, – недоверие к самой себе. Я патологически не верила в себя, сомневалась во всём, абсолютно. К тому же я была далека от стандартов того времени – рост метр семьдесят шесть, худая, с широкими плечами.

Сама себя считала некрасивой, да и режиссёры не понимали: что мне давать играть? Но чудо всё-таки случилось: в 1972 году в театре появился режиссёр Леонид Викторович Варпаховский с пьесой Ричарда Нэша «Продавец дождя». И вот в этом спектакле всё сошлось: и мои внешние данные, и мои мечты о прекрасной жизни, и неверие в себя – всё пришлось к месту, мы с моей героиней Лиззи просто совпали. Варпаховский мне так и говорил: «А наутро, Милочка, вы проснётесь знаменитой!» У «Продавца» и правда был большой успех. Приятно, что зрители до сих пор помнят эту работу, спустя столько лет подходят ко мне, благодарят. Но после Варпаховского в театр пришли другие режиссёры, и моя неуверенность снова дала о себе знать.

Конец 70-х годов. Нашла своего Мастера

Но именно с Анатолием Васильевым было труднее всего. Во всех смыслах. Он сам был человеком крайне сомневающимся. Мне хотелось ясности, а получилось, что нашла коса на камень. Между нами молнии просто летали! Работа над спектаклем «Серсо» была для меня настоящей катастрофой. И спасало только то, что я очень любила этого человека. Потому что иначе я бы просто развернулась и ушла. Это потом уже, после успеха наших двухлетних европейских гастролей, восторженных рецензий и наград, стало ясно, что «Серсо» – яркая страница в истории советского театра. Только после «Серсо» Васильев был признан режиссёром международного класса. Но предыдущие его спектакли – «Взрослая дочь молодого человека» и «Первый вариант «Вассы Железновой» – были такими домашними, московскими радостями. Конечно, мы все, кто уже работал с Васильевым,

понимали масштаб его дарования. И всё-таки наше решение уйти с ним в никуда было экстраемальным поступком. Вот только представьте: целая команда – двенадцать человек из Театра Станиславского – вдруг всё бросили и пошли с Васильевым в Театр на Таганке, где нам ничего не обещали! Нам предоставили какой-то закуток, а когда Юрий Любимов остался за границей, мы вообще оказались там на птичьих правах. И вот мы, взрослые люди, всем уже было по сорок, сидели и репетировали в полуподвале три года! Вы понимаете, что такое в зрелом возрасте, когда у каждого уже семья, отказаться от устойчивой и достаточно благополучной жизни в пользу неопределённого будущего? На мне к тому моменту уже была тяжелобольная мама, которая не выходила из дома, и маленький ребёнок. Нужно было содержать семью. И тем не менее я бросила театр. Потому что действительно любила этого человека. А любовь и вера в то, что он делает, были совершенно неразрывны. Но беда в том, что Васильев пытался изменить мою природу. Он мне тогда говорил: «Я хочу, чтобы ты выросла до своего таланта». Я психовала, не понимала, чего он от меня требует! А потом вдруг это страшное напряжение разрядилось: спектакль случился, вся Москва ахнула, рванула в этот подвал. И мне стало немножко легче, потому что появились хорошие отзывы со стороны. Кто-то говорил: как ты хорошо двигаешься, другой говорил: какая ты красавица, как здорово играешь... И постепенно я набиралась уверенности... Я вот часто думаю: а если бы мне все с самого начала говорили, какая я прекрасная, что было бы? Но парадокс в том, что я всегда себя любила и не любила одновременно. Я действительно знаю себе цену, но никогда не буду никому этого доказывать, вы-

пячивать себя. Представляете, как трудно с этим жить? Ведь и в личной жизни так же – есть огромное желание, чтобы ко мне подошли и сказали, что я самая красивая, любимая. Вот тогда я расцветаю. Но сделать шаг самой – никогда... Почему не возникло потрясающей любви в моей жизни? А я любила Васильева, безумно... Но он не смог дать мне этой женской уверенности, ощущения, что я желанна как женщина. Он, конечно, верил в меня, хотел, чтобы я преодолела свои комплексы, стала героиней, как Терехова. А мне-то хотелось именно женского счастья, понимания, что я особенная, что меня любят. А выходило, что вне работы я ему особенно была и не нужна.

1974 год. Стала матерью-одиночкой

Так получилось, что я растила сына одна. Его отец, мой второй муж, был лётчиком. И ему требовалась жена-хозяйка, домашний уют, внимание. Я очень быстро поняла, что никак не смогу совмещать всё это – семейный быт и заботы о муже с гастролями и съёмками. И мы расстались. Так что сына пришлось поднимать мне одной. И он рос очень самостоятельным: особого времени-то у меня не было им заниматься. Я Ване с самого раннего возраста почему-то очень верила – и ему, и в него. У нас с ним всё его детство шла совершенно гениальная переписка – в огромной амбарной книге. Утром я уходила на репетицию, а вечером бежала на спектакль и оставляла его, маленького, дома одного. И подробно его в этой книге инструктировала: «Ванечка, колготки возьми такие-то, супчик налей в ковшик и подогрей, где хлеб – ты сам знаешь...» Ночью прихожу после спектакля, а в тетрадке полный отчёт – он ещё толком писать не умел, буквы все были задом наперёд, но

старался: мама, я сделал то-то, поел то-то... Вот такое воспитание по переписке. А сегодня мы с ним друзья. И я принимаю сына таким, какой он получился. Не пытаюсь его переделать, направить. Он избрал для себя не очень надёжный путь – пишет музыку, работает диджеем. Но сегодня в этой сфере сложно сделать серьёзную карьеру, нужны спонсоры, чтобы раскрутиться. И с этим пока проблемы.

1992 год. Преодолела страх

Я всегда в панике готовлю новую роль, мучаюсь сомнениями до последнего момента, пока всё не срастётся. Но после одного случая, когда мне пришлось срочно вводиться на центральную роль, я перестала бояться сцены совсем. А получилось так. В начале 1992 года мы собирались на гастроли в Казахстан: Назарбаев обожал Малый театр и пообещал очень хорошие условия. Тогда роль Москалёвой в «Дядюшкином сне» играли по очереди Нелли Корниенко и Элина Быстрицкая. И вот в последний момент выяснилось, что Быстрицкая ехать не может, а у Корниенко возникли проблемы со здоровьем. Меня вызывает режиссёр Виктор Коршунов: «Так, родной, твой час настал, будешь играть!» А я даже спектакля не видела! Я стала отказываться, он настаивает: «Так, либо ты сейчас занимаешь своё место в театре – вот то, которое и должно быть твоим, либо навсегда останешься на вторых ролях». Мне дали всего шесть дней. Притом что я ни спектакль не видела, ни одной реплики не знала. А пьеса сложнейшая, там семьдесят три страницы только личного текста и множество похожих обрывков, которые путают и сбивают с толку. В общем, выбора не было, пришлось взять себя в руки и – как в омут. Через неделю мы уже в Алма-Ате, там на сцене мне показали «развод-

ку»: откуда входит, куда уходит. Но для меня самое главное было сказать текст. Ведь там что ни монолог, то две с половиной страницы, не меньше! Как я отыграла первый спектакль – вообще не помню. А вечером ко мне в номер заглянул Эдик Марцевич, который играл князя, страшно возбуждённый, и сказал потрясённо: «Слушай, на меня словно девятый вал обрушился!» Похвалил, поддержал...

И это ведь было только начало! Вы представляете, что значит сыграть такую роль десять раз подряд? Я даже боялась за голос – зал за тысячу мест, его же каждый раз нужно было «взять», запустить сюда (*показывает на сердце*) и что-то вернуть ему, только тогда он что-то воспримет. Если ты через рампу не летишь – это халтура. И вот утро моё начиналось со звонка Коршунова: «Родной, ну ты как?» – так нервно-нервно. На что я нерешительно откашливалась, пробовала голос и отвечала: «Да ладно, ничего, сыграю!» На мне ведь была огромная ответственность – в Алма-Ате держали часть труппы, платили им суточные, кормили, чтобы, если вдруг со мной что-то случится, можно было быстренько заменить спектакль сборным концертом. Если я не сумею. Но я выдержала и отыграла все эти десять спектаклей подряд, после чего поняла: после такого мне теперь на сцене не страшно ни-че-го.

2000-е годы. Научилась терпеть

Я слишком люблю жизнь, чтобы расстраиваться и скучать, если вдруг нет ролей. Обязательно задумую какое-нибудь дело полезное, которое доставит удовольствие. Да хотя бы сошью себе новый халат из двух шёлковых подкладок от старых шуб или роскошную декоративную наволочку на подушку из пёстрого рюкзачка... Очередная мамка, очередная

тётя, бабушка... Не помню уже, когда мне последний раз предлагали главную роль, чтобы на меня что-то специально ставили. Всегда роли второго плана. Но все знают: Полякова вытаскивает. Режиссёры так и говорят: «Мила, там особенно работы нет, но ты же всё сделаешь, ты ведь умеешь, правда?» Я давно привыкла, что даже те дары, что судьба предлагает, требуют моего участия, доработки. Вот, например, последняя моя премьера в Малом театре, «Дети Ванюшина». Пьеса-то сама по себе хорошая, про распад семьи, непонимание между родителями и детьми, острая, болезненная пьеса, но роль жены главного героя незамысловатая. Ну ходит такая старушенция, то к одному в семье пристроится, то к другому... А когда нет материала, на который ты можешь опереться, чтобы сказать то, что хочется по поводу сегодняшней жизни, то приходится в себе искать, вытаскивать те краски, чувства, которые ещё не были востребованы. И я вдруг увидела, что моя героиня не только всех и каждого в этом жутком семейном разладе принимает, она на себя берёт ответственность за несчастье каждого, за эту нелюбовь и непонимание, она живёт с этим грузом и всех заранее прощает. И я вложила себя в эту роль максимально – и свою заботу о доме, о ребёнке, о Малом театре, который тоже мой дом практически. И беспокойство о стране своей, в которой мы живём так нелепо...

Жизнь научила меня терпеть. А ещё я поняла, что в своей жизни ничего исправлять не хочу: всё, что случилось, и создало меня именно такой. Я иду своим логическим путём, может быть, дурным, может быть, неправильным, но своим. И сейчас, как это ни покажется странным, самый счастливый период в моей жизни. Сын вырос и увлечён своим делом, я много читаю, много путе-

шествую. И по-прежнему выкладываюсь на сцене на двести процентов, даже в старых спектаклях. А когда я иду по улице, практически каждый второй человек говорит мне «здравствуйте» и даже находит смелость подойти и слова какие-то сказать. Ну скажите, если я в стольких сердцах оставила память о своих ролях, о чём тут жалеть? Единственное, чего боюсь сегодня, – оказаться беспомощной, быть кому-то в тягость, даже любимому сыну. Держаться из последних сил...

Однажды, когда мне было 17 лет, в школе задали сочинение: «Как стоит прожить жизнь». Моё потом признали лучшим. Даже не помню, что я могла написать в том школьном сочинении? Сейчас мне 77 лет, и я по-прежнему не хочу никому давать советов. Но для самой себя я поняла одно: живи так, чтобы тебе было интересно. Интересно даже с самой собой. Конечно, всякое настроение бывает, и, если иногда случится минута отчаяния, стараюсь исхитриться. Вот пришёл в гости сын со своей девушкой, я приготовила им суп, сделала салат, и мне нравится смотреть, с каким удовольствием они всё это едят... Учусь любить эти мгновения. Потому что жизнь из них в основном и состоит. Не успеешь оглянуться, а оказывается, уже и конец. Чехов, кстати, сказал незадолго до смерти, в одном из своих последних писем жене: «Дуся, ты спрашиваешь: что такое жизнь? Это всё равно что спросить: что такое морковь? Морковь есть морковь, и больше ничего не известно». Думаю, он имел в виду, что жить надо просто. Стараться по возможности никого не предавать. Не совершать некрасивых поступков. Чтобы, когда придёт срок и перед кем-то высшим надо будет дать отчёт, со спокойной совестью сказать: мне есть за что себя уважать и не в чем себя упрекнуть. ☉

3

ГЛАВА

ОТГАДКИ

*В которой звезда немого кино
Бастер Китон продаёт свой смех
и улыбку за деньги и славу **с.76***

.....

*а режиссёр Соловьёв в новой рубрике
«Мой...» размышляет, кто довёл графиню
Толстую до надрыва и пруда **с.58***

ТОЛСТОЙ

В РОССИИ НЕЛЬЗЯ НЕ ЧИТАТЬ. ПОТОМУ ЧТО МЫ НАРОД, ВЕРЯЩИЙ В СЛОВО – НАПИСАННОЕ, НАПЕЧАТАННОЕ, СКАЗАННОЕ. КНИГА ДЛЯ НАС – СПОСОБ ЖИТЬ. НАПИСАТЬ ЕЁ – ВОЗМОЖНОСТЬ ОСТАТЬСЯ В ВЕКАХ, ИЗ ДРУГОГО У НАС МАЛО ЧТО СОХРАНЯЕТСЯ.

А ЛИТЕРАТУРА – ЖИВА. ТАК ВОТ, STORY НАЧИНАЕТ СВОЙ, ЛИЧНЫЙ ГОД ЛИТЕРАТУРЫ. ГЕРОИ ЖУРНАЛА РАССКАЖУТ О СВОИХ ЛЮБИМЫХ ПИСАТЕЛЯХ. НЕОБЫЧНЫЙ И ЖИВОЙ ВЗГЛЯД НА КЛАССИКОВ ПОСТАРАЕМСЯ ОБЕСПЕЧИТЬ

Кинорежиссёр Сергей Соловьёв – о своём восприятии Льва Толстого, которого считает одним из первых неформалов среди русских писателей, причём не только в искусстве, но и в жизни

ИРИНА КРАВЧЕНКО

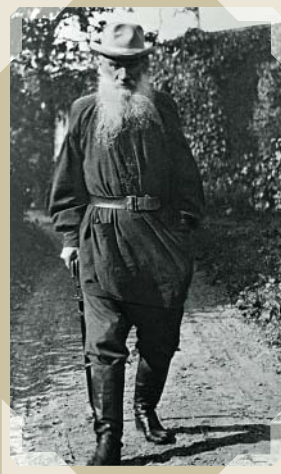
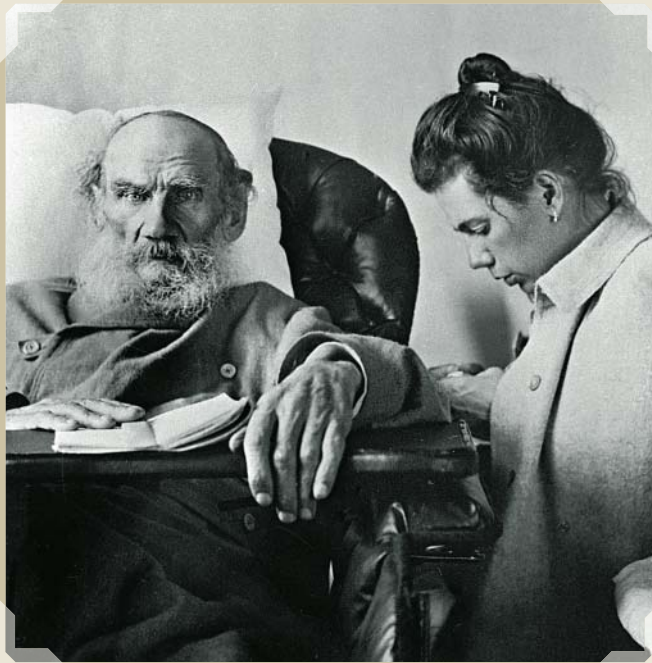
☉ *В интервью, данном несколько лет назад нашему журналу, вы сказали, что с удовольствием сняли бы кино про Толстого, в отличие от кино про Достоевского, – потому что первый был наделён отменным душевным здоровьем. Но если почитать дневники Льва Николаевича и его жены Софьи Андреевны, то в них чего только нет! И его непонимание, зачем жить, и страх смерти, и уходы из дому, и её отчаянное старание и мужу с его духовным учением угодить, и заниматься огромной семьёй, и, наконец, «графиня изменившимся лицом бежит пруду»...*

– Там и из дому уходили, и пытались топиться, но очень долго оставались живы и здоровы. Они были нормальными, вменяемыми. На таких людей я не могу нарадоваться. Хотя, если смотреть на Толстого с обыденной точки зрения, – колоссальная невменяемость.

Вот пример. Он в гостях увидел женщину, заинтересовался её наружностью, ему сказали, что это Мария Гартунг. То есть старшая дочь Пушкина, которого Толстой обожал и всегда интересовался тем, как выглядел поэт. А тут Лев Николаевич увидел завитки волос, падавшие на шею Гартунг, и не мог оторвать от них взгляда. Ни на что боль-

ше не смотрел. Даже сказал сестре Софьи Андреевны: «Какие у неё арабские завитки на затылке. Удивительно породистые». И что мы читаем в «Анне Карениной», созданной спустя несколько лет, в описании внешности главной героини? «Причёска её была незаметна. Заметны были только, украшая её, эти своевольные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивающиеся на затылке и висках». Одним из побудительных моментов написать роман оказалась не «мысль семейная» или какая-то ещё, а заговор Гартунг. Это настоящий художнический мотив, настоящий, чистейшей пробы! Кроме того, в собрании сочинений Пушкина Толстой наткнулся на начало какой-то прозы: «Гости съезжались на дачу...» И дальше полторы странички или чуть больше незаконченного текста. Лев Николаевич эти полторы странички прочитал много-много раз, потому что за ними, как за завитками на шее Гартунг, стояла некая художественная магия.

«Я как-то после работы взял этот том Пушкина и, как всегда... перечёл всего, не в силах оторваться... – писал Толстой. – И там есть отрывок «Гости собирались на дачу...». Я невольно,

Лев Николаевич
в Ясной Поляне:

- ▶ Отдыхает на лавочке с Софьей Андреевной
- ▶ Проверяет силу своего слова на дочери Татьяне. 1902 год
- ▶ Рассказывает внукам сказку об огурце. 1909 год
- ▶ Гуляет по поместью. 1903 год

нечаянно, сам не зная, зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман...»

– Пушкинские строчки сплелись в голове Толстого с теми завитками волос, и это оказалось достаточным поводом для того, чтобы появилась «Анна Каренина». Вот это художник! Никто другой не заметил бы ни в завитках, ни в том прозаическом наброске магии, которую увидел Толстой. Он был так склонен к магическому восприятию мира! Если в чём-то не обнаруживал магии, совершенно бессмысленной, не увлекался и не вдохновлялся. А что было у него в повседневной жизни? Будучи графом, Лев Николаевич спал в своём яснополянском доме на соломе.

«Меня поражала простота и даже бедность обстановки Ясной Поляны, – вспоминала Софья Андреевна. – Пока не привезли моего приданого серебра, ели простыми железными вилками и старыми истыканными серебряными, очень древними ложками. Я часто колола себе с непривычки рот. Спал Лев Николаевич на грязной сафьяновой подушке, без наволоки. И это я изгнала. Ситцевое ватное одеяло Льва Николаевича было заменено моим приданым, шёлковым, под которое, к удивлению Льва Николаевича, подшивали тонкую простыню».

– Софья Андреевна ему говорила, что он ведёт себя так, будто всегда спал на простынях. А Толстой чудесно мог прожить и без простыней. Хотя долгие годы хотел разбогатеть, землю покупал. В своей усадьбе, в оставшейся там ещё от предков оранжерее, разводил персики. Думал, что если этот бизнес принесёт свои плоды, то он будет богат, как Крез. И о чудо! Спустя четыре-пять лет деревья стали плодоносить. Благоухающие цветы, огромные персики, висящие на ветках!.. Приехал брат Сергей, решивший жениться на цыганке, со всем табором. А Лёвушка, считавший, что у него нет фантазии, увидев, как готовит свою свадьбу Сергей, понял, что он сам – убогий мещанин. Сказал, что тоже хочет жениться на цыганке, стал выбирать себе невесту. Дальше начались песни, пляски, романтическое битьё посуды, крики, обмороки, слёзы, смех... Утром Толстого каким-то образом занесло в оранжерею, и он увидел, что весь табор ходит там между деревьями и ест персики. Персиков он больше не разводил, впрочем, и на цыганке не женился.

Всё это – и завитки волос на шее Гартунг как толчок к созданию романа, и солома на полу в помещицком доме, и табор в оранжерее, и тачание графом сапог, и его хождение босиком, в мужицкой одежде – не из жизни разумного человека. Это из жизни хиппи, сознание которых напрямую

связано с художественным восприятием белого света. Природно, стихийно Лев Николаевич был чистым хиппи. Первым всемирным хиппи. Хиппи должны вешать у себя на стены постеры с фотографиями Толстого.

○ Но мысли Льва Николаевича по поводу семейной жизни, основательные, даже прагматичные, сродни его планам по саморазвитию. Человек сознательно и старательно искал любви как основы гармоничного существования. Он ведь писал одной из тех, с кем пережил роман: «Ежели я не найду совершенного счастья, то я погублю всё, свой талант, своё сердце...» В Сонечку Берс Толстой и страстно влюбился, и увидел в ней ту подругу, образ которой нарисовал себе задолго до встречи.

– И в то же время это был офигенно хипповский брак! Откуда взялась Софья Андреевна? Она родилась в семье придворного врача, то есть, если перевести на позднейший язык, – «дочка Чазова», лечащего представителей советской власти. Софья Андреевна была почти что из «Политбюро», хоть и бесприданница. А у Толстого простыней не было.

○ И молодая возлюбленная «прелестна, во всех отношениях», а о себе он пишет: «Скверная рожа, не думай о браке, твоё призвание другое, и дано зато много».

– Но Толстой привязался к «дочке Чазова» и какими-то магическими путями «умыкнул» её. Первый раз вёз Софью Андреевну в Ясную Поляну в карете. Сзади был выступ для лакеев, и даже сами лакеи были, но Лев Николаевич их на каком-то участке пути посадил в карету, а сам сел на тот выступ и молодую жену рядом посадил. Так они ехали, свесив ноги, и Толстой что-то Софье Андреевне заворачивал про любовь, дружбу и светлые человеческие отношения. Приехав в усадьбу, она испытывала некоторое неудобство с филейной частью, которая была отбита во время поездки, но у неё осталось впечатление, которого она иначе никогда в жизни не получила бы.

Толстой первое время писал в письмах и дневнике о счастье, счастье, счастье своей семейной жизни, что жена его «прелесть», за что ему такое?.. Софья Андреевна ждала ребёнка. Сидела в комнате, перебирала какие-то лоскутки. Поднимает глаза – в дверях стоит Лев Николаевич. Он сказал, чтобы она встала с пола, она спокойно ответила, что сейчас встанет, только соберёт свои лоскутки. Толстой рассердился и быстро ушёл в кабинет, ничего не понимающая жена за ним. «Что с тобой, Лёвушка?» Лёвушка побагровел, схватил поднос с чашкою кофию – и об пол. Потом термометр со стены – тоже об пол. Что это? Это отношение человека с красотой. Всё, что вытворял Лев Николаевич, было художественной роскошью. Слепительной красоты.

«РАБОТАТЬ
НАДО ТАК, КАК
БУДТО
ТЫ БЕССМЕРТЕН,
А ОТНОСИТЬСЯ
ДРУГ К ДРУГУ –
КАК БУДТО
ЗАВТРА УМРЁШЬ»

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

☉ *Даже швыряние подноса с чашкой на пол на глазах у опешившей жены?*

– Конечно! Только Лукино Висконти мог снять такое в большом вдохновении. Это моё счастье, меня им наделили, просто засыпали цветами... Ка-а-ак подносом в это счастье!

Как Толстой писал: «Неимоверное счастье... Не может быть, чтобы это всё кончилось только жизнью». Уже тогда не понимал, что со своим благополучием делать. А потом... Первые лет пятнадцать семейной жизни Толстого, несмотря на размолвки между ним и Софьей Андреевной, были самыми лучшими. И посреди этого... Приведу большую цитату из толстовской «Исповеди»:

«И вот тогда я, счастливый человек, вынес из своей комнаты, где я каждый вечер бывал один, раздеваясь, шнурок, чтобы не повеситься на перекладине между шкапами, и перестал ходить с ружьём на охоту, чтобы не соблазниться слишком лёгким способом избавления себя от жизни...

И это сделалось со мной в то время, когда со всех сторон было у меня то, что считается совершенным счастьем: это было тогда, когда мне не было пятидесяти лет. У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошие дети, большое имение, которое без труда с моей стороны росло и увеличивалось. Я был уважаем близкими и знакомыми, больше, чем когда-нибудь прежде, был восхваляем чужими и мог считать, что я имею известность, без особенного самообольщения. При этом я не только не был телесно или духовно нездоров, но, напротив, пользовался силой и духовной, и телесной, какую я редко встречал в своих сверстниках: телесно я мог работать на покосах, не отставая от мужиков; умственно я мог работать по восьми-десяти часов подряд, не испытывая от такого напряжения никаких последствий. И в таком положении я пришёл к тому, что не мог жить

и, боясь смерти, должен был употреблять хитрости против себя, чтобы не лишиться себя жизни».

☉ *Он не знал, что делать со счастьем?*

– Да, не царское это дело – быть счастливым. Не хиппарское. Хиппи стремятся быть свободными.

☉ *А счастье мешает свободе?*

– Конечно. Сама по себе дурацкая категория – счастье. Что это такое? Я вот семьдесят с лишним лет на свете прожил, а спросите меня, когда я был счастлив, отвечу: никогда. Много хорошего связывает меня с миром, но счастлив я не был. И хорошо, а то вроде как подрядился на счастье, подряд такой выиграл и обязан его отрабатывать. Нет, я боюсь этого состояния, и Лев Николаевич, думаю, боялся.

Однако пытался жить как все, например, увеличивать своё материальное благосостояние, для чего задумал купить имения. И, занимаясь своей хозяйственной деятельностью, в Арзамасе пережил настоящий ужас. Толстой так это описывал: «Зачем я сюда заехал? Куда я везу себя? От чего, куда я убегаю? Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать. Я всегда с собою, и я-то и мучителен себе. Я – вот он, я весь тут. Ни пензенское, никакое имение ничего не прибавит и не убавит мне. А я-то, я-то надоел себе... Я вышел в коридор, думал уйти от того, что мучило меня. Но оно вышло за мной и омрачило всё. Мне так же, ещё больше страшно было. «Да что это за глупость, – сказал я себе. – Чего я тоскую, чего боюсь?» «Меня, – неслышно отвечал голос смерти. – Я тут». Мороз подрал меня по коже. Да, смерти. Она придёт, она – вот она, а её не должно быть».

– Но как Лев Николаевич избавлялся от своих духовных и телесных недугов? Он чувствовал немислимое желание поправить здоровье и ехал на кумыс. А там лечился не по тем методикам, которые применяли в санаториях советского 4-го управления. Диета, побольше ходить, поменьше нервничать – это всё фигня. Толстой нахреначивался кумыса, а потом на ярмарке с кем-нибудь из местных садились на землю, клали сзади на шею подушки, перекидывали через них верёвку, упирались друг в друга ногами, брались за руки – и кто кого перетянет и поднимет. Толстого никто перетянуть не мог. Лев Николаевич на турнике упражнялся, гири поднимал, на лошади до старости ездил... Если человек слабый, долго болеет, он постепенно начинает думать, что нечего бороться с неизбежным, «все там будем». А Толстой не хотел туда, не хотел, и всё. Каждый день говорил и писал, что все умрём, но не хотел! Ему страшно было умирать. Это от здоровья, от нормальности.

Есть такая мысль, что искусство – прибежище для ненормальных. Совершенно дурная идея. Ис-

кусство – буферная инстанция между человеком и Богом. А кто такой художник? В воспоминаниях о Толстом есть история, как он сидел с гостями, среди них был и его ближайший помощник Владимир Чертков, и вдруг у того на лбу Лев Николаевич увидел комара. Толстой с размаху втырил другу ладонью по лбу и комара раздавил. На что Чертков, ревностный последователь толстовского учения, со страдальческим выражением лица затянул: что вы наделали, зачем убили эту мелкую штучку, разве нам дано распорядиться чужими жизнями? Толстой всю эту хрень выслушал, расстроился. Но спустя несколько секунд начал хохотать. Он хохотал так, будто его щекотали. К чему это я? К тому, что буферная территория между Богом и нашей жизнью, называемая искусством, – для здоровых людей. Для очень душевно здоровых. И там один из главных персонажей – Лев Николаевич.

Который был шире всякого учения, хотя бы и им самим выработанного. А когда он пытался ему ревностно следовать, случались анекдотические ситуации. Вроде следующей. У Ильи Репина наряду с хорошими портретами Толстого есть одна картина под названием «Пахарь. Лев Николаевич Толстой на пахине». Толстой шёл за плугом, Репин бежал вдоль борозды, даже немного впереди, и зарисовывал его. Ситуация гомерически смешная! Павел Третьяков, увидев полотно, сказал, что оно «напоминает рекламу». Но, с другой стороны, опрощение Толстого было следствием пережитого им духовного кризиса, вещи серьёзной.

– Он оставался художником, которому хотелось превратить свою жизнь в некое художественное произведение, в его понимании. Гениальный разговор как-то произошёл между Софьей Андреевной и Львом Николаевичем. Она сказала мужу, что придет её сестра Таня, и попросила разрешения к её приезду зарезать курочку. Толстой тогда был

**«ЖЕНИТЬСЯ
НАДО ВСЕГДА
ТАК ЖЕ, КАК МЫ
УМИРАЕМ,
ТО ЕСТЬ ТОЛЬКО
ТОГДА, КОГДА
НЕВОЗМОЖНО
ИНАЧЕ»**

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

вегетарианцем. Он согласился, но с одним условием: к ножке стула привязать курочку, дать Тане ножик и пусть она сама зарежет её. Невероятно художественный диалог! В какой бы маразм Толстой ни погружался, в том, что он говорил и делал, ни разу не пахло Сальери. Чистое моцартианство!

☉ **Если хождению Толстого за плугом, вегетарианству и прочему подражали, то его отказ от прав на собственные произведения, написанные с определённого года, – акт, мало кому из писателей посильный. Почему он совершил его?**

– Потому что не считал себя «Толстым». Не фальшивил, когда в конце жизни сказал, что все говорят «Толстой, Толстой», как будто не о чем больше говорить.

☉ **Но, отказываясь от литературных прав, он делал продуманный, добрый жест народу.**

– Прежде всего себе. Он же не выжига был. Написать «Смерть Ивана Ильича», чтобы заработать на смерти Ивана Ильича? «Что вы сейчас пишете?» – «Смерть Ивана Ильича». – «Что вы хотите за неё получить?» Ну разве так можно?

«Этот хаос бесчисленных забот, перебивающих одна другую, меня часто приводит в ошалелое состояние, и я теряю равновесие, – изливала Софья Андреевна душу в дневнике. – Во всякую данную минуту меня озабочивают: учащиеся и болящие дети, гигиеническое и, главное, духовное состояние мужа, большие дети с их делами, долгами, детьми и службой... корректуры 13-го тома, ночные рубашки Мише, простыни и сапоги Андрюше; не просрочить платежи по дому, страхование, повинности по имению, паспорта людей, вести счёты, переписывать и проч. – и всё это непременно непосредственно должно коснуться меня».

☉ **Почему Лев Николаевич того же, что и от себя, например отказа от многих материальных благ, требовал от Софьи Андреевны, на которой были дети и хозяйство? Толстой не понимал, что у неё другое предназначение?**

– Не понимал и не смог бы понять. Он любил жену, а она, в его представлении, должна была избавиться от собственных предрассудков.

Жена была частью Льва Николаевича, а он мучился от осознания собственного и, следовательно, её несовершенства. «Надо понимать, что ей дурно, и жалеть, но нельзя не отворачиваться от зла». А корыблило его сплошь и рядом от вещей самых распространённых: и от частной собственности, и от условностей человеческой жизни, приводящих к лжи, и от его плотской страсти, которой он не мог поставить предела.

– Семьдесят шесть лет было Толстому, когда он написал: «Вчера ночью, проходя через спальню

Софьи Андреевны, не снимая сапог, опять сделал это. Что со мной? И перед Богом грешно, и перед людьми стыдно». Но дело в том, что в глубине души Льву Николаевичу не было стыдно. Он просто знал, что должно быть стыдно. Саша Абдулов с похмелья произносил одну из своих самых любимых фраз: «Что же мы вчера делали?! Ох, стыдно-то как, стыдно!.. А рюмочку выпьешь – и не стыдно!» Вот и Толстой был живым человеком, потрясающе живым.

☉ **Оттого не умел жить, как люди живут, хотя старался изо всех сил. Его душили установленные в обществе правила. И тогда «Анна Каренина», заглавная героиня которой эти табу нарушает, – фига обывателям?**

– Сколько я ни соображал, какую рациональную мысль для обыкновенных людей заложил Толстой в это произведение, не выдумал ничего совершеннее такой: не изменяйте мужу, иначе попадёте под паровоз. Ну ничего больше нет! Как с «Графом Нулиным» Пушкина: найти там что-нибудь общественно-полезное невозможно. «Анна Каренина» – абсолютно хипповская история любви. Все переживания там оттого, что происходит она в среде, в которой хиппи не выживают.

☉ **И если не хотят броситься под поезд, то уходят из дому.**

– Как замечательно уходил Толстой из Ясной Поляны! Бедный сопровождавший Льва Николаевича друг, доктор Душан Маковицкий, с его европейским менталитетом, понять не мог этого хиппи. Смерть Толстого похожа на смерть Джона Леннона.

☉ **Но Леннона убили.**

– Потому что он, как поручик Лермонтов, искал, кто бы его убил. Такие люди не могут умереть в собственной постели. Вообразите, чтобы Лев Николаевич лежал на кровати, застланной накрахмаленными простынями, в окружении родных. Ну лажа ведь! А тут – где-то на полустанке, в простом домике. Софья Андреевна, которую вытащили из пруда, ходит под окнами, просит пустить её к мужу... Всё здесь пронизано такой художественностью и такой искренностью! Это мог проделать только художник.

☉ **И Софья Андреевна, несмотря на свою земную природу, действовала в том же духе, жила по тем же правилам, которые установил для неё муж-художник. Его сторона взяла верх.**

– Толстой жену всё-таки довёл до совершенства. Чтобы она, из «Политбюро», спустя годы прыгнула осенью в пруд, надо было долго стараться.

☉ **Но из всего вышесказанного ведь не следует, что художник может жить как угодно?**

– Нет, он может жить только как художник. Иначе перестанет им быть. «А что, тебе всё позволено?» – это категория изначально нехудожественная. Что, Пушкину всё позволено? Нет, за

всё надо платить. И за свободу тоже. Недаром, кстати сказать, Анна Каренина за неё заплатила. И талант – это ответственность. Хотя есть и другая система ценностей, это божественное моцартианство. Там всё не как у людей. Какой может быть запрет Моцарту, на что? Лишь сам «Моцарт» может поставить себе какие-то рамки, но не те, что прописаны, к примеру, в «Моральном кодексе строителя коммунизма». У художника другие отношения с миром и с самим собой. Анна Ахматова писала: «Как и жить мне с этой обузой, а ещё называют Музой, говорят: «Ты с ней на лугу...» Говорят: «Божественный лепет...» Жёстче, чем лихорадка оттреплет, и опять весь год ни гу-гу». Муза, то есть дар, требует своего.

Как отметила Софья Андреевна: «В одной из своих записных книжек он пишет: «Поэт лучшее своей жизни отнимает у жизни и кладёт в своё сочинение. Оттого сочинение его прекрасно, а жизнь дурна». Жизнь Льва Николаевича не была дурна, но её просто не было...» Не было общепринятым смысле слова – как полноценного частного существования, поскольку всё шло в топку творчества.

– Нет ничего страшнее для художественно одарённого человека, нежели жить, как сосед живёт. Это разрушает художника мгновенно. Только начни жить по инерции, и ты уничтожен.

☉ **Но если бы Толстой вдруг окончательно понял, кто он такой, и не женился бы или оставил семью и посвятил себя целиком своему призванию, воплощению своих идей?**

– Основным трудом его жизни было, я думаю, именно познать свою натуру. Он страстно к этому стремился. Поэтому ему невозможно было валять дурака с самим собой. Ему действительно было интересно, что же это за фигура такая – Лев Толстой. Но Лев Николаевич так и не понял, кто он, и хорошо.

☉ **Потому что хиппи, осознавший свою «значимость», уже не хиппи, и художник, уяснивший собственное величие, – не художник. Скажите, а сегодня есть в мире писатель уровня Толстого?**

– Нет. Когда-то на подобный вопрос Юрий Трифонов ответил так: сейчас нет никого, похожего на Толстого, но всё, что мы можем сделать, – постараться стать неким коллективным Толстым. Хотя не факт, что получится. Потому что он в какой-то степени аутист был, Лев Николаевич. Я сейчас снимаю в своей картине ребёнка, аутиста, и восхищаюсь им. Такие люди живут сами по себе, и они сами по себе естественным образом. Мне тут высказали предположение, что и Эйнштейн – аутист! Перельман – аутист! Как же я раньше не додумался, что и Толстой – аутист? Его интересовало не то, что идёт туда (показывает вовне), но то, что идёт сюда (указывает на сердце). ☉

Внук своего деда

Люсьен Фрейд сделал то же самое, что Микеланджело, только наоборот. Он сказал, что в центре Вселенной стоит человек и этот человек смертен и ничего не значит, а стало быть, Бог, по образу и подобию которого сделан человек, тоже не важен

МАКСИМ КАНТОР

Закономерно, что пятисотлетняя история масляной живописи завершается мастером, образы которого по внешним параметрам очень напоминают микеланджеловские.

В центре искусства Микеланджело Буонаротти стоял человек, и в центре искусства Люсьена Фрейда тоже находится человек. Все свои холсты Фрейд посвятил изображению нагой человеческой фигуры. Причём обнажённость человека – практически обязательное условие для того, чтобы персонаж попал на картину Люсьена Фрейда.

Существует несколько портретов людей в одежде кисти Фрейда, но это исключения из правила. Герои холстов не всегда профессиональные натурщики (точнее сказать, люди, которых художник превратил в профессиональных натурщиков, как это он сделал с социальной служащей Сью Тилли), чаще всего это люди светские, которые привыкли

прятать своё тело под смокингами и дорогими платьями и которым пришлось раздеться.

Можно отнести потребность к обнажению тела фрейдистской установкой на то, что подознание и скрытый грех формируют сознание; в конце концов, Люсьен Фрейд – внук Зигмунда. Тела своих моделей Фрейд изображает как тела в буквальном смысле слова – грешные. Это не тела атлетов и не соблазнительные нежные тела юных созданий. Когда мастер Возрождения писал обнажённую фигуру, он почти всегда писал развитую мускулатуру и физическое совершенство. Тела героев Фрейда вовсе не спортивные; в последние годы жизни художник нашёл двух феноменально жирных людей – мужчину и женщину – и сделал этих людей своими постоянными героями. Складки жира, дряблый живот, обвисшие груди – таких героев Ренессанс просто не знает. Люсьену Фрейду доставляет удовольствие нарушать табу Ренессанса, разрушать физический идеал, настаивать на том, какова нелицеприятная реальность. Без покровов человек скорее жалок – это не особенно совершенное произведение. Несомненно, склонность к типично фрейдистскому анализу в картинах внука присутствует. Например, художник Фрейд акцентирует внимание на изображении пола – он не стесняется тщательно вырисовывать гениталии. Более того, художнику настолько нравится шокировать обывателя-зрителя, что он помещает гениталии в оптический центр картины, заставляет всю композицию вращаться вокруг причинного места. Вероятно, заставить светского щёголя раздеться донага – это одно из удовольствий; надо объяснить и показать богатому заказчику портрета, что искусство признаёт только моральные авторитеты. Возможно, такое соображение и присутствовало.

Но это лишь один из аспектов письма Люсьена Фрейда, скорее поверхностно-эпатажный, нежели сущностный.

В целом же страсть к изображению нагого тела несомненно следует отнести к ренессансной традиции, которой Фрейд следует буквально, попутно опровергая. Ссылка на Микеланджело не случайна: в интервью Фрейд часто упоминает имя Микеланджело, но утверждение Фрейда полярно утверждению Микеланджело.

Микеланджело Буонаротти придавал телу исключительное значение. Впервые после античности Микеланджело решается сделать нагую фигуру центром любой композиции. Флорентиец прилежно следовал анатомии, любил сложные ракурсы, исследовал повороты и жесты человеческой фигуры, как если бы оставлял иным мирам сведения о важном и неизвестном доселе существе. Фактически Микеланджело исследовал Бога, поскольку человек создан по образу и подобию Божьему. Микеланджело даже зафиксировал

самый момент создания Богом человека на плафоне Сикстинской капеллы.

Микеланджело предпочитал писать нагие фигуры, поскольку нагота, в его представлении, не постыдна, а напротив – величественна. И Фрейд тоже любит писать плоть, но по иной причине. Плоть, в трактовке Фрейда, греховна, подвержена порокам; человеческое тело отнюдь не прекрасно, человеческая плоть беззащитна перед временем. Фрейд рисует, как тело человека ветшает и умирает. Фрейд – агностик; если он и считает, что смертный человек похож на Бога, то лишь потому, что Бога, в его представлении, нет, а человек тоже однажды станет прахом.

Фрейд пишет тела внимательно, как лица, и так же беспощадно. Обыкновенно художник Ренессанса ограничивался тем, что исследовал руки и лица, – на одежду обращали внимания меньше, разве что исследовали одежду с точки зрения классовой принадлежности. Но Фрейд пишет нагое тело так же вездливо, как Рембрандт пишет морщинистые лица стариков. Перед нами портрет обнажённого человека, но совсем иной, не ренессансный, – это портреты тел. Рембрандт писал морщины как знаки испытаний и следы размышлений; лица стариков написаны внимательно к морщинам – из уважения и сострадания к каждой минуте горького опыта. Но Фрейд пишет дряблые и скверные биологические подробности тел не сострадая, но анализируя феномен увядания и смертности.

Так ренессансная парадигма завершилась отрицанием героического начала, развенчанием гуманистической концепции. Искусство Люсьена Фрейда – это, безусловно, гуманистическое искусство: в центре его – человеческая судьба. Но это пессимистический гуманизм, это отрицание роли человека в истории. Человек, по Фрейду, – это исчезающий вид, расходный материал.

Микеланджело рисовал рассвет человечества, его главная тема – пробуждение ото сна. Герой Микеланджело – пробуждающийся к жизни, к деятельности, к самопознанию. Микеланджело сверялся с античностью, он утверждал, что античный проект гармонической личности может быть развит христианством: вера одухотворит мышцы.

Фрейд тоже ссылается на предшествующую историю искусства: и на античность, и на Микеланджело, и даже на Рембрандта. Однако Фрейд показывает несостоятельность античного и христианского проектов. Фрейд пишет увядание биологического вида «человек»: преобразование не состоялось.

Фрейд – певец распада и смертного сна. Добрая половина его персонажей спит, и почти все они находятся в постели. Фрейд даже усиливает интимный характер изображения тем, что почти в каждом полотне изображает гору скомканного

белья. Зритель не просто наблюдает за спящим, зрителю дают понять, что сон и постель составляют основное содержание жизни – простыней накопилось столько, что их уже не стирают и не гладят; гора простыней растёт от картины к картине подобно сказочной каше, которая неостановимо лилась из горшка, затопляя город. От реалистического изображения скомканной простыни живописец закономерно приходит к символическому обобщению: изображён неряшливый быт. От символа – к аналогическому толкованию: скомканная простыня есть метафора скомканной жизни, путаной судьбы. Ещё шире – в метафизическом понимании картины – это символ вселенского сна, непрекращающегося забытья. Стоит соотнести этот символ вечного сна с книгой родного деда художника (см. Зигмунд Фрейд, «Толкование сновидений»), и связь поколений Фрейдов, которую зритель в самом начале разглядывания отмечает, в исследовании вопросов пола приобретает суще-

**«ИНОГДА ОН БЫЛ
РАЗГОВОРЧИВЫМ,
ИНОГДА – НЕТ. ГО-
ВОРИЛ УЖАСНЫЕ
ВЕЩИ О ЛЮДЯХ,
НО НЕ ЗАМЕЧАЛ
СВОЕЙ ГРУБОСТИ»**

СЬЮ ТИЛЛИ – О ЛЮСЬЕНЕ ФРЕЙДЕ

ственное значение. Люсьен Фрейд пишет вечный сон, то есть подсознание, доминирующее над сознанием. Можно ли сказать, что художник отрицает сознание вообще?

В 60-е годы XX века в Англии возникла группа, которую окрестили «лондонской школой». Это были живописцы, которые писали человеческую фигуру, писали вопреки моде. В то время американское искусство (абстрактный экспрессионизм и поп-арт) уже очень потеснили европейскую пластику. Пикассо был лишён своей короны, его место занял Уорхол. Наперекор моде появилась группа живописцев (Бэкон, Фрейд, Ауэрбах, Кософф, Китай), которые писали красками на холстах, писали человека, – и это уже тогда воспринималось анахронизмом.

Люсьен Фрейд был несомненно наиболее одарённым из всех и наиболее последовательным; его упорство живописца и его дар живописного ремесленника сопоставимы с упорством и даром Рембрандта. Надо сказать, что цветовая гамма Фрейда и Рембрандта крайне схожи; возможно,

это происходило сознательно – внутренний диалог, который мастер всю жизнь вёл с Микеланджело, усугублялся его диалогом с Рембрандтом. Фрейд владеет тем же приёмом красочной кладки, он пишет очень пастозно, накладывая мазки поверх друг друга, как бы вперехлёст, так что оставляет нижний цвет заметным, чтобы он играл в сочетании с верхним слоем. Поскольку пишет он не контрастно, то такая техника накладывания краски создаёт очень богатую, разнообразную трепещущую поверхность – вроде бы однородно закрашенную, но крайне богатую оттенками. Так именно писал Рембрандт лица стариков – они светятся во тьме и, кажется, сделаны из золота; присмотревшись, зритель видит десятки оттенков золота и охры.

Палитра Фрейда тяготеет к палитре Рембрандта, но слово «золото» в голову не приходит.

Палитра Фрейда тоном и цветом напоминает крепкий чай; это тот самый цвет, который характеризует английский город и английское искусство в принципе. Если вспомнить классические вещи Гейнсборо или Хогарта, то в них колорит тоже напоминает тёмный чай. Фактически палитра – это собрание земель (то есть пигменты, полученные из разнообразных глин: охры, сиены, умбры, ван-дик; надо сказать, что разная почва даёт несхожие оттенки одного и того же цвета – французская светлая охра не похожа на итальянскую светлую охру), совсем без кобальтов и кадмиев. Фрейд не примешивает к земельным краскам никаких сильно красящих (как кадмии) пигментов – избегает цветовых взрывов. Это всегда работа на подобиях, оркестровка цвета – цветами, подобными ему (как учил, например, Гоген). Палитра Фрейда – причём это не упрёк, но свидетельство лаконичного выбора мастера – однообразна. От холста к холсту он возвращается к одной и той же цветовой гамме, варьируя её, впрочем, не очень радикально. Превалирует тёплый, глубокий коричневатый тон с оттенками золотого, с вкраплениями терракотового – возникает общая карнация картины, которая так похожа цветом на чай или на британские кирпичные коттеджи. Примерно то самое ощущение, которое получает глаз при созерцании британской кирпичной улицы с бурными викторианскими домиками.

Кстати сказать, пейзажи английских задних дворов, то есть низких построек бурой кирпичной кладки, треснувшего лилового асфальта, чахлого дерева с жухлой, почти рыжей листвой, Фрейд любит писать. Бежевые рамы и белые переплёты окон, свинцово-серые водосточные трубы, цемент, скрепляющий кирпичи, – Люсьен Фрейд все эти детали пишет столь же подробно, как он пишет морщины и складки на теле обнажённой модели. Ему доставляет особое удовольствие перечисленные детали. Когда Фрейд рисует листья дерева, то

он делает это не так, как делают английские сентименталисты – мятущиеся под ветром, растрёпанные кроны. Этот стиль ему не близок. Гейнсборо бы написал размашистой кистью порыв цветовой массы, но Фрейд перечисляет листочки с тщанием истинно австрийского художника; так писал орнаменты Густав Климт, так Климт вырисовывал узоры на платьях своих вычурных дам. Люсьен Фрейд унаследовал от австрийской школы это любовование извивом и экзотической подробностью; когда подробностей много, он ими упивается. Ему свойственна особая внимательность – вездливость без катарсиса; художник всматривается

щели с набившимся внутрь мусором; он с удовольствием отмечает грязь на стенах и внимательно фиксирует протечки, пятна и пыльные углы. Изображать грязь ему тем легче, что палитра, состоящая из земельных красок, вследствие многочисленных смесей неизбежно приходит к усреднённо-грязному тону, который не имеет цвета вообще; это абстрактный серо-бурый сгусток. Эти сгустки цветовой грязи особенно ценимы Фрейдом.

В своё время Делакруа предупреждал, что нельзя смешивать более трёх красок сразу – теряется цветовой адрес, легко потерять суть замеса, ради которой всё затевалось. Сам Делакруа так до-

- ▶ «Спящая соцработница» (1995 год) продана за 33,6 миллиона долларов. Сью Тилли, или Большая Сью, считала, что художник выбрал её в натурщицы из-за хорошего соотношения цены и «мяса»
- ▶ **Справа:** «Обнажённый мужчина, вид сзади». 1992 год

напряжённо, рисует подробно, но изображение нигде не взрывается в экзотическом жесте, цвете, конфликте; эту ровную интонацию художник не прерывает ни единым утверждением.

Одним из героев Фрейда, пусть и неодошевлённым, но полноправным персонажем, постоянно появляющимся на холстах, является грязь. Грязь Фрейд пишет как отдельную и властную субстанцию; он рисует мягкое и грязное бельё; он рисует грязные доски пола и скрупулезно изображает

рожил результатами своих смесей (иногда это были подлинные цветные открытия), что после окончания сеанса снимал их шпателем с палитры и складывал в отдельный конверт. Эдгар Дега, обожавший Делакруа, покупал у торговцев конверты с поскрёбками с палитры Делакруа – так высоко ценил он алхимические опыты последнего. В случае палитры Фрейда поскрёбки красочных замесов, то есть тот слой красочного месива, что снимает с поверхности палитры художник, чистая

палитру после дневной работы, коллекционировал сам мастер. Смеси на палитре Фрейда достаточно однообразные, серо-бурого оттенка. Соскребая их, художник не складывал их в конверт, но вытирал нож шпателя о стену мастерской. Как результат – с течением времени стена превратилась в фактурную поверхность, утыканную комками засохшей грязной краски, точно прилипшими комьями земли. Фрейд неоднократно писал эту стену, выбирая её в качестве фона для своих «портретов обнажённых».

В небольшом холсте, изображающем старую раковину, особое внимание уделено ржавчине, разъевшей эмаль, – от фотографии же с японскими борцами зритель видит лишь пару сантиметров («Два японских борца над раковиной». 1983–1987, Арт Институт, Чикаго)

В той же коллекции в Осло, где находится и опустошённая любовью пара, имеется страннейший холст «Лежащая на досках», на котором изображена голая женщина, лежащая на полу. Тема грязного пола, который занимает половину холста, усугублена темой мягкого постельного белья, являющегося фоном (если так можно выразиться) картины. Подле лежащей фигуры вывалена буквально гора мятых простыней, это не одна смятая простыня, соскользнувшая с постели в пылу утех, это простыни в промышленном количестве – такое количество грязного белья может быть только в прачечной. Содержание картины, таким образом, составляет единство трёх стихий – грязного пола, грязного белья и тела, которое разглядывается художником столь же бестрепетно. В «Обнажённом с задранной ногой» (1992, Хиршхорн-музей) Фрейд повторяет этот же приём: любимый натурщик Ли Бауэри лежит на куче грязного белья, сваленной на грязный дощатый пол. Глядя на эту вещь, знаток Шекспира может иронизировать и сказать, что картина изображает Фальстафа из эпизода «Виндзорских проказниц», в котором толстяк вывалил кучу грязного белья из бельевой корзины, чтобы укрыться там самому, прячась от ревнивого мужа. Впрочем, такую кучу грязного белья, какая нарисована Фрейдом, невозможно вместить ни в какую бельевую корзину; это не просто преувеличение и изображение нереальной ситуации – это откровенный символ неряшливой и скомканной жизни.

В этом странном, беглом, бивачном бытии находится голый человек. Первая мысль, когда попадаешь в грязное помещение, – проверить, защищён ли ты от грязи, не испачкаешься ли. Раздеться в грязи – самое дикое, что может совершить гость грязного дома. Но герои Фрейда совершают именно это.

▶ «Лежащая на простынях». 1988–1990 годы

Люсьен Фрейд – внук психоаналитика Зигмунда Фрейда и сын архитектора, беженца из Третьего рейха. Его австро-еврейское происхождение, происхождение из семьи, давшей квазирелигию поколениям европейцев, заменившей веру в Бога верой в подосознание, оказало несомненное влияние на его искусство. Но важно здесь и то, что судьба австрийского еврея в безбожном мире XX века была столь вопиющей, что не отреагировать на то, как безверие смяло миллионы судеб, – невозможно. Глядя на раздетых героев Люсьена Фрейда, на их жалкие тела, беззащитно открытые и уязвимые для внешнего мира, нельзя отделаться от ощущения, что это изображены евреи, раздетые перед тем, как их погонят в газовые камеры. Герои Фрейда именно не обнажённые, как, например, Венера Джорджоне или рубенсовские крепкие, кряжистые дамы, – герои Фрейда раздетые. В их наготы всегда есть что-то не вполне приличное, или бесстыдное, или даже жалкое. Нам и в голову не придёт, что Венера Джорджоне должна бы прикрыться, а глядя на голые тела Фрейда, мысль об отсутствующей одежде возникает сама собой.

Они брошены на случайные постели, на этих случайных постелях они или предаются блуду (вряд ли с законным супругом жена станет спать на такой странной койке, стоящей посреди комнаты на неметёном полу), или становятся жертвами насилия (а как ещё отгнестись к тому, что женщину раздели и положили на всеобщее обозрение в развратной позе посреди комнаты?), или, что так же вероятно, предназначены для какой-то чудовищной процедуры – казни, убийства, опытов. Это ненормальное сочетание грязной комнаты, дрянной железной кровати, мягкого нечистого белья, рваного матраса – и обнажённого тела светской дамы, которую только что раздели, говорит о том, что происходит нечто ненормальное, дурное.

Тела иногда лежат вповалку – Фрейд любит писать нескольких обнажённых рядом. Порой эти фигуры напоминают тела мертвецов.

Однажды Люсьен Фрейд написал портрет умершей матери – и сделал это в той же бестрепетно-исследовательской манере, что лишь усилило эффект трагедии. Мать художника лежит мёртвая и окоченевшая на постели, но точно так же художник укладывает и живых; порой он заставляет своих натурщиков лежать на полу, на грязных досках; иногда он пишет их тела с такого ракурса, с какого рассматривает тела своих жертв только палач, который подходит к телу и глядит на распластанного сверху вниз.

Опыт Майданека и Бухенвальда, еврейских нагих женщин, брошенных на пол газовой камеры, – об этом невозможно не вспомнить, глядя на тела светских лондонских дам. Мы отлично знаем, что изображена лондонская мастерская Люсьена Фрейда, кровать художник специально поставил

в центре комнаты, это просто такой сценический приём, – но отделаться от того, что это связано с воспоминаниями о Майданеке невозможно.

Есть определённая причина для такого восприятия. Раздетый человек Ренессанса делается в ещё большей степени духовен, нежели он же в одежде: Леонардо и Микеланджело постарались, чтобы мы воспринимали нагую плоть именно так – как концентрацию духовных эманаций. Раздетый узник Майданека превращается в биологический вид, в животное, которое подлежит уничтожению на том основании, что оно – не человек. Это две

чувственность и тем более не духовность тела; он пишет нечто иное – то состояние, в котором пол важен, разумеется, но не как признак определения человеческой особи, а как определение особи животного мира.

Герои Микеланджело практически лишены пола – настолько безразличен их автору вопрос секса. Когда Микеланджело изображал женщин (сивилл, например), он наделял их мощным мужеподобным телом: для флорентийца физическая мощь есть выражение мощи духовной.

Герои Люсьена Фрейда не просто различимы

► «Иб и её муж» (или «Портрет беременной дочери»). 1992 год. Картина была продана в 2007 году за 19,4 миллиона долларов на аукционе Christie's

► **Справа:** С чего начинался Люсьен Фрейд – «Память о Лондоне». 1939 год

разные наготы. Нагота ренессансного героя целомудренна – просто в силу того, что она духовна. Зритель может любоваться Венерой Джорджоне и даже желать эту женщину, но она остаётся недоступно прекрасной. Невозможно обладать Венерой Боттичелли и сивиллой Микеланджело.

Барочная и рокайльная традиции сделали красоту более чувственно-доступной, венская сецессия сделала флирт и разврат изысканным удовольствием; но Фрейд пишет не разврат, не

по половому признаку, они практически только таким образом и различимы; секс составляет основное содержание их жизни. Живописец разглядывает половые органы своих моделей внимательно и тщательно выписывает; он не делает ни малейшего усилия прикрыть половой член мужчины или спрятать срамные губы женщины, хотя есть тьма распространённых уловок для этого – хотя бы полутень, которая обычно скрывает то, что находится между ног. Но Фрейд

пишет эту подробность анатомии с упоённой требовательностью к подробностям, вырисовывает все волосы на лобке. Эти детали анатомического строения не менее важны (подчас в его картинах – более), нежели ухо или глаз. Большинство холстов с обнажёнными называется «Портрет обнажённого» – художник таким образом подчёркивает, что портрет – это портрет всего тела, причём портрет полового члена более значим для понимания данного мужчины, нежели его глаза. Глаза он может держать и закрытыми: он чаще всего в жизни спит, а когда бодрствует, не так уж много и видит. Но вот половой член его знает о жизни куда больше его глаза. Мало этого, в своём автопортрете художник написал себя самого обнажённым – с палитрой и кистями в руках, но без нижнего белья, художник стоит перед мольбертом. История искусств знает программные автопортреты, которые – вольно или невольно, но чаще намеренно – выдают кредо художника. Таков автопортрет Веласкеса в «Менинах» (с горделивым крестом ордена Калагравы на груди). Таков автопортрет Ван Гога с перевязанным ухом. Таков автопортрет Микеланджело в виде Иосифа Аримафейского, поддерживающего Христа в Пиете, или предсмертный автопортрет беззубого старика Рембрандта. В данном случае автопортрет живописца настолько вычурный, что не расценивать его как программное заявление невозможно: перед нами художник, вооружённый двумя инструментами познания действительности – кистью и членом. Этот человек стар, сед, морщинист, но он ещё силён; его тело изрядно изношено, но жилистое и способно на усилие. Перед нами сильное и опытное, привыкшее защищать свои интересы животное. Конечно, это homo sapiens, и даже, вероятно, интересующийся интеллектуальными процессами; но прежде всего это биологический вид, всё ещё способный к физиологическим актам. Для него и живопись – акт физиологический. Краска нагромождается на холст струпами, комками, пластами – это не изысканное занятие, не размышления с кистью в руке, но тяжёлый труд. Фоном для картины служит стена, о которую голый художник вытирает кисти, – всё вокруг него испачкано краской. Живопись в этом автопортрете предстаёт как органический процесс, скорее биологический, нежели умственный. Это, пожалуй, наиболее странное из существовавших в Европе автопортретов, даже если принимать во внимание то, как себя нарисовал Караваджо – в отрубленной голове Голиафа.

Изображение нагого тела, и в особенности нагого тела, которое не прячет подробностей пола, неумолимо наталкивает на эротические мысли. Люсьен Фрейд с ярко выраженной рефлексией в отношении предшественников – представителей Венского сецессиона – доводит их эротизм до

странного анатомического состояния. Эротика последних слишком очевидна, чтобы её наличие обсуждать, а автопортрет обнажённого Шиле рядом с обнажённой женой слишком буквально рифмуется с фрейдовским автопортретом (хотя и не достигает такой эпатажно-надменной концентрации), чтобы отрицать связь Люсьена Фрейда с эротическими провокативными холстами венцев. Помимо прочего, манера рисования Шиле – один из источников вдохновения Люсьена Фрейда (это виднее всего в офортах Люсьена Фрейда, мастерских, упругих и отточенных). Изысканная нервность Шиле (то, как Шиле рисует пальцы, например) передаётся в рисунках и офортах Фрейда и даже в его живописи. Что же касается эротики, а живопись Климта и Шиле прежде всего сугубо эротична, то и здесь Фрейд следует венской школе, но превосходит её в откровенности.

**«ОН БЫЛ ВЕСЁ-
ЛЫМ, НЕСЧАСТ-
НЫМ, УЖАСНЫМ,
ДОБРЫМ, ПОД-
ЛЫМ, ЩЕДРЫМ.
В ОДНОМ ЧЕЛОВЕ-
КЕ БЫЛО ВСЁ»**

СЬЮ ТИЛЛИ – О ЛЮСЬЕНЕ ФРЕЙДЕ

Редко персонажи Люсьена Фрейда изображены сразу же после полового акта: они лежат рядом на измятой постели, опустошённые, усталые, и зрителя поражает не духовная близость, но бранный союз голых усталых тел. Их тела переплетены причудливо: руки поверх рук партнёра, ноги поверх ног. Когда удовлетворение достигнуто и страсть прошла, мы можем рассмотреть их анатомические подробности. Эти тела отнюдь не прекрасны: мы видим вздутые вены и дряблые животы, кожа бледная и увядающая, груди обвисли; совокупление принесло им удовлетворение, люди спят. Художник, изображающий всю жизнь нагие тела, он остаётся абсолютно бесстрастен. Отсюда возникает ощущение, что его голые тела не знают любви: персонажи, возможно, участвовали в половом акте минуту назад, персонажи картины, что называется, занимались любовью, но то чувство, которое они переживают, совсем не похоже на любовь. Герои не испытывают друг к другу ни тепла, ни сострадания, ни даже признательности. После занятий любовью партнёры лежат рядом опустошённые и сонные (см., например, «Двое мужчин» из Национальной картинной галереи в Эдинбурге

или «Обнажённый мужчина и его друг», частная коллекция, Осло) – перед зрителем животный процесс физической близости, и ничего кроме. Это и составляет тот единственный контраст, присутствующий в полотнах Фрейда (вообще, он пишет подобиями, но здесь речь о противопоставлении): средствами гуманистического искусства, используя палитру Рембрандта, он создаёт произведения, доказывающие животную природу человека. В сущности, в живописи всё задумано наоборот: физическими материальными усилиями и средствами живописец передаёт духовное. Но в данном случае духовный приём (палитра Рембрандта, что может быть духовнее?) выбран для воплощения животного содержания. Этот контраст переживается зрителем не сразу. Картина проникает в сознание путями, проторёнными Рембрандтом и Микеланджело, а уже потом становится ясно, что содержание картины сугубо физиологическое.

Перед нами распад духовного человека, и художник констатирует это – возможно, без радости, но тщательно, с той же тщательностью, с какой раздевали евреек, готовя их к последней прогулке по «небесной дороге».

Вечный спор Сорбонны и Оксфорда, то есть спор реалистов и номиналистов, заключался в противопоставлении глобальной концепции и сухих фактов. Реальность сорбоннского профессора – это идеальное понятие, предшествующее самой вещи. Номинализм оксфордского учёного – это набор фактов, которыми он опровергает общие концепции. Идеальное опровергается фактографией, фактография принижена в своём значении идеальным: разве вечный спор детальной северной школы живописи с обобщающей пластикой итальянцев не содержится в диспуте между Сорбонной и Оксфордом? Спор Оксфорда с Сорбонной спародировал Рабле, изобразив англичанина Таумаста, дебатирующего с прокаженным Панургом. Сцена эта, в которой Панург, как бы подчиняясь фактографии Таумаста, низводит её на уровень бессмысленной жестикюляции (ведь и всякий жест – факт), имеет прямое отношение к живописи и живописным приёмам. Детализация северных школ и обобщения южных школ – это, безусловно, проекция спора реалистов и номиналистов. Английская масляная живопись в этом отношении не уступает в детализации и подробностях немецкой школе; если считать, что Гольбейн воплощает сразу обе – и английскую, и немецкую – манеры рисования, то творчество Гольбейна становится критерием фактографии в живописи.

Англия слишком персоналистическая страна, страна факта и философии объективизма; портретная живопись должна была получить в ней невиданное развитие. Так и произошло. Персоналистская культура Британии, разумеется, развива-

ла искусство портрета более, нежели какое-либо ещё; великой пластической культуры, культуры соборов и скульптур, архитектурных шедевров и алтарей, написанных гениями, Англия не знает.

В Англии не было пластического триумфа Возрождения и пластика не стала символом свободы; для Англии портретное искусство значит нечто иное.

На Трафальгарской площади, справа от Национальной галереи, находится Национальная портретная галерея, гордость страны, заполненная портретами выдающихся англичан. Виднейших и знатнейших англичан увековечили самые прославленные английские живописцы. Разумеется, на первом месте здесь представители королевской семьи, но имеются и банкиры, и финансисты, и генералы, и учёные, и даже писатели.

Любопытно, что крупнейшими портретистами (и вообще художниками) Англии стали иммигранты, приехавшие в Англию из Европы: немец Ганс Гольбейн принёс в английскую культуру твёрдость в анализе личности; фламандец Ван Дейк принёс румянощёкость и праздность; австриец Люсьен Фрейд принёс нечто такое, что трудно поддаётся однозначной формулировке. Это, разумеется, ощущение бренности бытия, что противоречит основной цели живописи: обесмертить человека. Но помимо бренности и уязвимости Люсьен Фрейд пишет то, что очень важно для фактографической персоналистской культуры, – он пишет идею равенства всех перед лицом небытия. Это исключительно демократическая живопись. Англичанин, чей домик-крепость как две капли воды похож на домик-крепость соседа, англичанин, который стоит на собственных ногах и не смешивается с толпой, принимает мир Запада как мир равных. И если не получилось (а кто сказал, что получится? Возрождение? Микеланджело?) стать равными в величии и подвиге созидания, то стать равными в бренности и уязвимости – тоже неплохо.

Люсьен Фрейд оказался тем, кто написал надгробное слово Ренессансу, и это многим понравилось.

Быть таким, как Савонарола и Леонардо, хотя, как выяснилось, немногие, но большинство готовы примириться с тем, что они равны в наготе и предстанут перед Богом, который, в их представлении, отсутствует, на пустых небесах, с пустыми руками. ☉

В издательстве АСТ, редакция Mainstream, выходит книга Максима Кантора «Чертополох». Эссе, которые вы читали на протяжении трёх лет в нашем журнале, послужили основой для труда, всесторонне объясняющего философию масляной живописи.

STORY открывает подписку на эту единственную в своём роде книгу. Подробности на сайте: story.ru

Ресурс МОЛЧАНИЯ

В конце 20-х годов в Голливуде произошло страшное. Однажды утром заговорил некто, молчавший с рождения, – Великий Немой. Стало ясно, что мир уже никогда не будет прежним. Сами звёзды задрожали и посыпались с небосвода. Всё пропало, рухнуло. Всё пошло прахом. Собственно, а почему?

ОЛГА ФИЛАТОВА

Существует картина, которую в Голливуде считают автобиографической. «Поющие под дождём» – байопик, до деталей совпадающий с реальной историей. Самопародия кино. Интрига в том, что снимали, потом выпустили на экран музыкальную комедию, а материал-то был вполне драматический. Примерно как если бы историю «Титаника» спели и сплясали хохоча. На корабле, идущем ко дну, кто-то, конечно, выплывет, а кто не выплывет, тот утонет, не правда ли, смешно? Золотой век кинематографа подарил культуре не только шедевры кино, но и в хлам разрушенные судьбы вчерашних звёзд экрана. Сказать изящно – они утонули в пучине звука, не сумев выплыть против его течения. Чтобы узнать, как было дело, достаточно просто посмотреть фильм 1952 года выпуска «Поющие под дождём», где это рассказано весело и нескучно. Конечно, если верить в сказку, что в эпоху зарождения кинематографа на Голливудских холмах было прекрасно всё, начиная с сюжетов и заканчивая закулисными нравами. А если нет?

Вот, к примеру, на заре звукового кинематографа жил красавец-актёр по имени Бастер Китон, истинный бриллиант немого кино, чьё творческое наследие легло в основу множества будущих актёрских судеб. Советский клоун Юрий Никулин любил этого грустного гаера, чьё «каменное лицо» он учёл, создавая свой артистический образ.

- ▶ Поющий и танцующий под дождём Джин Келли
- ▶ И частично прототип его героя – Бастер Китон

Валявший дурака с самым невозмутимым видом, Китон обязался никогда не смеяться, даже не улыбаться на людях – по контракту с киностудией Metro-Goldwyn-Mayer (MGM), грозившему актёру штрафом за обычную улыбку. Чего ему стоил этот контракт, выясним позже. Конечно, он регламентировал не только улыбки актёра. Но даже этот дурацкий пункт со смехом уже вставал поперёк горла. Не смеяться было трудно, особенно ему, от природы смешливому, весёлому человеку. В своё время слава Китона соперничала разве что с популярностью Чаплина. Ещё не известно, кто был круче. Разница же между двумя зубрами кинематографа состояла в том, что немой Чарли Чаплин сумел преодолеть рубеж между старым и новым. А для Бастера Китона приход звукового кино обернулся творческим кризисом, запоями, всякими бессмысленными личными выходками вроде женитьбы на медсестре, выведившей его из алкогольного пике. И не зря судьба комика вспоминается при упоминании картины «Поющие под дождём», хотя сам он в этой картине не участвовал. Когда «Поющие» вышли на экран, Китону не было ещё и шестидесяти лет, но выглядел он на все семьдесят. Музыкальная комедия, на много лет вперёд задавшая тон жанру, вызвала у него горькую улыбку, уже не ограниченную контрактом. И он улыбался, этот выдающийся актёр, даже смеялся, на просмотре «Поющих», по достоинству оценив шутки и приколы, прошитые в сюжетную канву. Киностудия MGM, разрушившая двадцать лет назад его жизнь и карьеру, праздновала победу, сняв лучший мюзикл всех времён. Они сумели то, что не смог он – величайший, лучший из лучших. Что он должен был чувствовать? Ему казалось, что с экрана в лицо ему смеётся, поёт и танцует его собственная жизнь.

Если о ком и следовало бы снимать мюзикл, так это о нём. Его судьба была просто песня. Только он пел её молча. Бастер Китон был велик, как сам Великий Немой. И он был красив, как принц Уэльский, если бы тому повезло родиться красавцем. Он стал одним из столпов кинематографа, родоначальником классических реприз, чудотворцем. Начав жизнь с цирковых подмостков – родился в цирковой семье, участвовал в семейных цирковых представлениях с пелёнок, – он был этакий человек-оркестр, человек-орган, для кого работа была самой сутью его судьбы. На съёмках он выкладывался так, что ни один дублёр не мог за ним угнаться, повторить его сумасшедшую технику. Китон и снимался без дублёров, выпадая из окна собственной бесценной персоной. Смотреть нарезку из его трюков сейчас невозможно без эмоций, наименьшая из которых – челюсть в пол. Что вытворяет, чертяка! Ближайшее сравнение для его умений – паркур. И ведь без компьютерных спецэффектов. Китон был настоящий атлет. Несмотря

на внешнюю тщедушность, он обладал ловкостью обезьяны, силой тигра и никаких опасностей не боялся. И всё это проделывалось ради смеха. Ради смеха он выпрыгивал из окна на пятнадцатом этаже, смеясь, ошибая карнизом и камнем летел вниз, сшибая оконные маркизы. Другой раз, шутя, чуть не утонул в горном водопаде. Как сказал в «Человеке с бульвара Капуцинов» актёр Ярмольник, «сдаётся мне, джентльмены, это была комедия...». Обрыв страховочной лески чуть не стоил Китону жизни. Уморительные кадры, как он крутит башкой в поисках спасения, так и вошли в фильм. И лишь на стоп-кадрах видно, что на лице его нешуточная паника. Он выплыл чудом. Актёр и режиссёр в одном лице, Китон под страхом увольнения запрещал выключать камеру во время трюковых съёмок. Если бы он тогда утонул, это бы вошло в фильм.

Самый безмолвный из немых, Китон к тридцати годам имел три десятка картин, каждая из которых стоила десяти по насыщенности гэгами, разобранными потом на цитаты или просто украденными у него. К приходу звука он состоялся как один из самых популярных комиков мира. Но в 1936 году он заключил контракт с MGM, рассчитывая, что союз с этой влиятельной компанией принесёт ему большие деньги и новые технические возможности. Это была фатальная ошибка. Он потерял главное условие своего творчества – свободу. Луис Майер быстро рассказал ему, что он ничего не смыслит в технологии кино. Набежали и другие советчики. Съёмки, которые дотеле он так любил, импровизируя, будто танцуя с камерой, теперь сделались для Бастера мучительным процессом: «Я понимал, что мы снимаем плохой фильм, в первый же съёмочный день. Но что я мог сделать? И я поступил так, как делали многие. Я начал пить». Обанкротившись, распродав всё имущество, Китон остался один. К сорока годам он впал в тотальное пьянство, из которого вынырнул лишь к концу 30-х годов. И вот, ещё через десять лет, которые он провёл занимаясь неизвестно чем, неизвестно где и с кем, глядя, как на экране мыкается главный герой «Поющих под дождём», Китон очень живо вспоминал подлинные события своей актёрской судьбы.

За год до выхода картины на экран создатели фильма попросили Бастера Китона о встрече. Джин Келли несколько раз приезжал к нему с намерением расспросить о том, в чём же состояла разница между немым и звуковым кино. И почему сияющая перспектива звукового кино обернулась непреодолимой преградой на пути стольких лучших, стольких единственных. Сам-то Келли в немых не участвовал, но должен был сыграть актёра на перепутье между немым и звуковым

► Келли и Фред Астер в «Безумствах Зигфилда»

ПОЮЩИЕ ПОД ДОЖДЁМ

кинематографом. И вот пожалуйста, Бастер Китон видит на экране совокупную биографию всех тех, кто поневоле стал заложником звука. Смешно? Очень смешно! В некоторых местах он даже плакал, как Челентано над телевизором. Комики отличаются парадоксальными реакциями на смешное.

Главного героя фильма звали Дон Локвуд – вымышленное имя, конечно. Это был собирательный образ, в котором актёры узнавали себя, как в зеркале, – популярный киноактёр, начинавший свою карьеру простым музыкантом и трюкачом. Явившись на церемонию «Оскар», Локвуд прямо на красной дорожке попадает в лапы светской журналистки, требующей рассказа о жите-бытье. На локте звезды висит очаровательная блондинка и тоже звезда экрана, его постоянная партнёрша Лина Ламонт. Рекламная кампания предписывает этим двоим разыгрывать влюблённую парочку. При этом сама Лина являет собой самый отталкивающий тип звезды, который только можно представить поныне, – Звёздная Плешь. Возмнившись о себе пустое место. Разве они пара? Познакомившись с милой танцовщицей из кордебалета по имени Кэти, Дон Локвуд и думать забывает о мнимой любовнице. Меж тем простушка Кэти оказывается не столь простой, как притворяется, и не торопится падать к ногам звезды. Вообще она считает немые фильмы идиотским кривляньем: «Если ты видел один, считай, что видел их все». Обидно, да? Но звуковое кино как раз в этот момент наступает на пятки немому.

И если Дон Локвуд был отчасти сделан из Бастера Китона, то его партнёрша Лина Ламонт была собрана из сотен актрис, предшествовавших ей на экране. Визгливый голос Лины и её нью-йоркский акцент разыграны смешно, даже очень, конечно, если подобные проблемы не касались тебя лично. А её попытки исправить положение при помощи уроков дикции – лишь констатация факта. На MGM в те годы прибегли к радикальным мерам. Чувствуя, что дело идёт к катастрофе, там создали учебный центр, куда в обязательном порядке направляли всех шепелявых и картавых, и старых, и новых актёров. Вот где получился истинный «Титаник». Старые и немощные утонули.

И вот на самой середине фильма Бастер Китон поднимался и уходил из зала. Почему? Он не мог спокойно смотреть на кадры, в которых звезда летит со своего пьедестала. Пусть даже и такая несимпатичная, как эта гротескная Лина Ламонт.

Китон уходит, а фильм катится своим чередом. «Доброе утро!» – так распевают главные герои по поводу ослепительных перспектив, открывшихся им на рассвете. «Доброе утро!» – они поют и отчаянно пляшут в гостиной, и эта простенькая песенка становится хитом своего времени. Ещё один совершенно нержавеющий хит споёт и станцует сам Дон Локвуд, возвращаясь от подружки

Кэти. Он, по сценарию, выскакивает под проливной дождь, который с каждой минутой усиливается. И он танцует, этот Дон, вернее, исполнитель его роли Джин Келли, пожалуй, самый известный танцор, он же певец, он же режиссёр и продюсер кучи выдающихся фильмов. Он поет *Singin' in the rain*, до него спетую на разные голоса. Но благодаря Джину Келли песенка эта становится саундтреком самого Голливуда. Любопытно отметить, что почти все из полутора десятков шлягеров

- ▶ С Д. О'Коннором в «Поющих под дождём»
- ▶ Бастер Китон делал свои трюки без дублёра

фильма «Поющие под дождём» существовали задолго до того, но приобрели стократное звучание именно благодаря «Поющим».

Сплошное кривляньё

Если бы один только Китон тогда утонул на «Титанике» немного кино. Но они утонули если не все, то очень многие. Катастрофа разразилась осенью 1927 года. Занимался нежный рассвет. Звёзды немного экрана тем условным утром спали спокойно. Никто и предположить не мог, как всё запущенно. У многих были далекоидущие карьер-

ные планы на ближайшие триста лет. Новшество не оценили. «Да кому он нужен, этот паршивый звук?» – спрашивали друг друга Альфред Хичкок и Луис Майер, встретившись в коридорах студии. Немой царил повсеместно, владел сердцами. Воображать иную картину мира не хотелось. Верность Немому, приверженность его стилю в кинематографе казалась абсолютной. А как было не повергнуться? За тридцать лет беззвучных съёмок успели привыкнуть помалкивать, только глазами эдак зырк – и в обморок! Зрителю хватало. Сила взгляда некоторых безмолвных фей, таких, например, как Пола Негри или Луиз Брукс, равнялась удару копытом. Помалкивая, творцы доносили до последнего ряда в зале высочайший накал эмоций любви и ненависти, даже и равнодушия, переходящего в высокомерие, или, к примеру, страх – жест, мимика, это было всё. Кривлялись, конечно, по мере сил и общей культуры. И всё молча, о чём было разговаривать? Хватай её да цалуй в уста сахарные. Только фортепиано брэнчалось как подорванное. Радость на экране выражалась внезапными танцами. Любовный экстаз – обмороками. Но всё равно ведь было на что посмотреть. По части развлекательности с кинематографом ничего не конкурировало. Если не брать в расчёт скачки, рулетку и лупанарий. Кинематограф выигрывал по всем остальным параметрам. Это было очень дёшево и чрезвычайно сердито.

Но утром 6 октября 1927 года на премьерном показе первой полнометражной картины «Певец джаза», в которой актёр Эл Джолсон сказал в общей сложности 281 слово, включая знаменитую тираду: «Подождите немного! Вы ещё ничего не слышали!» – произнёс его голосом Великий Немой. Сперва никто даже не поверил, что актёр не стоит за экраном, озвучивая самого себя живьём. Через семьдесят лет это высказывание заняло почётное место в топе самых знаменитых киноцитат по версии Американского института киноискусства. Шутка ли? С этой фразы началось звуковое кино, само будущее вступило в свои права. Правда, адепты немого ещё долго плевались ядовитой слюной. Чарли старый крокодил Чаплин всеми жабрами души возненавидел звук. Он десять лет отказывался снимать с озвучиванием, когда все вокруг уже начали и хвалили. Он даже в кино перестал ходить со злости. Собственный голос Чарли считал никчёмным художественным инструментом. И всё-таки первый же его звуковой фильм «Великий диктатор» рассеял сомнения. Гениальный Чаплин оказался гениальным во всём. Кто бы сомневался. Ну, Чарли, в чём теперь сила? – спрашивали киномагнаты и тут же отвечали: сила в звуке. Речь, конечно, о крупнейших корпорациях, сделавших миллионы на киноиндустрии, таких, как, например,

«Уорнер бразерс», MGM и «Парамаунт». Они всерьёз взялись за звук, твёрдо встали на звуковую дорожку.

А хоть кто-то верил в успех звука? Хичкок, например, высказался: «Кинематограф мог бы стать настоящим искусством, если бы остался немым и чёрно-белым». Марлен Дитрих сокрушалась: «Придёт звук – конец игре глазами. Больше никаких лиц, одна глупая болтовня». Советские режиссёры Эйзенштейн и Пудовкин пророчили, что в звуковом кино не останется ничего артистического. Чаплин только кивал, убеждённый, что немое кино по нелепой случайности отдаёт концы на пике популярности, едва достигнув высшего уровня художественного мастерства.

Поначалу все разругались вдрызг. Уорнеры дразнились на «Парамаунт», даже MGM, обожавшая всё новое, не мгновенно сдала позиции. Но с самого начала стало ясно, что «Уорнер бразерс» уделали всех с этим звуком. И тут был чистый бизнес, ничего возвышенного. Братья сидели на грани банкротства и очень рисковали, взявшись за звуковую дорожку. MGM и «Парамаунту» они, конечно, проигрывали во всём, кроме технического бесстрашия. Джентльмены рискнули... и выпили шампанского.

Чаплин же всё-таки оказался прав, но не относительно звука вообще и не в отношении собственных талантов. Дело было в актёрах. Звуковая технология принципиально отличалась от беззвучной. Позже это будет многократно обыграно в пародиях. У Михалкова в «Рабе любви» безголосый Канин (Стеблов) эталонно мается профнепригодностью. Немой актёр при желании мог нести в кадре любую околесицу. Километры текстов, которые вскоре будут учить его товарищи, ему даже присниться не могли. Немой актёр мог вообще не читать сценария – именно так и делалось во избежание воровства сюжетов. Сама Грета Гарбо предпочитала не углубляться в сюжет, узнавая лишь на съёмочной площадке, что именно сегодня предстоит изображать. Но самое страшное было – язык и голос. Чтобы сниматься в звуковом кино, многим актёрам недоставало самого главного инструмента – голоса. Лишь единицы из них могли соответствовать вновь создаваемому стандарту. Чего требовало время? Говорить. Звучно, чисто, ясно, без акцента, без картавости и шепелявости, без диалекта. А лучше – ещё и петь. Кто это умел из старой гвардии? Мало кто.

В мемуарах дочери Марлен Дитрих есть места, посвящённые профессиональным мытарствам её прославленной родительницы. «Марокко» была первая у актрисы звуковая картина. Стоит ли напоминать, что Марлен священная корова

▶ Сцена из «Поющих под дождём», попавшая во все учебники истории кино

► Джин Келли в фильме «Увольнение в город». 1950 год

Дитрих была немного немкой? И её английский язык ощутимо отличался от оригинального.

«Сбылись её многодневные тревоги, – пишет Мария Рива. – Она знала, что для своей первой американской роли, звёздной роли, гортанный, неотшлифованный английский, который работал на неё в «Голубом ангеле», не подойдёт. Женщина-мечта, женщина-загадка... должна была иметь безупречный выговор... И вот впервые магическое лицо заговорило и одним-единственным звуком разбило вдребезги очарование образа». Известно, что звукооператор предложил фон Штернбергу перекрыть недлинные реплики актрисы в кадре звуком пароходного гудка. Позже Тарковский именно так будет заглушать в своём «Рублёве» матерок скомороха Быкова. Но режис-

сёр «Марокко» не согласился с подобной художественной находкой, предложив пока оставить как есть, лишь позже, когда мисс Дитрих овладеет правильным английским произношением, вставить звук в кадр. И гордая звезда согласилась.

А сколько ещё было их, не столь памятных сегодня, как Дитрих, чья карьера покатила к чертям из-за вторжения звука! За десятилетие, последующее его внедрению, пока Чаплин молчал и злился, десятки, сотни творческих биографий были списаны в утиль – актёры и актрисы, вне зависимости от яркости своего блеска, не проходили испытания микрофоном, штуковинной крайне неудобной в обращении. Поначалу, как известно, микрофон пристраивали в самых неожиданных местах, и стационарно. Немаленькое в те времена устройство, к тому же снабжённое толстым проводом, то прятали в кустиках бегоний, под самым носом у объятых сценарной

страстью любовников, то засовывали его под платье героини, то пытались закрепить в складках её туалета. Нужно было обладать крепким здоровьем, чтобы терпеть подобные измывательства. Но это было лишь в самом начале. С записью звука потом разобрались. Но с приходом звука весь кинематограф ринулся в музыкальную комедию. Чтобы сниматься в главных ролях в 30–40-х годах в Голливуде, нужно было прыгать выше головы.

Танцы-шманцы

И прыгали, как зайчики. Как будто пытались опровергнуть земное притяжение и атмосферное давление. Лёгкость бытия доводили до абсурда. Кинематограф первой половины XX века пытался заменить человеку лучшее, что у него могло быть в жизни. Даже Великая депрессия прогибалась под напором его веселья, даже глобальное послевоенное уныние. Поднять зрителю настроение? Кине-

матографисты хотели одарить зрителя счастьем забытья, утолить его печали, хотя бы на короткий срок, пока не зажжётся свет в кинозале, – счастье для всех и почти даром. Главное, чтобы никто не ушёл разочарованным. А получалось что?

На полнометражное звуковое кино студии решились не сразу. Ещё в 1928–1930 годах продолжали снимать короткометражки, десятиминутные ролики с участием мелких театральных звёздочек с Бродвея, неизвестным способом затесавшихся в кадр. Блестящая идея снимать фрагменты из водевилей явилась, кажется, всем одновременно. Когда речь зашла о полнометражных картинах, вторая идея последовала из первой – снимать уже существующие успешные мюзиклы. Однако кордебалет, позаимствованный на Бродвее, оказался не тем ресурсом, на который стоило делать ставку. И вот тогда стало внезапно понятно, что единственный потрясающий актёр в состоянии заменить собой целый выводок лягастых блондинок, готовых показать всё и даже больше. Сказка стала безупречно удаваться, лишь когда режиссёры взяли за лучших танцоров и певцов, коим предоставили в кадре полную свободу. Так это было с Джином Келли, чья улыбка стоила дороже целого кордебалета. Так было с Фредом Астером, появление которого в кадре означало успех. Поиск талантов стал занимать у производителей кино больше помыслов, чем само кино.

Что там было? Конечно, девушки. Нестареющий стандарт легконогих плясуний, в жизни не встречающийся. Феи, усыпанные звёздной пылью, с такими искрами в глазах, как будто каждая перед съёмкой выпила по бокалу ледяного шампанского. А они ведь не только плясали, они ещё и пели. Причём прямо во время танцев. Летит такая ласточка над зеркальным паркетом, едва касаясь, летит на каблуках, но не падает, а сама поёт, щебечет, не теряя дыхания. Такая была наша Любовь Орлова, такая была Джуди Гарланд – мамочка будущей ласточки Лайзы Миннелли. Да разве только они! Девушек в Голливуде были сонмы. Все в страусиных перьях, даже массовка, и улыбались как именинницы, словно не существовало на свете не только военных диктатур, но даже просто слезинки ребёнка. А как они плясали! И девочки плясали, и мальчики, и дядечки, и тёточки. Нет, сейчас вам так не спляшут ни за какие деньги. Джинджер Роджерс, Фред Астер, Элинор Пауэлл, Джин Келли – вот были люди, умеющие оторваться от земли, прихватив с собой душу зрителя. И все поголовно пели, как канарейки.

Самим воплощением музыкального жанра в кино стал Фред Астер – венец кинематографического творчества. В паре с любой из своих партнёрш он всё равно выглядел лучше, изящнее, техничнее, грациознее и легче, даже с этой своей внешностью австрийского крестьянина. Вторым мюзиклом во

плоти был Джин Келли, отнюдь не крестьянин, красавчик каких поискать, такой Марлон Брандо в молодости. Кто там у этих двоих под ногами путался в партнёрах, можно было даже не замечать. Вдвоём они тоже как-то сделали музыкальный номер, лёгкие, как кошки, которым вздумалось порезвиться. Человеческому уму не постижимо, каким трудом достигается такая лёгкость: ни на секунду не роняя улыбки, порхать, имея вид существа, на которое просто напала бодрость. Бежать по лестнице, гладкой, как ледяная, домчавшись до её конца, дышать бурно, страстно, не стесняясь наезжающей крупным планом камеры, стараясь при этом выжать из своей улыбки миллион, а лучше – три. Таким был Джин Келли. Счастье здесь. Оно пришло. Дышите глубже. Улыбка Джина Келли дарила зрителю лучший мир.

Танцующий под дождём

Джин Келли появился на экране в те годы, когда немой кинематограф необратимо заговорил. «Поющие под дождём», режиссёром и исполнителем главной роли в котором и был Джин, принёс ему оглушительный успех. Джин был лучше запланированного на роль Дона Ховарда Кила, всем прекрасного, но не умевшего улыбаться, как само счастье. И потом, Джин Келли был маньяк творчества. Он никогда не уставал, он не падал с ног, даже подхватив вирус. Свой самый знаменитый танец под проливным дождём он выполнял, будучи больным, с высокой температурой. Не напрасно этот номер сегодня кажется исполненным какой-то запредельной, лихорадочной бодрости. Надо ли добавить, что после двадцатичасовых плясок под душем сам он выздоровел, попутно инфицировав половину съёмочной группы? Съёмочная группа, впрочем, не всегда была в восторге от работоспособности своего режиссёра. Трудоголиков терпеть затруднительно. Джин умеет плясать сутками, а остальным как быть? Совсем молодая актриса Дебби Рейнолдс, выбранная на роль простушки Кэти, должна была вставать на рассвете, чтобы вовремя явиться на площадку. Съёмки же длились иной раз по двадцать часов в день. Кроме того, Дебби прессовал и сам режиссёр. Джин вовсе не был доволен её танцевальными талантами. Однажды он так и сказал ей, что танцевать ты, детка, вообще не умеешь. Оно и понятно. Изначально на роль Кэти планировалась Джуди Гарланд, с которой у Джина были давнишние и весьма тесные творческие контакты. Но студия утвердила на роль Кэти не Джуди. Официальная причина была проста: в начале 50-х годов, к сожалению, Джуди Гарланд было уже за тридцать. На роль дебютантки она уже не годилась. Утвердили Дебби – свежее личико, которое частенько видели заплаканным во время съёмок. В отличие от неуравновешенной Джуди она всегда вовремя являлась на

съёмки – трезвая! – но куда ей было до Джудиных танцевальных кондиций! Впоследствии Дебби хватило толерантности, чтобы понять, что всё-таки «Джин Келли был великим танцором и гением кинематографии. В «Поющих под дождём» он сделал из меня звезду». Джин вообще-то вовсе не был злым режиссёром или вредным человеком. Просто он обладал энергией такого качества, что не допускал в людях иного подхода к делу. Столь же энергичным был и его консультант Бастер Китон. Они потому и нашли общий язык, обсуждая будущую картину, что имели схожий подход к делу. Джин был человеком невероятного личного обаяния. Та самая улыбка, дарящая лучший мир, при личном общении она действовала на собеседника как букет цветов. К сорока годам от постоянного употребления эта улыбка оставила у него на лице несмываемые гусиные лапки, он мог уже не улыбаться, его лицо звучало как делегация добра. Даже полностью разочарованный в жизни Китон не смог избежать его ураганного обаяния, отказаться в помощи, хотя представлял Джин ту самую киностудию MGM, альтруистическая помощь которой не входила в планы Бастера. Он как раз планировал утереть нос всем прежним обидчикам. Улыбка обратилась к нему за поддержкой в тот момент, когда жизнь Китона стала налаживаться самым внезапным образом.

В 1949 году журнал «Лайф» вышел с фотографией Китона и обзорной статьёй о его жизненном пути. С этого момента и началась как бы вторая жизнь великого комика в кинематографе: он опять принялся сниматься, в «Бульваре Сансет», в «Огнях рампы»... Тогда-то перед ним и возник Джин Келли со сценарием «Поющих» под мышкой. И если сначала комик крайне скептически отнёсся к любым разговорам о немом кино, то, истратив весь сарказм в первые полчаса беседы, он не заметил, как увлёкся. Всё-таки он был чрезвычайно страстный человек, этот Китон «ледяное лицо», причём единственной настоящей страстью его было кино. Разговорившись, они поняли друг друга с полуслова. Дальнейшее известно.

Значительного актёра легко отличить от хороших, но обычных. Его непременно будут повторять. Гения видно по той «походке», от которой не могут избавиться идущие за ним. Есть актёры столь значительные, что, куда ни посмотри, всюду увидишь цепочки их следов. Юрий Никулин, Джеки Чан, Билл Мюррей – все они немного Бастер Китон, умевший рассказывать историю, ни слова не сказав. Бастер Китон был тем, кто предпочитал любым разговорам и песням красноречивое молчание. Увы, с приходом звука за молчание перестали платить. Есть вещи, неумолимость которых равна исторической закономерности. Эра немого кино закончилась потому, что к 30-м годам молчание на планете иссякло как ресурс. ☉

**ЛЕТНИЕ
ЦЕНЫ**

**А У НАС
ЛЕТО!**

МЮЗИКЛ
**ПОЮЩИЕ
ПОД
ДОЖДЕМ**

RAIN-MUSICAL.RU
(495) 739 3737

— ❖ ЛЕГЕНДА ❖ —

Путешествие к охотникам на креветок

*Фронтальной корреспондент, бесстрашный борец
с коррупцией, отважный журналист Артём Боровик.
Я знал и другого Артёма. Не бронзового легионера на Новодевичьем
кладбище, но беззаботного, весёлого, радушного, влюбчивого
и бесшабашного человека*

ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ

Нашей дружбе было двенадцать лет. Он стал моим крёстным, когда мне исполнилось тридцать три года. И теперь, по прошествии шестнадцати лет со дня его смерти, я поминаю его в своих молитвах каждое утро. Арифметика наших отношений продолжает череду неведомых формул. И знак равенства ещё не поставлен.

Всё это нужно прожить. Просто прожить. Потому что писать трудно.

И вовсе не потому, что приходится говорить в прошедшем времени, не потому, что сам он этого никогда не прочтёт. Наша дружба была слишком яркой, слишком духовной и светлой, да к тому же пришлось на самую лучшую пору человеческого бытия – на нашу юность. И в ней, в этой дружбе, было больше чувств и эмоций, нежели слов. И именно поэтому о ней трудно сказать словами. Но я попробую. Только лишь потому, что отчётливо чувствую: он стоит где-то рядом, быть может, склонился прямо за моей спиной, как и тридцать лет назад, когда мы писали свои первые заметки в газету.

Именно в газете и началась наша дружба с Тёмой. Мы пришли в «Советскую Россию» сразу же после института. Оба закончили факультет журналистики. Только он учился в МГИМО, а я в МГУ. Мы были новенькие и потому старались держаться

вместе. Кроме того, мы оба были «латинами»: Тёма проходил стажировку в Перу, а я на Кубе, свободно болтали по-испански и уже тогда, в закрытую советскую эпоху, знали различия между «севиче» и «мохито». Это тоже сближало. Наконец, наши отцы были известными советскими писателями. И это последнее обстоятельство создавало для нас обоих дополнительные трудности. Как выяснилось в самое ближайшее время, и он, и я меньше всего хотели прослыть «папенькиными сынками».

Работа в газете пахла типографской краской на руках и круто заваренным чаем «со слонем», она напоминала о себе грохотом линотипов и теплою свежей свинцовой строки. Нас, молодых, почти каждую неделю отправляли в «подвал» дежурить по номеру. Подвалом называлась типография, где набирались и печатались партийные и комсомольские газеты, а дежурством по номеру – ловля ошибок, внесение корректуры, смена заголовков и сотня других маленьких и больших газетных дел. Тёма, в отличие от меня, достаточно быстро освоился с понятиями цицера, пунктов, кеглей и полос. Всего через месяц, несмотря на то что был корреспондентом отдела международной жизни и даже в типографию спускался в светлой рубашке с галстуком, он уже знал по именам всех

наших наборщиц в синих халатах и всех наших верстальщиков в замасленных робах. Только потом я понял, насколько это было важно – знать их по именам: любая твоя просьба выполнялась ровно в два раза быстрее. Рулили всей этой работой ответственный секретарь Александр Фёдорович Яковенко и его заместитель Володя Смирнов. К десяти часам вечера, когда очередной номер газеты подписывался в печать, «рулевые» краснели лицом и отпускали нас восвояси.

Это были замечательные вечера. Мы шли к метро неосвещённой улицей «Правды», пиная ботинками пирамидки пакетов из-под молока, мечтая, споря, смеясь. Чего-чего, а поржать и подшутить друг над другом мы любили всегда. Однажды, в состоянии лёгкого подпития, мы пошли купаться нагишом в пруду возле Белого дома. Этот пруд был глубиной не более полуметра, и потому, при виде редких ночных прохожих, нам приходилось прятать свои белые задницы под покровом Горбатого моста. В другой раз Тёма решил спрятаться в моей квартире. И действительно спрятался. Настолько удачно, что мы нашли его только под утро. Наш Тёмик мирно поспывал на... шкафу. Как он туда забрался, никто, включая самого Тёму, объяснить так и не смог. Но наш коронный номер, насколько я знаю, не смог повторить никто. Для его исполнения было нужно несколько кружек пива и чуточку куража. Вот, собственно, и всё, что было нужно, дабы пописать в бензобак автомобиля. Этот трюк с кодовым названием «сходить на брудершафт» мы проделывали не однажды. Но особой виртуозности и синхронности действий добились лишь на Патриарших прудах в Москве и на Курфюрстендамм в Западном Берлине.

Мы потом ещё долго вспоминали Западный Берлин, куда по делам «Совершенно секретно» приехали в начале девяностых. А всё потому, что вначале я въехал на арендованном «Фольксвагене» в какую-то бетонную тумбу на окраине Потсдама, а потом этот самый «Фольксваген» у нас просто украли. И мы, как два дурака, стояли посреди Курфюрстендамм с пустыми чемоданами в руках, которые только что купили в супермаркете KDW. Всё, впрочем, прояснилось всего через час, когда Тёма позвонил из гостиницы в местную полицию с сообщением об угоне, а ему ответили, что машину никто не угонял, её просто увезли куда надо за неправильную парковку и нам придётся уплатить штраф в 300 марок. У нас таких денег, конечно же, не было, но, если бы и были, мы бы ни за что не стали их платить немецким властям. И тогда у Тёмы возник «гениальный» план: дать гаишникам взятку. Эта взятка лежала у него в сумке – будильник «Слава». Вы бы видели лица полицейских, когда Тёма, для приличия поплакавший про то, что мы бедные туристы

(которые могут себе позволить арендовать «Фольксваген»), вручил дежурному части картонную коробку со специфическим звуком работающего часового механизма. «Вас ист дас?» – заорал испуганный полицейский. «Дас ист вотч», – ничуть не смутившись, ответил Тёма. Из дальнейшей реплики немчуры мы поняли, что он готов прямо сейчас указать место парковки нашей малютки и не оформлять штраф, лишь бы мы забрали побыстрей эту грёбаную коробку и шли куда подальше. Так мы и сделали. И только потом, когда нашли машину возле Бранденбургских ворот, наконец-то поняли, что полицей принял наш «чистосердечный» подарок за русскую бомбу. На радостях, что остались при своих марках, мы заехали в настоящий немецкий кабак и заказали там такое количество водки «Горбачёв», баварского пива «Лёвенбрау» и гигантских свиных ножек «айсбайн», что через два часа уже совершенно уверенно пытались расплатиться за это жуткое чревоугодие советскими рублями и, конечно же, «сходили на брудершафт»... А штраф нам немцы всё же прислали. Прямо в Москву. На 327 марок. И ни пфеннигом меньше.

Но всё это случится с нами гораздо позже. А пока мы работали в газете. Получали зарплату 120 рублей и были счастливы. Просто потому, что начинается взрослая, настоящая жизнь, всё впереди и нет таких преград, которые нам не по силам одолеть.

Эта идея родилась у меня в голове совершенно спонтанно, как раз тогда, когда проезжал в туннеле под площадью Маяковского в Москве. Нам надо отправиться в путешествие! Написать письмо от редакции на ВАЗ, попросить у них машину и – в путешествие. Куда? Да какая разница куда! Хоть в Африку. Тем же вечером позвонил Артём и всё ему рассказал. Прошло ещё, наверное, больше недели, прежде чем идея оформилась окончательно. Близилось сорокалетие Победы в Великой Отечественной войне. Именно этому событию и посвящалась наша экспедиция по старой Смоленской дороге: от Москвы до Бреста. Прямо как в той песне военных корреспондентов.

Сказать, что Тёма уважал военных журналистов, – значит ничего не сказать о его отношении к людям этой профессии. Он их просто боготворил. Старик Хэм, Константин Симонов, Илья Эренбург – для него это были не просто имена с книжных полок. Это были символы настоящих мужчин, романтиков и писателей. И именно таким мужчиной, романтиком и писателем, хотел стать сам Артём. Одна беда: тогда он не мог стать военным корреспондентом. Война хоть и была, но война спрятанная. Про неё не разрешалось писать. Это была война в Афганистане. Ну не про эту, так про ту. Думаю, это был для него решающий аргумент в пользу нашего путешествия.

Письмо за подписью тогдашнего главного редактора «Советской России» Михаила Фёдоровича Ненашева, конечно же, сыграло свою роль. «АвтоВАЗ» согласился выдать нам автомобиль «Нива» сроком на один-два месяца для проведения экспедиции «По старой Смоленской дороге».

Смысл экспедиции заключался в том, что мы проедем по исторической дороге от Москвы до Бреста, чтобы рассказать о том, что стало со страной и её людьми за сорок лет, прошедших со дня окончания Второй мировой войны. Уже за несколько недель до старта мы начали встречаться с бывшими военными корреспондентами Великой Отечественной и отмечать на карте те места, которые они нам советовали посетить: Вязьма, Руза, Смоленск, Могилёв – десятки других городов, городков и посёлков. Накануне отъезда неожиданная встреча с Булатом Окуджавой. На наш вопрос о старой Смоленской дороге зло отвечает: «Про сталинские лагеря лучше пишите!»

О той экспедиции, которая началась в марте, мы потом много и часто вспоминали. И, честно говоря, там было о чём вспомнить. О том хотя бы, как Тёма пропал в белорусских лесах. У него там был какой-то знакомый председатель известного на всю республику колхоза. Сейчас я не помню причины, но Тёма рванул к нему на поезде, а меня оставил с машиной в Смоленске. На прощание сказал, что вернётся через два дня. Но через два дня не вернулся. Я сидел в мастерской нашего фотокорреспондента Володи Ковалёва и через каждый час отвечал на звонки Тёминой мамы Галины Михайловны. Сначала приходилось врать, что Тёма вышел, что Тёма отъехал. Потом, когда она уже перестала верить во все мои отговорки, пришлось сказать правду. На следующий день вечером я пошёл в милицию и сообщил о пропаже корреспондента «Советской России». Предупредил: если появится какая-то информация, первым делом перезвоните в наш смоленский корпункт.

С того часа я уже общался не только с Галиной Михайловной, но ещё и с дежурной частью местного ГУВД. Из ГУВД звонили чаще. То нашли какого-то мужика с протезом вместо ноги, то старичка, то пьяную тётку. Стоило большого труда объяснять им, что наш корреспондент мужского пола, молодой и никогда не носил протезов. Однако каждый звонок из дежурной части со словами: «Мы тут нашли одного...» – заставлял меня тянуться к стакану с «успокоительным».

Тёма объявился лишь на следующий день – весёлый и довольный. Спасибо Володе Ковалёву, который бросился нас разнимать, а то бы эти две бессонные ночи закончились банальной дракой.

На следующий день мы уехали из города. И чуть было не взорвались на арендованной «Ниве»: одна из канистр с бензином оказалась бракованной и за несколько часов пути от Смоленска до Могилё-

ва двадцать литров горючего просочилось в салон автомобиля. А мы сидели, шлёпали ботинками по этому самому бензину, посмеивались да покуривали. И когда наконец сообразили, откуда идёт этот мерзкий запах, чуть не наделали в джинсы.

Однако, слава богу, вернулись мы из той экспедиции живыми-здоровыми. Возмужавшими, повидавшими, дружными.

От той поездки осталось несколько больших публикаций в газете да ещё мои дневниковые записи, которые я вёл от Москвы до Вязьмы. Возможно, что-то осталось и в дневниках Артёма. Ведь он тоже вёл тогда дневник.

Эти дневниковые записи не претендуют на отдельное журналистское или литературное произведение, а всего лишь дают возможность увидеть то, что мы видели и что, по известным причинам, не могло появиться на страницах партийной газеты. Эти записи – отражение наших мыслей, нашего взгляда на то, что замечали вокруг, да и на нас самих – молодых, тогда ещё беззаботных репортёров. Вот некоторые отрывки из этого дневника, который так и назывался – «По старой Смоленской дороге».

...Город Руза – маленький, холмистый и провинциальный – встретил нас солнцем, капелью и криками мартовских кошек. В общем, всё как обычно в подобных Рузе маленьких городках: почта, где вечерами собирается местная молодёжь с магнитофонами наперевес; аптека; церковь, используемая под складские помещения; улицы с дурными названиями, как то: Микрорайон или Кооперативная; скачущие менты; пивной бар, закрытый на обслуживание неких таинственных пайщиков; старушки с авоськами; пьяные мужики; бездомные низкорослые собачки; ресторан с шумными официантками; некрасивые девушки парочками; далёкая песня проигрывателя; хмарь да гарь; печаль да уныние.

Мы в семье старейших учительниц Рузы сестёр Томилиных. Дом в запустении. На веранде – ржавая пила и такой же ржавый топор. У поленницы – разбросанные дрова, во дворе – мусор и грязь, не убираемые, как видно, уже несколько лет. В горнице тоже грязно. Стол завален невытой посудой, корками чёрствого хлеба и обрывками газет. Под столом – таз с водой, непонятно, для каких целей сюда принесённый. Кроме двух комодов, кровати, стола и дивана ещё маленький книжный шкаф да радио на стене. Валентина Сергеевна болеет. У неё сломаны обе ноги. Сестра её, Мария Сергеевна, после смерти сына не встаёт с кровати. Первой сестре – восемьдесят лет, второй – семьдесят девять. В комнате Марии Сергеевны – стул с вырезанным сиденьем, под ним – ведро. Это и есть туалет. К спинке кровати привязана верёвка, чтобы легче подниматься и садиться в кровати. Артём пода-

рил ей календарик. Зажала его в руке цепко, а рука дрожит. Кажется, будто Мария Сергеевна мелко обмахивается веером. Старшая сестра показывает старые, дореволюционные фотографии, рассказывает о тех, кто на них изображён. Она и живёт-то там, в этих пожелтевших снимках.

Храброво. Решились на эксперимент. Пустьят ли в дом незнакомого человека с улицы? Первый дом в деревне – управляющего. Он уже спал. Разбудили. Вышел на крыльцо коренастый мужик, протянул для пожатия кисть без пальцев, как потом выяснилось – повреждённую осколком мины. На руке, чуть ниже плеча, наколка: «Не забуду мать родную». Стандартная, надо сказать, наколочка. Пускать не стал: приехали дети в гости. Однако посоветовал попроситься на ночлег в соседних домах, может, там помогут. Но нас и в соседние дома не пустили. У кого что: кто-то болеет, у кого муж в больнице, а пускать на ночлег двух молодых ребят как-то неловко. В последнем доме нам посоветовали обратиться к бригадиру, мол, он-то точно поможет. Бригадир крутил в клубе детективное кино на простыне, приспособленной под экран. В зале – девять человек. На первом ряду парни зыбают папиросками, сбоку хохочет малышня, а на последнем – он и она – интимничают. Досмотрели кино до конца и пошли домой вместе с бригадиром по имени Коля. Дома Колина жена Антонина что-то вычисляла на счётах. Представились. На любые её вопросы Коля отвечает «молчи!» или «не разговаривай!». Антонина тем временем приготовила нехитрый ужин: яичницу с солониной, хлеб, розовое сало и парное молоко. Сами они молодые специалисты с Брянщины. Приехали сюда по своей воле. Квартирка плохонькая, но все приметы городской жизни имеются: телевизор, стенка, итальянская музыка из магнитофона. Уложили нас спать, сказали: «Мы рано встаём, так что ключи бросьте в почтовый ящик». Мы лежали и думали: какие хорошие ребята, а какие они, интересно, на самом деле?

А на следующий день за нами пришла милиция. Во главе с бригадиром Колей. Проверка документов. Короче, сдал нас Коля.

К счастью, документы у нас были в порядке, да к тому же на них было указано, что мы представляем печатный орган ЦК КПСС. Когда Коля всё это осознал, ему, кажется, стало совсем дурно. Потому что Коля начал вдруг похрюкивать. Похрюкивать и объяснять, что он облучённый, что он инвалид и у него не хватает одного лёгкого, задирает при этом рубаху и показывает хирургические швы. Потом предлагал выпить водки. Но пить водку мы с ним отказались и уехали восвояси.

► С женой Вероникой в Альпах. 1990 годы

Пошли вместе с Тёмой на интервью со слепым участником войны. А он ничего не помнит. Всё забыл. Лежит на одном матрасе, вшивом и грязном, накрытый с головой таким же грязным одеялом. На соседней койке из-под одеяла торчат три головы: мальчика, девочку и какой-то пропитой бабы. На полу окурки, чёрствые корки и блевотина. Страшно, как на войне.

В Гжатске у брата Гагарина. Рассказывает нам, как дрался с американцами – сорок на сорок человек. Дело было в Берлине, в сорок пятом. Наши носили с собой ножи и пистолеты системы «Вальтер», а ещё – «лимонку» в кармане. Дрались из-за баб – немок и русских. Рассказывал, как сидел в подвале особого отдела. Всё это он рассказывал нам увлечённо, страстно, а когда разговор касался его брата космонавта Юрия, быстро переводил разговор на другую тему. Как мы потом решили, у него, видимо, был комплекс брата великого человека. А потому, быть может, на Юрия, даже мёртвого, он в обиде.

В ресторане познакомились с двумя девушками. Одна Оля, а вторая Света. Живут в Гагарине. Всю свою жизнь. Говорят, что все мужики алконавты, а не космонавты. В том числе и Олин отец. В городе не с кем поговорить, некуда пойти, даже любить некого. Оля и Света время от времени приезжают в Москву, чтобы покататься на лифте. Даже лифта нет в городе Гагарине.

С утра в Вязме солнце. Выглянули в окно, а вместо ворон на деревьях сидят мужики и пилят ветки.

В Вяземском соборе прескверная роспись. Художник, бездарь или пьяница, нарисовал сцены райской и адской жизни такими яркими красками, что содаётся впечатление, будто смотришь какой-то дурной мультфильм.

Вечером вместе с Тёмой поехали на вокзал выпить пива. Пива нет, купили вина венгерского. Пошёл на телеграф, звонить в Москву. Пока набирал номер, Артём куда-то уехал. Вышел на вокзальную площадь – идёт с какой-то женщиной. Подошёл и я.

– Подвезите, – говорит женщина, – к нам в село, хорошо заплатим.

– Далеко до него?

– Кто ж его знает? Может, три километра, а может, и пять.

– А может, и тридцать?

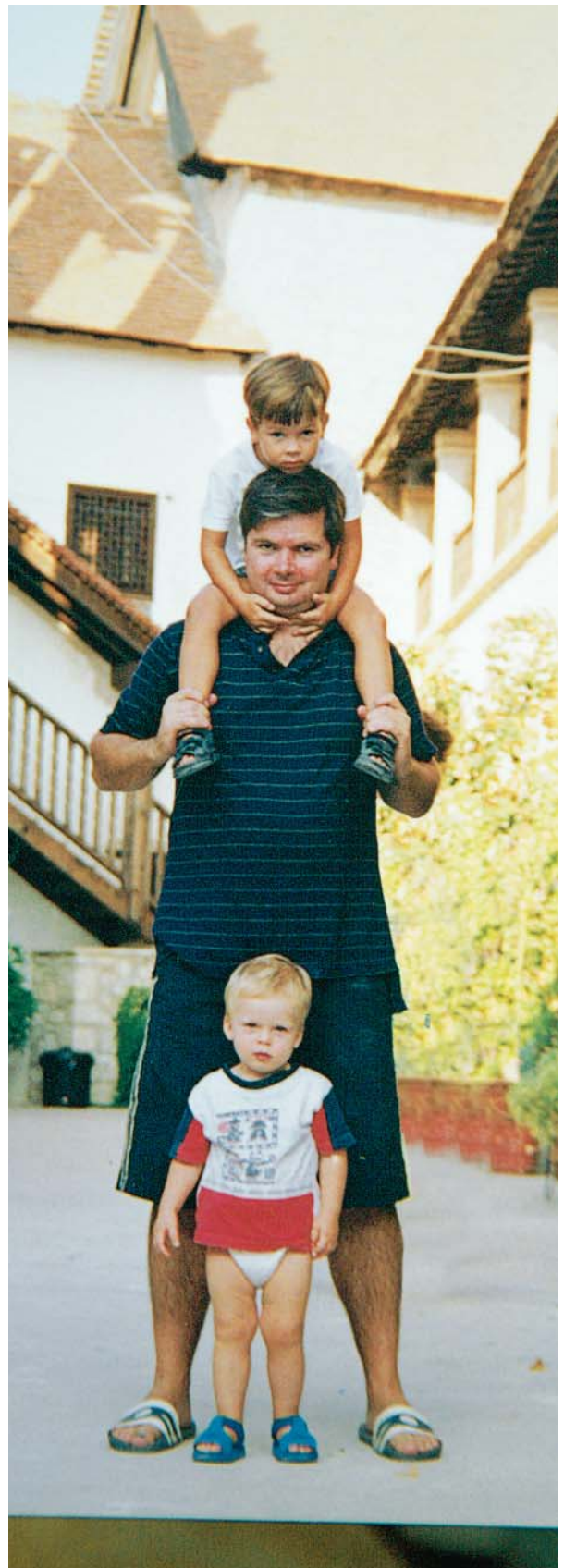
– Да ну что вы!

– Понимаете, у нас бензин на нуле.

– Да мы заплатим.

– Не в этом дело. Дело в том, что у нас талонов нет. И лампочка горит. Видите?

– У нас вещи тяжёлые. Такси нет. Может, всё-таки подвезёте?

► С сыновьями Максём и Крисом. Кипр. 1999 год

– Ну, бог с вами.

– Вон туда, сынок, подруливай!

К тому месту, где притормозила машина, подбежали курчавый парень и сухая, как трость, женщина. Открыли им багажник: загрузайтесь, мол. Парень и женщина-трость покидали туда пять мешков и рюкзак, машина тут же присела.

– Юрка, – сказала первая женщина, та, что постарше, – ты давай беги в деревню. И ты, Зоя, тоже.

Тут Зоя причитать принялась:

– Подвинься, я умещусь, я влезу. Ребята, помогите!

Хоть и тесно было в нашем транспорте, но Зоя действительно поместилась. Тронулись с ветерком.

– Вы, тётеньки, цыганки? – спросил Тёма.

– Цыганки, сынок, – ответила старшая.

– А звать как?

– Машиа меня зовут.

– Давно в этих краях?

– Деды наши тут лежат.

– Машиа, а муж ваш где?

– Муж умер недавно.

– А в Москву зачем ездили? – спросил я.

– За продуктами, сынок. Здесь ведь ничего нет.

Ни мяса, ни колбасы.

– А молодые цыганки красивые? – опять спросил Тёма.

– Очень красивые есть. Но они все в Москве.

– А поёте вы, Машиа?

– Раньше пела, теперь уже не пою.

– И дети есть у вас?

– Пятеро.

– Я слышал, цыгане волю любят, гордые они люди. Верно ли?

– Верно, сынок, всё верно. Нет для цыган ничего милее воли.

Голос у Машии низкий, с приятным мягким тембром. Она худощава, стройна. На вид ей лет сорок пять.

Незаметно, за разговорами, добрались наконец до места. Притормозили возле большого дома и помогли выгрузить мешки с провиантом.

– Эй, ромалэ! – крикнула Машиа и постучала в окно.

Сейчас же из дома выскочила молодая девушка и прокричала что-то на своём языке. Занесли вещи в дом. Машиа вынула откуда-то из юбки шесть рублей и протянула Артёму.

– Спасибо вам, сынки дороге!

– Нет-нет, Машиа, что вы! Денег мы не возьмём. Мы так, из интереса вас подвезли.

– Возьмите-возьмите!

– Нет, Машиа, вы лучше погадайте нам.

Она согласно кивнула головой, вышла в соседнюю комнату и включила свет. Тут же с кровати вскочили две девчушки и, натянув одинаковые платьица, бросились к матери. Вылез из-под одеяла смуглый и кучерявый, как негр, мальчишка лет

пятнадцати. Машиа и Зоя, не прекращая что-то громко говорить по-цыгански, принялись накрывать на стол. Вскоре здесь появилась колбаса, огурцы, консервы, рыба и две бутылки водки. «Негритёнок», назвавшийся Петей, притащил гранёные стопочки.

Сели за стол: Машиа, Зоя, девчонки-близнецы Лада и Женя, Петя, старшая дочь Роза и мы с Артёмом. Тут и Юрка со станции прибежал. Пили за цыган, за их вольную жизнь, и Машиа рассказывала о своей жизни.

Машиу выдали замуж в шестнадцать лет. Тогда цыгане ещё кочевали. Весело было. Поставят повозки табором, костры зажгут. На одной стороне табора пляшут и поют, а с другой стороны – плачут. Большой был табор. Мужа своего Машиа ничуть не любила, но очень быстро привыкла к нему, начала рожать ему детей. Муж её был на пятнадцать лет старше Машии, на войне воевал. Вот теперь он умер, и осталась Машиа одна с такой оравой.

– Дети, – говорит Машиа, – теперь всё меньше родителей слушают. Дочка из школы приходит и просит, чтобы я туда больше не приходила. Говорит, ты некрасиво одета. Сын тоже так говорит, стесняется меня. Поди пойми их.

Спрашиваю Розу: если бы она вдруг полюбила какого-нибудь парня и он предложит ей уехать из дома, согласилась бы?

– Согласилась бы, – отвечает, – в ночной рубашке бы убежала, если бы полюбила.

– А ты забирай её! – смеётся Юрка.

Юрка умеет пахать, траву косить, за скотиной ухаживать, на лошади скакать. Он за старшего в доме.

– А в Бога верите, Машиа? – спрашивает Артём.

– Верю, конечно.

И в самом деле, в той комнате, где спят дети, устроен небольшой алтарь, а в нём картонные и деревянные иконки и мадонна Рафаэля – репродукция из «Огонька».

– Погадайте, Машиа, – говорит Тёма.

Дети смеются. Они не верят и не умеют гадать.

– Будет у тебя в жизни всё хорошо. От судьбы не беги. И от той, с которой сейчас, – не уйдёшь. Вместе с ней будешь. В работе будет тебе удача, умрёшь в почёте. Родителей перерастёшь, знатнее их будешь, но платьем их никогда не прикрывайся. Будут у тебя и неудачи, но и они пройдут...

Подарили мы цыганкам на прощание календарики «Советской России», поцеловались и уехали восвояси. А вернулись в гостиницу – словно всё это было во сне: цыгане, гадание, репродукция из «Огонька».

В декабре восемьдесят пятого у меня родился сын Ваня. В тот день, вернее в ту ночь, когда это случилось, друг мой Тёмка, конечно же, был

рядом. Сначала мы сидели у наших приятелей Богомоловых и с интервалом в пятнадцать минут названивали в роддом на Шаболовке. А ближе к полуночи, когда дежурная просто отрубилась телефон, взяли такси и поехали в больницу. Все двери были давно закрыты, и тогда мы принялись дубасить по ним кулаками до тех пор, пока за дверью наконец послышались шаркающие шаги, зазвонела связка ключей, послышался скрежет открываемого замка и в дверном проёме появилось заспанное лицо-груша дежурной старухи. Она, конечно, имела полное моральное право послать нас куда подальше в полпервого ночи, однако, выслушав нашу единственную просьбу и заметив в Тёмкиной руке яркий «червонец», буркнула «щас». Через несколько минут она вернулась и тем же недобрым тоном бросила сквозь дверной проём: «Мальчик».

Помню, как мы сначала валялись в снегу, а потом поехали в Безбожный переулок, где жили Тёмкины родители, потому что в этот поздний час только там можно было найти бутылку Ballantines. Виски хранилось в баре Генриха Аверьяновича, но Тёма безошибочно находил все тайники с ключами, а после нескольких стаканов выпитого ловко разбавлял остаток чайной заваркой. Но в ту ночь он, по-моему, совсем осмелел и стащил у отца целую бутылку. Половину этой бутылки мы выпили посреди чугунных труб и лохмотьев пакли в машине «Мосводоканал», а вторую – в квартире актрисы Марины Яковлевой – единственной из наших знакомых, которая согласилась предоставить жилплощадь под вечеринку для счастливого молодого отца и его, не менее счастливого друга.

Через год, а может быть, даже позже Тёма рассказал мне свою самую сокровенную тайну. В детстве, когда он жил с родителями в Америке, его познакомили с девочкой по имени Вероника. Впрочем, тогда ему больше понравилась Вероника сестра Ира. И вот недавно, совершенно случайно, он вновь встретился с Вероникой. «Короче, старик, я влюбился», – сказал мне Артём. Мы сидели на балконе и смотрели на закат. «Так какие проблемы? Давай, женись! Давно пора». «Не могу, – ответил Тёма, – во-первых, она об этом ещё не знает, а во-вторых, она уже выходит замуж. Но не за меня». И тогда мы решили выкрасть Веронику из-под венца. Придумали стратегический план, в котором мне отводилась роль водителя и охранника, а Тёме, соответственно, рыцаря на белом коне, то есть на жёлтой «копейке». Однако наш план по каким-то причинам осуществить так и не удалось. Вероника вышла замуж. А Тёма начал страдать. Если он курил одну за одной свои ментоловые сигареты, ходил мрачный, запирался на целый день в квартире в Угловом переулке, значит, страдает. Это

я уже выучил. Кругом ходили табуны красивых и умных девчонок. Но ему была нужна только одна. Это я тоже понял почти сразу.

Страдания закончились мгновенно. Как-то раз он позвонил мне домой по телефону и сказал: «Приходи сегодня вечером в гости. Я хочу познакомиться тебя с Вероникой». По тому, как Вероника хотела понравиться его друзьям, мы сразу поняли о том, как она его любит. А если прибавить к этому совершенно сногшибательный стол, который организовала в этот вечер Вероника, то и она нам сразу же понравилась. Мы стали звать её Вероничка, или Никуша, или просто Ника. Сначала они жили у Никиной сестры на Арбате, потом снимали квартиру в писательском доме возле метро «Аэропорт», жили в гостинице «Украина», а вскоре переселились на улицу Чайковского и таким образом сделались нашими соседями, от дома до дома – только улицу перейти.

В период «вольного поселения» Боровички часто бывали в нашем доме возле американского посольства и почти всякий раз оставались у нас ночевать. У них был «свой» набор постельного белья, «свои» тапочки, зубные щётки и полотенца. Время от времени (обычно в день выдачи зарплаты или гонорара) мы устраивали «пир на весь мир». В такой день мы с Тёмой отправлялись на Центральный рынок, чтобы купить зелени и парной баранины. Покупать это нужно было с раннего утра, потому что мясо было особенно свежим, да порой удавалось ещё купить бараньи яйца, которые Тёма ценил особенно. После этого мы запирались на кухне и за пару часов готовили огромное блюдо бараньего жаркого, к которому полагались, конечно же, миска зелени, свежие помидоры, лобio, ткемали и хорошее грузинское вино. После пиршества мы обычно шли погулять, а ночью садились за карты или резались в «монополию». Тёма ненавидел проигрывать. И когда с ним это случалось, обижался, словно ребёнок, и уходил спать раньше других.

В один из таких вечеров мы решили поехать в Мексику. Мы с Тёмой бывали там прежде, когда писатель Юлиан Семёнов устраивал неподалёку от города Таско съезд МАДПП – Международной ассоциации детективного и политического романа. А вот девчонки там не бывали. Вот мы и решили их туда свозить. Одна проблема – где взять на поездку денег? Денег-то у нас не было.

Примерно через неделю выход был найден. Мы позвонили в Мехико нашему приятелю, бывшему тореадору, а ныне мексиканскому писателю Рафаэлю Рамиресу Эредиа и нагло сообщили, что готовы прочесть курс лекций в национальном университете Мехико на тему перестройки в советских средствах массовой информации. Ответ пришёл неожиданно быстро. Филологический факультет от имени своего декана при-

глашал нас прочесть лекции в марте и по окончании курса заплатить деньги. Мы были счастливы. Мечта идиотов сбылась.

А то, что мы полные идиоты, стало ясно уже в аэропорту города Мехико, куда мы припёрлись за девять тысяч вёрст с чемоданами, сувенирами и жёнами. Встречавший нас в аэропорту мексиканский писатель, бывший тореадор Рафаэль Рамирес Эредиа простодушно сообщил, что в Мексике *Semana Santa*, а по-нашему Пасха, все студенты и преподаватели на каникулах и лекции попросту отменяются.

Видимо, в тот момент у нас были такие кислые физиономии, что мексиканский писатель решил нас наконец пожалеть и добавил: «Однако университет оплатил вам проживание в гостинце на пять дней, а я договорился со своей приятельницей, губернатором штата Тласкала, о том, что вы напишете о ней статью в свою газету. И поживёте у неё неделю бесплатно. Напишете?» Стоит ли говорить о том, что мы с радостью согласились на всё?

Уже в гостинице, в тот час, когда на Мехико медленно опускался багровый закат, Вероничка вдруг спросила: «Мальчики, а у вас есть хотя бы план этих лекций?» Мы с Тёмой переглянулись и заржали, как молодые жеребцы. «Ну, тогда нам с этой *Semana Santa* просто здорово повезло», – сказала она.

То ли оттого, что мы были молоды и безрассудны, то ли потому, что все жизненные преграды таковыми нам просто и не казались, судьба (или провидение?) вместо того, чтобы испытывать нас на прочность, дарила нам сплошные сюрпризы. Оглядываясь на те дни и просто восхищаясь: господи, у нас всё и всегда получалось именно так, как мы хотели.

Губернаторша маленького горного штата Тласкала оказалась замечательной тёткой, хотя, скажу по секрету, мы её так ни разу и не увидели. Зато получили шикарный «кадиллак» с водителем Хорхе, два двухместных номера в красивом отеле у подножия водопада и открытый счёт в ресторане.

Днём мы осматривали руины древних пирамид и величественные дворцы индейцев майя, а вечером – на кафедральную площадь, где расположился бродячий цирк с дрессированными крокодилами, женщиной-змеей и десятками старых аттракционов. «Вот будет смеху, если мы навернёмся с этой карусели, – шутил Тёма. – Самая весёлая смерть. На карусели! Все газеты об этом напишут».

А однажды Хорхе повёл нас на петушиные бои. У него самого была небольшая ферма бойцовых петухов, которых он заказывал по сто пятьдесят долларов за штуку в Калифорнии. И ещё – деревянная коробочка со стальными шпорами, кожными ремешками, верёвками и точилом. Само собой разумеется, мы болели за Хорхиного петуха – здорового краснопёрого красавца со злыми

глазами и выщипанным задом. И наш, конечно же, выиграл. Хотя самого его спасти не удалось. Через пять минут жестокой схватки, когда по маленькой арене разлетались разноцветные перья, а на земле появились первые брызги крови, оба бойца с перерезанными глотками сидели друг против друга и медленно умирали. Победённым считался тот, кто раньше уронит голову. Петух Хорхе умер вторым. И поэтому стал чемпионом.

Поминки по красавцу устроили в ресторане нашего отеля. Вместе с Хорхе пришёл отставной тореро, который довольно быстро набрался текилы, а потом задирает рубашку и показывает шрамы от бычьих рогов.

«Хорхе, а что ты сделаешь с красавцем?» – неожиданно спросил Тёма. «Хочешь спросить, не сделаю ли я из него суп? – переспросил Хорхе и добавил: – Нет, я сделаю из него чучело и поставлю у себя дома. Видишь ли, бойцовых петухов не хоронят, а уж тем более не готовят из них похлёбку».

Весь оставшийся вечер Тёма всё больше молчал, задумчиво покуривая свои ментоловые сигаретки. Только через несколько дней он признался мне, что думал тогда про геройскую смерть красавца. И представлял собственную.

А потом был семичасовой переезд на автобусе «Серебряная звезда», переполненном индейцами, кормящими матерями, курами и «сальсой», доносившейся из магнитофона обкуренного «чикано»; двухместный номер на четверых; сеньор Карлос Норьега в окружении «племянников» – телохранителей; живые устрицы, утопающие в соке лайма; бездонная ночь Тихого океана, украшенная сотнями лампочек охотников на креветок; прокажённые на кафедральной площади Таско; могила Троцкого, на которой вместо цветов растут кактусы, и самолёт «Аэрофлота», который уносил нас из страны непрочитанных лекций.

Странное дело, но из всех наших путешествий с Тёмкой я вспоминаю не новогоднюю ночь в Тбилиси вместе с Зурабом Церетели, не кабачок с цыганами в Марбелье и даже не праздник Сан-Фермин в легендарной Памплоне.

Я вспоминаю охотников на креветок – маленькие лодочки с гирляндами лампочек на борту, словно плывёт по чёрному океану хоровод рождественских ёлок.

Мы смотрели на них вдвоём, кажется, всю ночь напролёт. Под ногами – влажный песок побережья, в руке – бутылка терпкого чилийского вина, в глазах – отражение огоньков. Иногда мы говорили о чём-то, но тут же наш разговор таял, как набежавшая на берег волна. Да и о чём говорить, когда ты молод, океанский ветер в лицо и впереди целая жизнь...

Придёт время, и мы обязательно встретимся. И мне хочется, чтобы мы встретились именно здесь. ☉

4

ГЛАВА

ОПЫТЫ ЛЮБВИ

*В которой гений общения Софико
Чиаурели находит своему сыну
«небесную ласточку» **с.112***

.....
*а мы публикуем роман о художнике,
которого заманивает в «кругосветку»
бедный богач **с.106***

Анти-медведь

В ожидании, как разрешится интрига, получит Леонардо Ди Каприо «Оскар» за мужскую роль или не получит, Ираклий Квирикадзе рассказывает свои истории про медведей

В конце февраля в городе Лос-Анджелесе объявят победителей премии «Оскар» за 2015 год. В Москве в кинотеатрах уже месяц крутят фильм «Выживший», о котором говорят, что он-то и получит львиную долю оскаровских наград. Главная интрига – получит ли свою статуэтку Леонардо Ди Каприо? Злые языки придумали шутку: «Скорее медведь получит, а не Ди Каприо». Кто видел фильм, помнит сцену, где разъярённый медведь разрывает на части героя «Выжившего», которого играет Леонардо. Он уже был многократно номинирован на «Оскара», но ни разу не получил его. Леонардо Ди Каприо – выдающийся актёр, но этого не хотят признать киноакадемики. Все они похихикивают: «Нечего было тебе, Леонардо, ради золотой безделушки лезть в пасть к голодному медведю-отшельнику».

Когда я смотрел на жуткое зрелище: Ди Каприо в когтях медведя, – мне вспомнился Краснодарский край, заросли ежевики, малины, голубики, куда я попал благодаря своему школьному другу Георгию Купарадзе. В брежневскую эпоху, будучи активным бизнесменом-подпольщиком, он организовал в Краснодарском крае совхоз для сбора диких ягод, растущих на склонах Кавказских гор. Ягоды собирали, давили в огромных медных чанах, заливали сок в бутылки, на них клеили этикетки на польском, чешском, венгерском языках и грузовиками вывозили в Москву под видом натуральных соков из братских социалистических стран.

Мой друг Корейко-Купарадзе конкурировал с другими подпольными ягодными королями.

Нужна была реклама его соков, а я умел снимать, и у меня был профессиональный киноаппарат «Болекс», и я делал рекламу для друга, пионера советского бизнеса. Часто уезжал и жил в глухих, малодоступных ущельях Северного Кавказа, где медведи гонялись за сборщиками ягод. А однажды попался сам в когти медведя, и как попался! Леонардо Ди Каприо в сравнении со мной получил от своего медведя-отшельника расслабляющий тайский массаж.

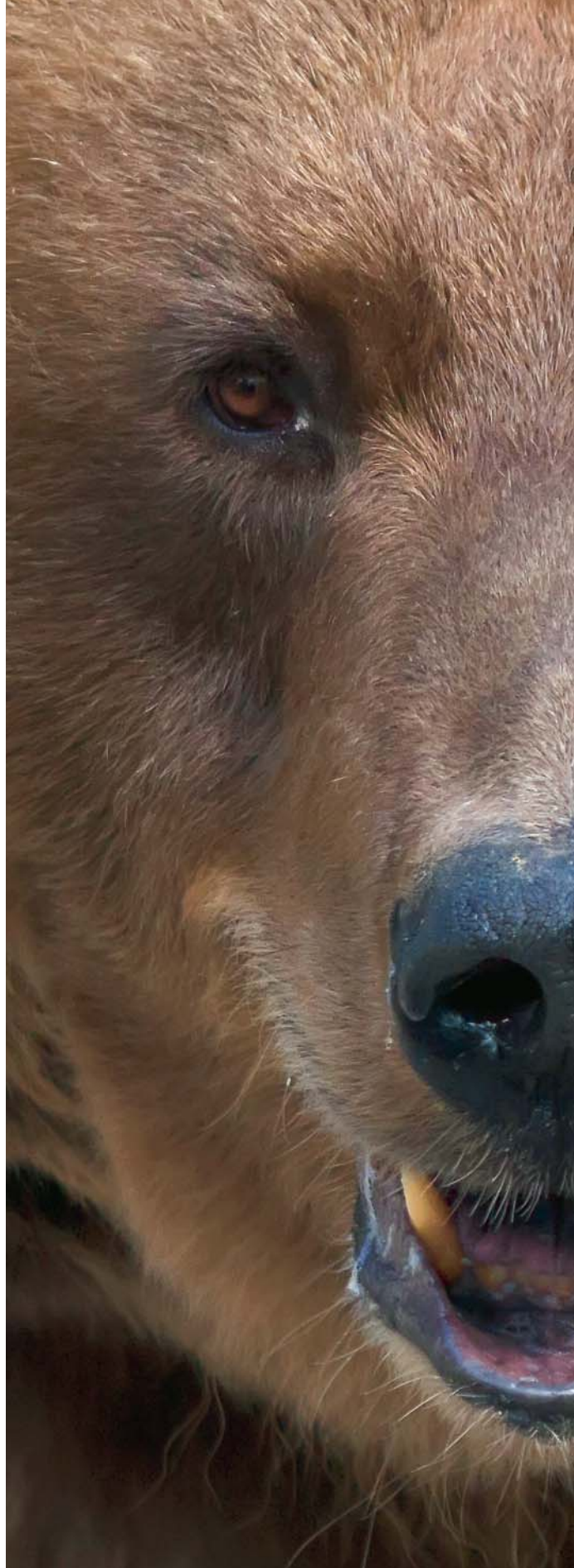
Если читатель повременит, я расскажу перед хроникой моего адского растерзания нежнейшую историю юношеской любви. К концу её мне был подарен киноаппарат «Болекс», который в моей взрослой жизни был разбит тем самым медведем в зарослях диких ягод.

Кинокамера Скорсезе

Рассказ этот, увы, не о выдающемся кинорежиссёре Мартине Скорсезе, авторе «Таксиста», «Бешеного быка», «Казино». Но мой герой тоже имел отношение к кино. Артур Скорсезе был американским коммунистом, он уехал из родной Калифорнии и прибыл в СССР, объявил о своей огромной любви к стране, строящей коммунизм, был принят Никитой Сергеевичем Хрущёвым. Фотография, где Скорсезе в дружеских объятиях Хрущёва, обошла все газеты мира. Года два-три он выступал по советскому телевидению, потом смолк, сошёл с политической арены, уехал в Батуми, зажил тихой жизнью рыболова (спиннинг, крючки, моторная лодка). Красный Артур (так он себя называл) был нашим соседом по улице Розы Люксембург, тридцать четыре. Имел жену Энди, дочь Оливию, а также узкоплёночный киноаппарат «Болекс». Артур был страстным кинолюбителем.

Я, шестнадцатилетний, курчавоволосый батумец с комсомольским значком на груди, читающий ночами не «Коммунистический манифест» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, а «Страдания юного Вертера» Гёте. Я бриолинил волосы, ненавидя свою курчавость. Предчувствуя, что вскоре нахлынет на меня графоманство, вёл дневник. Он-то и попал сегодня мне в руки благодаря просмотру фильма «Выживший» голливудского режиссёра, мексиканца по крови Алехандро Гонсалеса Иньярриту. Он и является основой моего рассказа. В дневнике тот Иракий Квирикадзе, батумский шалопай, пишет: «Я люблю Оливию. Она высокая, рыжеволосая, у неё искривлён позвоночник. Оливия ходит в жёстком гипсовом корсете».

Однажды, воспользовавшись тем, что родители уехали ловить кефаль, она зазвала меня к себе и... Мы долго слушали пластинку Луи Армстронга, он пел и вливал в наши робкие сердца храбрость. Оливия долго снимала свой гипсовый корсет, я помогал ей в этой сложной процедуре. Но тут нагрянули её родители, и мне пришлось прыгать с балко-

на второго этажа в густые заросли рододендрона. Артур Скорсезе вышел на балкон и вместо того, чтобы стрелять из браунинга в совратителя его дочери (я знаю, у него был браунинг), стал снимать на киноплёнку, как я постыдно покидал поле сражения.

Скорсезе постоянно что-то фиксировал на плёнку. То снимал шторм на Чёрном море, то жену Энди, прыгающую с вышки бассейна спортивного общества «Динамо», то дочь Оливию, которой участковый врач лечил простуженные бронхи... Зачем была снята эта сугубо медицинская сцена, не знаю, но я, приглашённый на просмотр в американское семейство, помню свой шок от вида обнажённых Оливиных грудей, изрядно больших, дышащих на белой простыне, прикрепленной к стене.

Меня вызывали в районный комитет комсомола. Инструктор Давид Георгиевич Гвахария, толстенный одноглазый мужчина, долго расспрашивал меня об американской агрессии во Вьетнаме и велел вести записи моих наблюдений за американским коммунистом Скорсезе. Я обещал комсомольскому человеку быть бдительным. Прощаясь, он спросил, знаю ли я, что фамилия главного гитлеровского боевика была Скорсезе? И имя его было то ли Мартин, то ли Артур? Но, увы, я не стал бдительным, я был по уши влюблён в Оливию с искривлённым позвоночником... Обнимая её в тёмном зале кинотеатра «Спартак», куда мы однажды забежали спрятаться от дождя, я увидел фильм «Мост Ватерлоо». Четыре сеанса подряд мы не выходили из кинозала, непрерывно смотрели на великую Вивьен Ли и великого Роберта Тейлора. Родители Оливии вновь были в отъезде, я без спроса папы Скорсезе поставил камеру «Болекс» на треножник, заглянул в глазок, определил границы кинокадра, и мы стали танцевать знаменитый вальс при свечах из «Моста Ватерлоо». Оливия с искривлённым позвоночником была Вивьен Ли, а я, чучело с набриолиненными волосами, был неотразимым Робертом Тейлором. Мы выключили кинокамеру (сообразили), когда освобождали Оливию от мешающего нам обоим корсета...

Оливии было запрещено загорать на солнечном батумском пляже. Каждый день мы пропадали в тёмном кинозале. «Золотая лихорадка», «Похитители велосипедов», «Великолепная семёрка», «Чайки умирают в гавани», «Тарзан», «Джордж из Динки-джаза» и, наконец, сразивший нас наповал фильм «Рим – открытый город» с великой Анной Маньяни.

До того как семейство Скорсезе поселилось на улице Розы Люксембург, тридцать четыре, я хотел быть полярником, зачитывался книгами об Амундсене, Нансене, Шмидте, теперь – кино, кино, кино. Артур Скорсезе сделал меня своим ассистентом. Он знал, что на сеансах в кинотеа-

тре «Спартак» мы с его прелестной дочкой не сидели, сложа руки на коленях. Несмотря на это, мне было разрешено носить треножник и аппарат «Болекс» за «американским шпионом», как звал его мой дядя Кукуша Квирикадзе.

Мы со Скорсезе снимали чемпионат СССР по классической борьбе, в финале которого борец

► Великие Вивьен Ли и Роберт Тейлор

Антонченков, зажатый стальной хваткой борца Крыжо, издал громкий неприличный звук, как теплоход в тумане. Микрофон «Болекса» зафиксировал этот звук. Просматривая плёнку, мы со Скорсезе всегда хохотали на этом кадре.

Перед какой-то юбилейной датой, а может, на фоне какого-то международного конфликта об

Артуре Скорсезе вновь вспомнили в «верхах». В Батуми приехала группа Всесоюзного телевидения, от Артура нужны были хвалебные оды в честь обретенной им коммунистической родины. Скорсезе почему-то не очень хвалил её... Приехали люди с американского телевидения. Красный Артур совершил перед соотечественниками хулиганский поступок. Во время интервью, говоря об американских духовных ценностях, он вдруг забросил микрофон за спину, приложил к штанам и издал тот самый звук, что и борец-тяжеловес Антонченков. Громкий и протяжный. Американские телевизионщики уехали недовольные, пустив слух, что в СССР Артур Скорсезе сошёл с ума.

Наступила мрачная пора. Артур перестал получать финансовую поддержку. Он искал работу и не находил её. Мой дядя Кукуша устроил его в санаторий «Светлый» в Махинджаури. Не теряя оптимизма, мы с Артуром снимали восход солнца над батумскими горами, Энди Скорсезе, сидящую в позе лотоса на батумском пляже, мою возлюбленную Оливию на первомайской демонстрации в Батуми, где она и её подруга Тамара Стороженко держат плакат «Догоним и перегоним Соединённые Штаты Америки», Оливию, поющую в кафе на базаре «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня». Я работал в этом кафе аккордеонистом-аккомпаниатором. Артур заснял момент, когда я смотрю на поющую рыжую красотку глазами, полными безумного огня. Кинокамера «Болекс» фиксировала моё меджнунство (по-персидски это значит «сошедший с ума от любви»).

Из-за Оливии мне крупно доставалось. Я дрался на танцплощадке, когда её, высокую, худую, большегрудую, приметил местный танцор диско и хулиган Энрико Сумбатов по кличке Динозавр. Четыре раза он ударил, семь раз я падал на паркетный пол танцплощадки и каждый раз вставал, пока Динозавр устало и презрительно не сказал своим дружкам: «Момацилет эс тилиани» («Уберите от меня этого вшивого»).

«В Америке плохо, здесь не сладко, куда теперь, на Тибет?» – спрашивал Артур свою жену Энди. Китайские коммунисты, словно услышав его, разгромили тибетские храмы и монастыри.

Семейство Скорсезе покинуло Батуми на теплоходе «Адмирал Нахимов». Я их провожал, обещал Оливии стать знаменитым кинорежиссёром. Она повесила мне на шею алюминиевый медальон с витком рыжих волос. Не выдержав горьких слёз нашего прощания, Артур вручил мне «Болекс». Я опешил. «Он твой, Ираклий, снимай своё кино!»

Оливию мама подняла по трапу. Всё происходящее напоминало индийский фильм. Надо было только запеть мне на пирсе Оливии на отплывающем «Нахимове», а может, стоя на носу парохода, как тот же Леонардо Ди Каприо и Кейт Уинслет.

«Болекс» стал моим другом-врагом. Все деньги уходили на покупку плёнки. Я купил два осветительных прибора, списанных на «Грузия-фильме», привёз их в Батуми. В подвале соорудил что-то похожее на лабораторию и крошечный павильон. Снял фильм, в котором выкрашенный чёрной краской мой дядя Кукуша Квирикадзе

► Знаменитый вальс из «Моста Ватерлоо»

душит свою жену Настю Дзугуту, спрашивая: «Дездемона, где носовой платок, который я подарил тебе?» Станный подбор актёров: Отелло – низкорослый, с выбитыми передними зубами венецианский генерал, Дездемона – огромная, как стог сена. Мой дядя Кукуша бредил актёрством. Это он оплатил кинопостановку «Отелло». Друзья

дяди Кукуши, которых он собрал на кинопремьеру, напившись (дядя ошибся, организовав до просмотра шашлыки и вино), хохотали, глядя на экран, падали со стульев. Кто-то сбил кинопроектор, он упал на пол. Дядя Кукуша плакал пьяными слезами. Тётя Настя схватила со стола только что зажаренного поросёнка и стала бить им неблагодарных зрителей. Друзья Кукуши вновь стали падать со стульев, на этот раз не от смеха...

Так завершилась моя первая кинопреьера. Я перестал снимать игровые фильмы. Взял свой «Болекс» в летний сад филармонии, где приехавший в Батуми Ван Клиберн играл Первый концерт Чайковского.

Я мало чего добился в жизни, не снял великий фильм, за который обещал я Оливии получить «Оскара», не снял даже какой-нибудь приметный фильм, которым мог бы похвастаться перед вами... Остались пожелтевшие от времени киноплёнки, снятые узкоплёночной камерой «Болекс», где моя любовь, рыжая Оливия, снимает с себя гипсовый корсет, где огромную Дездемону душит мелкий Отелло, где Хрущёва, уставшего плыть, подбирает катер.

Какое-то время я ездил с «Болексом» на Северный Кавказ к моему другу Георгию Купарадзе, в его ягодный совхоз «Заря коммунизма». Здесь в дневнике «чёрная дыра» – вырваны страницы. Содержание их я не помню. Начну прямо со сто четвёртой страницы, где на верхней строке заглавие:

Совхоз «Заря коммунизма»

Фантастическая история произошла с Булатом Алешковским, бригадиром сборщиков лесных ягод. В деревне Солёная совхоза «Заря коммунизма» в бригадах трудились женщины – молодые, выносливые, умеющие взбираться на крутые склоны и лезть на крутые скалы. Они уходили в глухие леса, тёмные ущелья с плетёными корзинами за спиной. Каждая сборщица приносила совхозу от трёх до пяти тонн отборной малины, брусники, голубики, ежевики... Получали женщины за это небольшие деньги, но побольше, чем в других ягодных совхозах. Думаю, мой друг Георгий Купарадзе ценил труд своих работниц. Но медведи были огромной проблемой. Они любили полакомиться ягодами, и не раз пути сборщиц и медведей пересекались в одной точке. Пересечения эти приводили к катастрофам. Женщины лишались до пальцев, то ушей, то жизни. Георгий Купарадзе нанял пятерых стрелков-чеченцев, по числу женских бригад. Но чеченцы не имели права отстреливать животных, которые были под крылом «Красной книги». Выстрелами их отпугивали, отгоняли, но вскоре медведи поняли, что закон на их стороне, и стали множить кровавые хроники. Вот строки моего давнего дневника: «Отгрызли ступню Чижиковой Евгении, через

неделю Татарниковой Алёне медведица исцарапала плечо»... Бригадир Булат Алешковский бегал с трещоткой от бригады к бригаде и не раз отпугивал затаившегося бурого страшила, подсматривавшего из-за кустов на сборщиц. Булат сорудил деревянную пику, в которую были вбиты четыре больших острых гвоздя. С этой пикой он не раз набрасывался на хищника, который мчался к сборщице, собираясь сбить её с ног и завладеть плетёной корзиной, полной наслаждения. Три лета Булат носился по склонам Северного Кавказа – пикадор-защитник. Он уговорил начальника (так все в Солёной деревне звали моего друга Георгия) приобрести коня. На коне Булат Алешковский с пикой стал походить на Дон Кихота. Какое-то время медведи затаились и притихли. Совхоз «Заря коммунизма» перевыполнял планы сбора ягод...

Первого мая, Седьмого ноября, в День Победы над фашистской Германией, в День Военно-морского флота СССР устраивались парады. Вся деревня Солёная, человек восемьдесят, выходила на единственную улицу имени маршала Будённого и маршем проходила мимо стоящего на стуле Булата Алешковского. Рядом с бригадиром стоял главный инициатор Солёных парадов, человек, который всю жизнь развлекался странными развлечениями, – Георгий Купарадзе. Глядя на сборщиц ежевики, брусники, малины, голубики, их мужей, братьев, возлюбленных, работающих на заводе, производящем соки дружественных социалистических стран, идущих с алыми флагами, он густым басом выкрикивал лозунги: да здравствуют вожди мирового пролетариата Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Владимир Ленин, Че Гевара, Фидель Кастро! Сборщицы ягод и их мужья кричали «ура!», а Купарадзе сочинял другой лозунг: «Да здравствует старший брат Владимира Ильича Ленина Александр, первым метнувший бомбу в царизм! Он взорвался, словно огненный факел, осветив темноту, в которой брёл голодный пролетариат!» Купарадзе выкрикивал лозунги, сотканые из пёстрых газетных клише.

Однажды мой друг Георгий принёс бригадире Булату Алешковскому журнал «Наука и жизнь», где говорилось, что канадцы изобрели для своих лесных работников наряд, защищающий их от нападков медведей. Журнал «Наука и жизнь» общал также, что вспышки ярости медвежьей и беспричинные нападения на людей во всём мире участились. «Медведи вышли из леса и носятся по асфальтовым джунглям... Как их остановить?» Эта статья в «Науке и жизни» совпала с нерадостным событием местного значения. Лохматый любитель ягод лакомился в кустах Ачигварского ущелья. Его потревожила Василиса Васильевна Колобкова, одна из лучших совхозных сборщиц. К её пышному телу и зелёным

JAZZ 89.1 FM

RADIO

Настоящие легенды джаза и звёзды новых течений создают на волне **89.1FM** особую изысканную атмосферу, дарят слушателям ощущение гармонии, стиля и спокойствия, причастности к мировому культурному наследию.

Мы представляем Вам уникальную возможность присоединиться к этому избранному кругу на волнах нашей радиостанции.

Radio Jazz 89.1FM

Музыка для людей с хорошим вкусом!

глазам и Георгий Купарадзе, и Булат Алешковский были равнодушны. Мне она тоже нравилась, но шансы были у них. Один в недавнем известный танцор Грузинского академического ансамбля имени Сухишвили-Рамишвили, другой – атлет, похожий на былинного витязя, если, конечно, с фамилией Алешковский можно быть былинным витязем. Их общая любовь – Василиса – шла по лесу, как Красная Шапочка, с корзиной, полной ягод, может, даже пела, как классическая Красная Шапочка в спектаклях театров юных зрителей, но встретился ей не классический книжный волк, а медведь. Увидев Василису, он зарычал, потянул лапу к корзине, та подняла корзину, защищаясь, и это была ошибка – медведь обрадовался сладостям и, вырывая корзину, откусил пышнотелой сборщице безымянный палец. Василиса закричала, эхо разнеслось по всем северокавказским ущельям. Мой друг Георгий скинул с коня бригадира Алешковского, погнался за медведем, желая догнать и расстрелять его за безымянный палец. Конь врывался в малинки. Медведи, почуяв угрозу, попрятались. Георгий вернулся, в деревне засел с Булатом за сооружение, шитьё (не знаю правильные слова) защитного наряда «Анти-медведь». Это было время, когда не существовал компьютер, Интернет, найти чертежи канадского одеяния не оказалось возможным. «Я сам, я сам», – шептал Булат, работая в сарае.

Первый экспериментальный экземпляр анти-медвежьего наряда выглядел невероятно громоздким. Была осень. Я застрял в Солёной, пытаюсь в закрытой от мира деревне написать сценарий, и по просьбе Купарадзе делал съёмки наистраннейших испытаний. Для проверки своего сооружения Булат надел наряд на себя и пошёл в лес. Как описать вид Алешковского, упрятавшего себя в «Антимедведя»? Думаю, медведи бы испугались, встретив в лесу такое чудовище. Может, в этом была идея сооружения из стальных пластин, которое с головы до ног должно было окольцовывать тело сборщицы диких ягод. В эксперименте им (ею) был Булат Алешковский. Казалось, он шёл, неся с собой сотню хулахупов. Средневековые рыцари, участники Крестовых походов, выглядели рядом с ним как кузнечики перед мельничными жерновами. Два дня ходил Булат по ущельям, желая встретить медведей, отдаться им на растерзание. Алешковский был похож на выдающихся экспериментаторов, которые пили яды, заражая себя чумой, холерой, чтобы изучить, как протекает болезнь, как организм сам себя защищает. Алешковский шёл, говоря медведям: «Вот я, ешьте меня!» Я снимал его то вблизи, то издали. Однажды он споткнулся и упал (слава богу, стальной наряд не рассыпался). Вставал он очень долго. На третий день большущий медведь, выпрыгнув с рёвом, сбил Булата с ног и яростно стал мять

стальные пластины. Я растерялся. Сражение происходило в трёх шагах от меня, хотелось влезть на лиственницу или на ель. Булат смотрел на медвежью пасть, буйствовавшую в сантиметре от его лица. Он увёртывался от клыков, которые, расширяя щели меж стальных пластин, зло тянулись к его уху, лбу, бровям... «Снимай!» – крикнул он. Я только тогда вспомнил о своих обязанностях и, подняв к глазам «Болекс», нажал кнопку... Мимо как-то необычно спокойно прошёл второй медведь, похоже медведица. Я глядел в объектив с каким-то непонятным чувством, то ли бесстрашия, то ли заторможенности, то ли честного участника рискованнейшего эксперимента. Булат Алешковский, во сто крат более заторможенно и бесстрашно, следил за действиями медведя. Хищник три раза его подбросил, Булат, как космонавт в капсуле, совершил полёт и приземлился в колючих кустах ежевики... Я, думая о правильном освещении (и конечно же, о безопасности – не скрою, я «бздел» – слово грубое, но точное), встал с другой стороны куста. Когда клыки медведя дотянулись до плеча Булата, он закричал и ударил железной рукой по медвежьей пасти. Тот отскочил, постоял, словно раздумывая, доводить битву до победного конца или бог с ним, с этим существом-хулахупом. К моей радости, хищник повернулся и углубился в чащу.

Я тащил к деревне Алешковского, обессиленного и теряющего кровь. Мой друг Георгий Купарадзе повёз его в Пятигорск, где через три дня тот выписался из больницы, вернулся в «Зарю коммунизма» и стал сооружать «Антимедведь-2». Булат оказался одержимым изобретателем.

Кончился сезон сбора ягод. Сценарий, над которым я мучился всё лето, «Слёзы розовощёкого Дон Жуана» никак не хотел завершаться. Георгий Купарадзе уехал по бизнес-делам в Москву (Ленинград, Киев, Таллин) – проталкивать свои соки и воды, с ним уехала Василиса Колобкова. Булат, огорчённый отъездом Василисы, тратил деньги, оставленные моим другом, экономно и честно на развитие проекта «Антимедведь-2». И вот наступил день, когда я вышел с кинокамерой «Болекс» следовать за Алешковским, облачённым в анти-медвежий наряд, вновь на битву с медведем!

Предполагалось, что медведь осенью будет голодным и более злым. Булат велел и мне надевать вариант защитного наряда. Шаровары из плотной стальной сетки, натянутой на те же самые кольца хулахупа. Голова спрятана в шар из плотной пластмассы. Есть такой экстравагантный модельер Бартенев (думаю, правильно называю его фамилию), он оценил бы футуристичность наших нарядов, в которых мы прошли по деревенской улице и углубились в лес... Как-то очень скоро раздался хруст, потом рёв. Словно медведь знал о причине нашего появления в ущелье, знал,

что надо нападать не на меня – фиксатора события, а на изобретателя «Антимедведя-2». Грузный, явно голодный, он набросился на булатовский, сверкающий серебром наряд. Я снимал. Медведь не смог повалить изобретателя. Тогда он поднялся на задние лапы и рухнул на смельчака. Стал яростно рвать его металлическую кольчугу. Вначале у гиганта это не очень получалось. Булат даже повернул голову ко мне в своём пластмассовом шаре и улыбнулся с чувством детского удовлетворения: «Не по зубам Топтыгину». Но после четвёртого наскока кольчуга разодралась, где-то рассыпались кольца. Медведь ринулся на незащищённые места, Булат сунул в медвежью пасть свою металлическую руку, но она хрустнула...

В пластмассовом шаре глаза изобретателя просили о помощи. Что мне было делать? Не соображая, весь отданный инстинкту выживания, я побежал... Медведь повернул голову на движущийся странный предмет (на меня, пластмассоолового). И, потеряв интерес к первому странному предмету, погнался за мной. Догнав в три гигантских прыжка, свалил – и тут вспомните эпизод из фильма «Выживший» Алехандро Гонсалеса Иньярриту, что медведь делает с Леонардо Ди Каприо. И, представляя то же самое адское действие, подумайте: Леонардо Ди Каприо дёргался под компьютерным медведем. Я же, автор этих строк, отбивался от полутонны железных мышц реального медведя, удары которого так сильны, что их не выдержал бы и Майк Тайсон. Меня спасала эта непробиваемая стальная кольчуга, сотканная выдающимся изобретателем Булатом Алешковским, бригадиром сборщиц ягод совхоза «Заря коммунизма», организованного моим другом, подпольным миллионером Георгием Купарадзе. Медведь меня терзал, но вот что-то случилось с ним, я не сразу понял, моё тело, голова, упакованная в пластмассовый шар, были задвинуты в густой ельник. Я видел только свою камеру «Болекс», которую бросил во время побега, она поднималась и падала на голову хищника, нависшего надо мной. Камеру держал Булат Алешковский, но не снимал, а бил «Болексом» медведя. Булат спасал меня. Бил, бил, бил! Медведь в какой-то момент вырвал «Болекс» из рук моего спасителя и – о боже! – стал грызть, жевать железный предмет. Потом, устав от всех нас, трёх железных предметов – «Болекс», Булат, Ираклий, – повернулся и ушёл в лес. Перед тем как исчезнуть, он оглянулся, посмотрел, словно сказал что-то вроде: «Из-за этого идиотского «Антимедведя-2» вы и затеяли весь этот кипеш?» Сказал и пошёл, скрылся в чаще. Может, он сказал и то, что я не услышал: «Зачем делаете эти фальшивые соки? Выдаёте их за продукцию социалистических стран – Болгарии, Венгрии, Польши? Оставьте в покое наши кусты малины-ежевика!» Не знаю,

сказал ли он это. Думаю, что да! Я был разбит. Мой киноаппарат «Болекс» был разбит. Им я больше никогда ничего не снимал.

Мой друг Георгий Купарадзе забросил соки, занялся другими бизнесами, уехал в Америку. Совхоз «Заря коммунизма» перестал существовать. «Антимедведь-3» так и не состоялся, как уверял меня Булат Алешковский, жаждущий сотворить что-нибудь хорошее и нужное для человечества! Он женился на Василисе Колобковой, вернувшейся после годового турне любви с моим другом.

... Однажды ночью раздался звонок: «Здравствуй, Ираклий, я Оливия Скорсезе... Твой телефон дал мне один грузин, танцор Джордж Купарадзе. У него бизнес с моим мужем... А я в Москве! Увидимся?» Я полетел в Москву. Мы условились встретиться у памятника Пушкину на Тверской. Я знал, что она будет с мужем. Но то, что я увидел, заставило меня вздрогнуть. Я стоял за памятником Александру Сергеевичу и вглядывался в двухсоткилограммовую женщину в белом сарафане и соломенной шляпе с белой огромной розой на полях. Рядом стоял двухсотпятидесятикилограммовый муж-бизнесмен и трое их же объёмов юношей... Все пятеро смотрели на Пушкина, что-то говорили, громко хохоча. Я поступил ужасно – постоял минуту, разглядывая полуторатонное семейство, и смешался с толпой. Я не раз думал, а может, это была не Оливия? Если это была Оливия, может, она хотела увидеть меня, познакомиться с весёлым мужем и весёлыми мальчишками? Но я, совершив один из худших в моей жизни поступков, бежал от чудесных пантагрюэлей. Может, поэтому в Госкино СССР не приняли мой сценарий? Судьба наказала. Но три года спустя на конкурсе во Франции «Слёзы розовощёкого Дон Жуана» получили Гран-при. Написан сценарий был в совхозе «Заря коммунизма», в окружении медведей, которые загрызли кинокамеру «Болекс», которую подарил мне «американский шпион» Артур Скорсезе, чью дочь Оливию я любил и с которой поступил так некрасиво, так по-свински... Медведи и то были честнее... Сегодня, в феврале 2016 года, хочу сказать спасибо Алехандро Гонсалесу Иньярриту, фильм которого «Выживший» напомнил мне всю эту полузабытую историю... Я готов в шкуре медведя (может, это «Антимедведь-7»?) выйти на сцену зала Кодак и вручить Леонардо Ди Каприо «Оскар» (шутка). ☉

В издательстве АСТ, в Редакции Елены Шубиной, выходит книга Ираклия Квирикадзе «Мальчик, идущий за дикой уткой». В ней он рассказывает о жизни и о кино: старом Тбилиси и Москве, Сергее Параджанове и Федерико Феллини, Никите Михалкове и Пьере Ришаре... Журнал STORY открывает подписку для всех желающих на эту замечательную книгу.

Подробности на сайте: story.ru, в разделе «Магазин».

АЗАРТ

Роман с продолжением – традиция, увы, подзабытая. А зря. Мы отвыкли от длинных историй, а жизнь, при удачном стечении обстоятельств, повествование длинное. Итак, предлагаем вам, дорогие читатели, роман Максима Кантора, который он пишет из номера в номер специально для STORY

Глава первая

ПРИГЛАШЕНИЕ

Когда я получил приглашение на яхту Августа Диркса, то не удивился.

В тот год было много экстравагантных приглашений. Художники поверженной советской империи входили в моду на Западе – богачи звали молодые таланты в свободный мир на выставки, во дворцы и на яхты.

Я был молод, мира за пределами Московской кольцевой дороги не знал, но мои картины стали выставлять в Европе. Приглашения посыпались внезапно: вот позвали на выставку в Гамбург; вот парижская графиня мечтает познакомиться; вот Венецианская биеннале приглашает. В общем ряду приглашение на яхту в Амстердамском порту не выглядело странным.

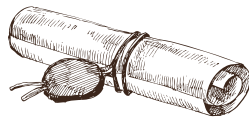
Условия тоже не напугали. Владелец корабля предлагал следующее: я живу в предоставленной мне каюте в течение шести недель, пишу картины на своё усмотрение, три картины оставляю голландцу в качестве платы за гостеприимство. Всё, что нарисую сверх того, является моей собственностью – могу посылать в музеи или продавать на рынке.

Письмо-приглашение отпечатано на квадратном кусочке картона красного цвета. Моё имя было вписано от руки, это указывало на то, что приглашён не только я – или приглашают художников на яхту регулярно. Почему картон красный? Видимо, владелец яхты таким образом маркировал приглашения художникам из освобождённой, некогда коммунистической России. Возможно, приглашения китайским мастерам он посылает на картоне жёлтого цвета. А в Африку какие? Он же наверняка мыслит глобально и собирает у себя весь интернационал.

Как будет организована мастерская на яхте, мне было безразлично: уж если у богача имеется яхта с лишней каютой, то как-нибудь и мольберт с красками он сумеет приобрести. Голландские краски, знаменитая фирма «Рембрандт» – кто из нас не мечтал о таком тюбике? Живопись на корабле – отчего бы нет? Клод Моне, например, писал свои водные феерии прямо с лодки, даже есть у него такой автопортрет: плывёт по реке парусник, а на борту Клод Моне в панаме рисует.

В каких водах будет находиться судно, сказано не было, но, зная из журнальных публикаций о причудах богачей, я вообразил себе южные моря. Яхта приписана к Амстердамскому порту, пришвартована в Голландии, оттуда, вероятно, пойдёт через Северное море до Рейна, спустится к Дунаю... Далее знание географии не пускало. Но точно, в Средиземное море выйдем, а там к Эгейскому, Ионическому... Да и Карибское не за горами. Яхта будет дрейфовать меж коралловых рифов, матросы будут нырять за жемчугом, кок сварит черепаховый суп. Шесть недель плавания, шутка ли!

Жена обрадовалась: впереди был полноценный семейный отдых, морской вояж. Жили мы тесно, в одной квартире с родителями жены; наша семейная жизнь не клеилась, я чаще ноче-

вал в мастерской, нежели дома, – отговаривался работой. Морской вояж решил проблемы. Мы ехали семьёй, с семилетним сыном, этакая дружная поездка в буржуазный круиз.

– Как вы проводите лето? Снимаете дачу в Кратове?

– В этом году, знаете ли, мы едем на яхте приятелей в круиз. Средиземноморье... Может быть, выйдем в Тихий океан... Как сложится.

Мы подумали, что надо бы раздобыть тельняшки: находиться полтора месяца на корабле, среди матросов, в costume городского обывателя – нелепо. Матросы будут трудиться, лазить по реям (или как это у них называется?), отдавать швартовые, драить палубу – а мы в это время станем прогуливаться вдоль бортов, разряженные и праздные? Нет, я хочу освоить морской труд. Я обратился к своему дяде, капитану первого ранга в отставке, – в годы войны крейсер дяди Вити сопровождал полярные конвои из Англии в Мурманск. Однажды крейсер был взорван германской торпедой, дядя Витя тонул, выплыл, получил орден. Мой план поработать матросом дяде Вите понравился. Он снабдил меня старой тельняшкой и посоветовал идти в северном направлении.

– Идите в Норвегию, – посоветовал дядя Витя. – Вот где красота. Лофотенские острова, айсберги, лёд. Пойдёте мимо Фарер...

– Дядя Витя, – сказал я, – маршрут намечен, мы идём на юг.

– Жаль, – сказал советский моряк и раскурил «Беломор».

Я ненавидел пачку папирос с картой Беломорканала на крышке: путь в Белое море, прорытый заключёнными, меня не манил. В те годы многие старики курили «Беломор», и образ Сталина витал над державой.

– Мы пойдём в южные моря, – повторил я.

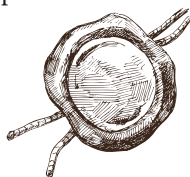
Я стал читать популярную литературу по географии южных морей и Атлантики. Узнал, в частности, что акулы в акватории Реюньона нападают даже на мелководье. Решил, что отговору Августа Диркса ходить к французскому острову Реюньон, если он, конечно, собирался туда. Впрочем, что загадывать! Когда решаешься на такое приключение, надо отдаться на волю случая.

Мы вылетели в Амстердам 6 августа, взяв с собой три чемодана: в плавании ребёнку может понадобиться масса разных вещей; книжки и учебники тоже нужны; а лекарства? Сапоги-бахилы – чтобы ходить по палубе, когда яхту заливают высокая волна; тёплые свитера и куртки – если холодный ветер; плащи с капюшоном – на случай штормов.

С этим неподъёмным скарбом мы приземлились в Схипхоле, оттуда автобус нас подвёз к центральному вокзалу; далее следовало идти пешком – так гласила инструкция. Разумеется, до выхода я позвонил по указанному на красной картонке телефону. Женский голос ответил мне по-русски, и наличие русской секретарши обрадовало. Мой английский был плоховат, жена кое-как говорила по-немецки, мы могли остаться непонятыми, но заботливый миллионер, приглашая русского художника, нанял русскую секретаршу – сколь предусмотрительно!

Мягкий голос объяснил маршрут; дама рекомендовала сразу же по приезде направиться в их бюро (оно расположено недалеко от вокзала), а уже оттуда нас проводят на корабль. Я предупредил, что еду с семьёй. Помнится, дама слегка удивилась, но никак не возразила. Конечно, думал я, ребёнок на яхте не вполне уместен. Морская работа на палубе, вечерами коктейли, шампанское, лёгкий флирт; детских развлечений не предусмотрено. Но мы хотели показать сыну большой мир – да и вообще, куда деть мальчишку на полтора месяца? Секретарь удивилась присутствию ребёнка на яхте, но ведь не отказала – и вот мы приехали втрём и с тремя чемоданами влеклись по кривым набережным от вокзала к дому под номером 13 по набережной Принцграхт. То был узкий, как все амстердамские дома, особняк: всего по одному окну на этаж. Лестницы не просто крутые, но практически отвесные; помню, жена сказала, что морское путешествие началось уже здесь – мы карабкались по ступеням, как матросы по вантам; я доволок чемоданы на четвёртый этаж.

Дверь открыла молодая женщина, даже скорее подросток. Впоследствии я узнал, что Саше (её звали Саша) тридцать лет, но выглядела она лет на пятнадцать: маленькая, щуплая, с прямыми русыми волосами. Взгляд был приветливый и какой-то шальной. Лучшего прилагатель-

ного, пожалуй, не подберу. Взгляд был именно не шаловливый и не игривый, а шальной – как ниоткуда налетевший ветер, как матросская пьянка на амстердамской верфи. Саша назвала своё имя и посмотрела прозрачными шальными глазами поверх наших голов в окно – с четвёртого этажа открывался вид на канал, а канал этот устремлялся в направлении моря.

Мы прошли в комнату – исключительно бедную комнату. Жили мы в Москве небогато и тесно, но эти амстердамские апартаменты были беднее наших. Два расшатанных стула, грубый стол, ящик, заменявший сундук, и буфет, в котором стояло несколько чашек и четыре тарелки; я пересчитал все предметы в буфете, впрочем, считал недолго: не было практически ничего. Стол сколочен из неструганых досок, но отполирован временем и руками едоков – помните картину «Едоки картофеля»? Вот именно такой стол там и стоял. Я вспомнил интерьеры Ван Гога, ещё до арльского периода, картины, описывающие голландскую нищету.

– Садитесь, пожалуйста, – хозяйка указала нам на стулья, а сама села на ящик (как впоследствии оказалось, с корабельными инструментами. Там имелся даже старый секстант). – Может быть, кофе?

И она обратила шальной взгляд к буфету, в котором не было ничего съестного, и кофе не было тоже. Мы отказались от кофе.

– Сейчас придут девочки и сварят картошку, – сказала Саша.

– Девочки?

– У меня две дочки от первого брака: Алина и Полина.

Вероятно, в этот момент я понял, что перед нами не секретарша миллионера, а его жена.

– С Августом мы поженились два года назад, когда он приезжал в Питер. Это было ещё до того, как он купил корабль.

Я не знал, что сказать. Всё это выглядело дико, никак не складывалось в общую картину: приглашение рисовать на борту яхты, нищая комната на четвёртом этаже, четыре тарелки в буфете, щуплая девочка-подросток и её муж, который купил корабль.

– Корабль?

– Вы ведь рисовать на корабле приехали, да?

– Рисовать.

– Вот и отлично. Август считает, что он сумеет выгодно продать картины.

– Ещё меня позвали на Венецианскую биеннале, – сказал я, чтобы обозначить своё значение, – и в Париж пригласили.

– Мечтаю съездить в Париж, – сказала Саша. – А в Венеции, говорят, жара. Здесь погода скверная. Девочки всё время простужены.

Я стеснялся спросить, существует ли корабль. Саша сама разъяснила ситуацию – её отличительной чертой была способность говорить о щекотливых вопросах крайне просто, называя вещи своими именами.

– Август получил наследство. Мы очень бедно жили. Двухкомнатная квартира – спальня да столовая, девочек негде положить. Август ведь ничего не зарабатывал, а ещё нас троих взял. Голодно жили. Девочки с нами в одной комнате спят. А потом вдруг наследство.

Теперь-то я всё понял. Вот оно, преимущество жизни в свободном мире: ты живёшь бедно, но честно, потом умирает троюродная бабушка и оставляет тебе капитал.

– Бабушка умерла, кучу денег оставила, – подтвердила мою догадку Саша, – я думала: наконец заживём как люди. Такие деньжищи. А он корабль купил.

– Много оставила? – спросил я. Неудобный вопрос, конечно. Но я спросил: уж очень мало чашек было в буфете.

– Шестьдесят тысяч гульденов.

Я мало что смыслил в кораблестроении и ценах на яхты. Спустя годы познакомился с партнёром миллиардера Онассиса, который владел небольшой флотилией по перевозке нефтепродуктов, а также содержал три океанские яхты. Этот флотоводец мне объяснил, что в среднем каждый метр яхты обходится в миллион. Тогда я этих цифр не знал, да и сейчас не уверен, что эти цифры реальные. Но и тогда я понимал, что корабль штука дорогая.

– Разве можно на шестьдесят тысяч гульденов купить корабль?

– Можно, – сказала Саша.

– Настоящий корабль? – решил я уточнить. – Стоит в порту?

Она махнула рукой в сторону окна, выходящего на канал и в порт.

– Там, в порту, и стоит. Август теперь живёт на корабле. Он приедет и всё расскажет.

Мы все подошли к окну и посмотрели на город с узкими домами и острыми крышами. Вдоль канала тянулась узкая набережная, уходила в мутную, дождливую перспективу, так хорошо переданную «малыми голландцами». И вот издалека, через пелену дождя, Саша разглядела в глубине пейзажа велосипедиста. Она выделила эту фигурку среди прочих велосипедистов и заставила нас отыскать эту фигурку взглядом.

– Вот он!

Так я впервые увидел Августа Диркса – далёкую фигурку на вихляющем велосипеде. Август ехал под дождём, согнувшись к рулю, а на голове у него – это мы разглядели, когда он подъехал ближе, – была бескозырка, настоящая матросская бескозырка, как в кино про храбрых моряков, и белые ленточки развевались у него за спиной.

Глава вторая АВГУСТ

Он был длинный и узкий, как дома в Амстердаме. Ещё он напоминал древко знамени – такой был тощий, а на самом верху, на конце древка, развевались ленточки бескозырки. Лицо его я помню только в профиль, кажется, фасада там вовсе не было: огромный костлявый нос, тонкие губы и гигантский упрямый подбородок. Глаза были посажены глубоко, очень глубоко; выпирали острые скулы и надбровные дуги, а густые рыжие брови мешали Августу смотреть на мир – глаза смотрели словно из пещеры в скале, вход в которую зарос кустами.

Он был очень белокожим, до голубизны, до прозрачности, – и усыпан веснушками. Вошёл с велосипедом на плече – втащил кривой, старый и ржавый велосипед на четвёртый этаж и повесил на крюк в стене.

– Воруют велосипеды, – это было первое, что Август сказал, а потом он добавил: – Здравствуйте, добро пожаловать! Хорошо, что ты приехал. Работы много. И славно, что с юнгой. Будешь юнгой? – Это он уже моего сына так спросил.

Велосипед Августа меня потряс. У этого велосипеда было кривым всё: рама, руль, колёса. Колёса были искривлены так, что непонятно было, как они могут вращаться. Казалось, что этот велосипед попал под поезд. Невозможно было представить, что кто-то захочет такую машину украсть.

– Воруют? – спросил я.

– Ещё как, – весело подтвердил он. – Если оставить без присмотра, за пять минут стащат.

Я не мог отвести глаз от велосипеда. Знакомы ли вы с игрой «буриме»? Это коллективный экспромт: пускают по кругу лист бумаги, и каждый пишет по одной строке стихотворения, причём складывает бумагу так, чтобы следующий поэт его строку не видел. Так вот, у Августа было велосипедное буриме. Рама была розовой и изящной – от дамского велосипеда; руль – от гоночного; колёса – разного размера: одно – от огромного дорожного велосипеда с широкими шинами, другое – от спортивного, с шинами узкими. Седло, вероятно, было антикварным – таких я сроду не встречал: из цельного куска стали; для придания сиденью мягкости Август обмотал железку изолентой. И вся эта конструкция была ржавой и погнутой в разные стороны.

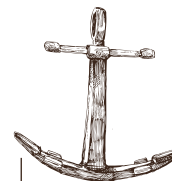
Август понял моё недоумение и пояснил:

– Хороший велосипед. Просто с виду кривой.

– Да, – сказал я. – Странный велосипед.

– Ничего удивительного: я собрал свой велосипед из разных деталей. Где-то найдёшь колесо, где-то раму.

– Тут все так делают, – сказала Саша. – Собирают своё из чужих деталей. Поэтому оставлять велосипед на улице опасно. Снимут колёса. Или седло.

– велосипед надёжный, – сказал Август. – И быстрый, если надо.

Говорили мы по-русски. Акцент у Августа имелся, но говорил он чисто: падежи ставил правильно и женский род с мужским не путал.

– Я к чужим языкам способный, – пояснил он, – люблю разных людей, и с каждым – на его языке. Четырнадцать языков знаю.

– Четырнадцать? – Моя жена ахнула; она немецкий учила всю жизнь, правда нерегулярно.

– Или пятнадцать, я уж не помню. В колледже иезуитов выучил.

– В колледже иезуитов? – уже я ахнул. Костлявый рыжий верзила в бескозырке, обладатель велосипеда, собранного из ворованных деталей, и корабля, наличие которого казалось всё менее вероятным, окончил колледж иезуитов? Знает пятнадцать языков?

– Хотел стать епископом, – пояснил Август, – а может, и кардиналом. Люблю Священное писание. Думал читать проповеди. Потом передумал. Решил жениться. В жизни надо всё попробовать. Теперь стал капитаном.

– А мы – капитанские дочери, – в дверях появились две девочки, ровесницы моего сына, сёстры-близнецы Алина и Полина. Обе с шальными глазами, как у матери. – Мы картошки принесли.

Своего семилетнего сына мы за картошкой не посылали; впрочем, возможно, двойняшкам было восемь или девять – всё равно рановато для прогулок по хулиганскому Амстердаму без присмотра.

– Сварите-ка нам картошки, сестрички, – скомандовал Август, а сестрички откозыряли и крикнули звонко:

– Так точно, капитан Август!

Потом ели варёную картошку. Сидели за грубым столом (трое детей на ящике, двое взрослых на стульях, а ещё двое на корточках) и ели картошку. Это было настолько откровенной цитатой из Ван Гога, что даже неловко пересказывать. Пока длилась картофельная трапеза, Август рассказывал про корабль.

– Что можно сделать с шестьюдесятью тысячами? Только кажется, что большие деньги, а что с ними делать? Два раза пообедал в ресторане всей семьёй – вот уже тысячи и нет. Два месяца обедать, и ничего не останется.

– Квартиру можно купить, – сказал я наугад.

– Однокомнатную на окраине. Окнами на помойку. У меня уже есть две комнаты.

– Так ведь можно обмен потом сделать, – я включил воображение ущемлённого в метрах москвича. Мы все в те годы мечтали что-нибудь такое провернуть. Взять бабушкину однокомнатную в Жулебине, дедушкину комнату в Орехово-Борисове, добавить свою двушку, всё сложить – и вот вам особняк на Остоженке. Не у всех получилось.

– Жизнь очень короткая, – заметил Август. – На обмен может уйти её лучшая часть. У меня друг десять лет квартиру обменивал. А потом напился и утонул. Так нельзя. Я хочу, чтобы результат был сразу. Решил: куплю корабль.

– За шестьдесят тысяч? Дешевле квартиры?

– Это списанный корабль, – объяснил Август. – Уже не на плаву. От него отказалось пароходство. Где-то пробоина есть, обшивка разошлась, плохо заварили. Надо новые швы класть.

– Но корабль на воде держится? – понуро спросил я. Всё-таки мне предстояло на этом корабле шесть недель плыть.

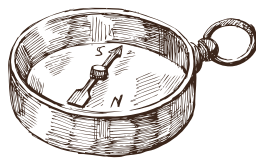
– Ещё как держится. Пробоина выше ватерлинии. Если волны нет, так корабль хоть в Америку дойдёт. Когда шов заделаем, в кругосветку пойдём.

– А сейчас по рекам? – До Реюньона не дойдём, это понятно.

– Сейчас в порту стоим. Чинимся.

– Обшивку завариваете? – спросил я значительно, входя во вкус морского жаргона. Всё-таки у меня имелась тельняшка.

– Главное – починить машину. Механика ищущая – и чтобы недорого брал. У меня все деньги на корабль ушли. Надо машину запустить. Кое-какие детали придётся купить, конечно. Но нач-

нём с того, что ржавчину удалим, зубчатые колеса можно самим сделать. А палубу положить, матчы поставить – так это за неделю управимся.

– Как это – палубу положить? – Жена моя была женщиной терпеливой, выросла в небогатой семье, но согласится: палуба на корабле – это минимальное, что можно потребовать от круиза.

– Стнила палуба. То есть не везде. Кое-где доски остались. Ходить можно, – успокоил нас Август, – но под ноги смотреть надо. Дыр много.

– Не потонем? – спросила жена.

– Так мы же к верфи пришвартованы. Пока канаты не перерубим, от верфи никуда не денемся.

– Когда корабль списали? – спросил я.

– Семьдесят лет назад.

– В семнадцатом году? Ровесник революции? – Шутка не удалась; никто не засмеялся.

– Корабль принимал участие в боях Первой мировой, – сказал Август; видимо, ему часто приходилось рассказывать о приобретении, и он устал повторять. – После войны корабль списали. Пробоина. Машина сломана. Корабль не плавает. Но это же дом! Понимаешь? Корабль – это большой дом. Гораздо больше, чем однокомнатная квартира.

Саша сказала:

– Август всю жизнь мечтал построить дом для всех своих друзей. Набьёмся, как кильки в банку, – будет тепло.

– Вместе легче, – сказал Август.

– Когда мы познакомились, он ходил по питерским коммунальным квартирам и убеждал людей не разъезжаться, – сообщила Саша. – Ты же знаешь, каждый мечтает из коммуналки уехать. Отдельную конуру люди ищут. А мой Август коммунальщикам доказывал: вы одна семья... Его чуть не линчевали.

– Корабль даже лучше, чем дом, – сказал Август. – Можно идти по рекам и собирать всех, кому плохо живётся.

– Зачем? – спросила жена. На круиз совсем не было похоже. Какой это круиз – бомжей собирать?

– Как зачем? Рабочие на корабле нужны, – сказал Август моей жене. – Корабль без рабочих не починешь. Кто палубу стелить будет?

– Август коммуны хочет: чтобы все работали, а он денег не платил, – Саша засмеялась.

– Коммуна – это государство в миниатюре, только без полиции и налогов, – сказал Август. – Вот, допустим, ты – художник, а я – капитан... Саша – повар. А ты, – это он моей жене сообщил, – будешь бельё стирать.

– Спасибо, – сказала моя жена, – нашли мне занятие.

– Пожалуйста, если не нравится, то я буду стирать бельё, а ты будешь капитаном, – сказал Август примирительно. – Важно найти механика, чтобы машину починил. Сварщиков позовём. Плотников. Пару моряков тоже надо. У нас в порту полно безработных моряков. Всякий что-нибудь умеет. Даём человеку крышу и еду – а он работает. Вот механика найдём, и механик машину починит.

– А можно починить? – спросила жена. – Железо, наверное, проржавело.

– Сто лет назад отличные машины строили. Может быть, какую деталь и заменим... Покупать придётся... Художники и музыканты нужны – чтобы зарабатывать деньги. Будем давать концерты и картинами торговать.

Наконец я понял свою роль. Август собирал очередной велосипед, только на этот раз очень большой велосипед. Август приглашал людей и свинчивал цельное общество из разных характеров. Мне отводилась роль левой педали или велосипедного звонка.

– Пошли в порт, – сказал Август, – посмотрим на корабль. И чемоданы захватим, там для вас каюта приготовлена.

– Каюта? – спросила моя жена. Интонацию вопроса передать затрудняюсь.

– Отличная каюта, вам понравится. ☺

Продолжение романа читайте в следующем номере.

Софико ты моя, Софико...

О таких, как Софико Чиаурели, говорят – родилась с золотой ложкой во рту. Мама – легендарная Верико Анджапаридзе, внесённая британской энциклопедией «Кто есть кто?» в десятку самых выдающихся актрис XX века. Отец – режиссёр, писатель, художник Михаил Чиаурели, снискавший признание не только народа, но и народного вождя Сталина...

МАРИЯ СПЕРАНСКАЯ

В принципе, Софико могла бы вообще никогда не работать, мизинцем не пошевелить и жить припеваючи. Но она была сделана из другого теста. Не умела лишь потреблять – ей хотелось делиться. Делиться со всем миром своим талантом, своей энергией, своим умением любить...

– Я ведь когда-то была её невесткой. И о том времени у меня самые тёплые воспоминания, – рассказывает актриса Ия Нинидзе. – Считается, что свекровь чуть ли не ведьма какая-то, вечно недовольная всем, что делает жена её сына. В моём случае всё было с точностью до наоборот. Поэтому первая ассоциация, которая рождается у меня, когда слышу её имя, – родной человек. И уже затем – гениальная актриса.

❖ **Вы ведь и познакомились как раз на кино-свёмках – большая актриса и маленькая?**

– Да, это было в «Не горюй!» – моём первом фильме. Я там играла дочку вечно беременной героини Софико. Помню, как с восторгом на неё смотрела. Постоянно искала её глазами! Она просто притягивала взгляд, что бы ни делала. Мне было всего семь лет, и я тогда ещё не знала, как обаятелен бывает талант. Просто как ребёнку мне нравилось, что она была очень открытая, весёлая. Часто смешила нас с мальчиком, который играл её сына. Перед камерой она импровизировала и всё время мальчика этого лупила – то тычок даст, то подзатыльник – понарошку, конечно, не больно. И тогда режиссёр Георгий Данелия (он, кстати, её двоюродный брат) даже придумал ему реплику: «А что, кроме меня, в этом доме больше

никого нет?!» Мне того мальчика ужасно жалко было, поэтому эти моменты запомнились навсегда. Настолько, что спустя десять лет, уже став её невесткой, я спросила: «Софико, за что ты так была?» И она пошутила: «Он такой страшненький был! А это же комедия!» Чувствовала материал, за что все режиссёры её обожали.

❖ **При этом известно, что её мама – Верико – долго не признавала в ней актрису...**

– Да, это правда. Знаю, что Софа сначала-то актрисой быть и не собиралась. В детстве мечтала стать танцовщицей, а повзрослев, заинтересовалась профессией врача. Но она рано вышла замуж за Георгия Шенгелаю, а он решил поступать на режиссуру во ВГИК. Чтобы быть рядом, Софа поехала вместе с ним, ну и завернула на актёрский факультет. Раз – и поступила! Известная фамилия наверняка сыграла не последнюю роль, но то, что она одарена, скоро всем стало очевидно.

Ещё студентами Софико с мужем снялись в картине Резо Чхеидзе «Наш двор». Фильм получил золотую медаль на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Там его посмотрел Радж Капур – индийский актёр и режиссёр мирового уровня, которого в СССР обожали. Вскоре в Минкультуры Грузии пришло письмо от Капура: он был в восторге от Софико Чиаурели, писал о её редком таланте. К тому времени Софико уже поступила в труппу Театра имени Марджанишвили и считалась очень перспективной на «Грузия-фильме». Руководство киностудии, ознакомившись с высокой оценкой звезды, тарифициро-

ФОТО: ЛИЧНЫЙ АРХИВ Ю. МЕЧИТОВА

вало Софику по высшей категории. За съёмочный день ей теперь полагалось 500 рублей, в то время как её знаменитейшая мама получала лишь 350. Верико по этому поводу иронизировала: «В нашем доме есть две актрисы: одна богатая, а другая бедная!»

– Отец дочь всегда восхищался, поддерживал её, помогал, как сегодня бы сказали, раскрутиться в кино. Верико была куда более сдержанна, хвалить не хвалила, зато часто критиковала. Так повелось ещё с детства: стоило Софику нарядиться в мамины платья-шляпки и начать изображать перед зеркалом отрывки из её ролей, как Верико саркастически сокрушалась: «Какая бездарная у меня дочь! За что мне это?! Правду говорят – на детях гениев природа отдыхает!» Софику сама об этом мне рассказывала. И только под конец жизни, во время одного из их домашних застолий, на котором в тот раз присутствовали Майя Плисецкая, Аркадий Райкин и кто-то ещё из московского бомонда, Верико произнесла тост: «Никогда этого не говорила, а сейчас скажу. Давайте выпьем за мою дочь, которая ещё большая актриса, чем я!» Это было откровением... Вместо того чтобы радоваться, Софа испугалась. Ей показалось, что мама, которой уже было хорошо за восемьдесят, этими словами как бы передаёт ей эстафету и прощается со всеми. К счастью, предчувствие не оправдалось – Верико потом прожила ещё несколько лет.

☉ **Вы упомянули застолье у Чиатурели. Доводилось присутствовать?**

– А как же! Софику была женщина-праздник. Она любила и умела принимать гостей. Говорила: «Нога нового гостя, ступающего на порог, приносит в дом счастье!» Гостеприимство было у неё в крови, это от родителей. Сама Верико рассказывала мне такую историю. Когда во время Великой Отечественной войны в Тбилиси эвакуировали часть МХАТа, труппа ночи напролёт проводила у них. Софе было тогда лет пять, её на посиделки не пускали, отправляя спать на второй этаж. А там часть потолка над просторной мастерской отца, где все и собирались, была стеклянной – ради хорошего освещения. Так она ложилась животом на стекло и наблюдала за взрослыми. Верико делала вид, что не замечает. Когда ещё дочь вот так увидит Качалова, Книппер-Чехову, Москвина?

В своё время мама и отец Софы прозвали своё жилище «домом открытых дверей». Они в прямом смысле не запирались, ведь постоянно кто-то приходил-уходил, и днём и ночью, – родственники, друзья, коллеги... Дверной колокольчик просто не умолкал! При мне было так же. Кто только не побывал в её доме! Весь цвет творческой интеллигенции СССР! Рихтер, Фрейндлих, Брегвадзе, Леонов, Тарковский, Ростропович, Куравлёв, Сурикова, артисты Большого... Всех не перечислишь! Щедро накрывались столы: много вкусной

еды, хорошего вина. Софику была тамадой, мастерски произносила грузинские тосты, шутила. Все моментально влюблялись в хозяйку. В воздухе носились какие-то флюиды, атмосфера была не-принуждённой, ведь все говорили на одном языке – языке искусства. Один делился, как прошёл концерт, другой рассказывал о зарубежных гастролях. Вдруг кто-нибудь вставал и шёл к роялю, играл, потом кто-то читал монолог из спектакля, кто-то пел, а все подпевали. Полная импровизация, без уговоров, с удовольствием. На меня это производило огромное впечатление! Сидела с распахнутыми глазами и ушами, чтобы ничего не пропустить. Я таких концертов, как у Софику, и не видела больше никогда! Это были встречи с гениями, мастодонтами. Что говорить, это уже история...

С хлебосольностью Софику Чиатурели связан один забавный эпизод. В 1981 году её вызвали на пробы к фильму «Ищите женщину» в Москву, но она не появилась. Когда ей позвонили, объяснила: «У меня в театре премьера на носу, репетиции каждый день, не могу вырваться. Но вы же в курсе, какая я актриса. Хотите пробу в гриме – приезжайте к нам сами». А проба требовалась для руководства творческого объединения «Экран», которое придиралось: «Зачем на роль француженки грузинская актриса с чёрными глазами?» И режиссёр Алла Сурикова со съёмочной группой, с кучей аппаратуры поехала в Тбилиси. Встретились, и Софику тут же пригласила всех к себе – отметить знакомство. На следующий день продолжили, потом ещё и ещё... Уже в аэропорту, перед вылетом в Москву, Сурикова спросила оператора Михаила Аграновича: «Ну, ты хоть один раз Софику-то щёлкнул?» Оказалось – нет. Не до этого было! В результате уже в Москве нашли её фотографию в каком-то календаре, пересняли и подали на утверждение. Прокатило!

– Как же она расстраивалась, что страна распалась и отношения между Грузией и Россией не те... Но даже когда в Грузии шла война, двери дома Чиатурели по-прежнему не закрывались. Знаете, как Софу все любили! Вот шли мы, допустим, вдвоём на базар. Все торговцы тут же её узнавали, обступали, корзинами подарки несли – кто чем торговал. Потому что чувствовали – это хороший человек со щедрой душой.

☉ **Она была абсолютной грузинкой или в чём-то русской, ведь её многое связывало с Москвой? А может, даже европейкой?**

– Скажу так: европейкой грузинского разлива. Европейского в ней было больше всего, начиная от типа лица и кончая мироощущением. Такой она была – человек мира. Поэтому её принимали за свою, заговаривали на своём языке. А когда она отвечала по-грузински, люди рты открывали. В кино она кого только не играла и была абсолютно достоверна: и польку в «Генерале и маргарит-

ках», и итальянку в «Миллионе в брачной корзине», и французенку в «Ищите женщину». Могла бы стать «народной артисткой» любой из этих стран, как стала народной артисткой Армянской ССР благодаря роли у Параджанова.

В 1966 году вышла картина «Хевсурская баллада» с Софику в главной роли. В этом фильме впервые её увидел режиссёр Сергей Параджанов. И загорелся снимать в своей картине «Цвет граната». Но кандидатура Софику встретила резкое сопротивление худсовета киностудии «Арменфильм». Как это можно, чтобы великого армянского поэта Саят-Нову играла женщина, да ещё и грузинка! Актрису долго не утверждали, а Параджанов твёрдо стоял на своём. «Ну почему именно Чиаурели?» – терзали его в сотый раз. И он снова и снова отвечал: «У неё лицо будто с фрески. А на фресках мужские и женские лица одинаковы. Разницы нет!» Аргументы приняли. С тех пор Софику называли не иначе как параджановской музой. Говорят, посмотрев «Цвет граната», с Софику мечтали познакомиться даже Феллини с Мазиней...

– Уверена, Софику легко могла сделать карьеру и в Москве. На русском она говорила почти без акцента. Она же ещё маленькой девочкой часто бывала в столице. В конце 30-х её отец Михаил Чиаурели снял фильм о Сталине – «Великое зарево», который очень понравился вождю. Сталин даже захотел познакомиться – что это за режиссёр такой? И вызвал Чиаурели к себе, приблизил, а потом не раз приглашал тамадой на застолья в партийном кругу. Михаил Эдишерович виртуозно произносил тосты и душевно пел грузинские песни. В то время ему давали много снимать – «Падение Берлина», «Клятва», «Незабываемый 1919-й». Это всё его кино. Он был лауреатом аж пяти Сталинских премий! После войны жил и работал в основном в Москве. Софа рассказывала, что, пока им не дали квартиру, за отцом был постоянно закреплён люкс в гостинице «Москва» и одно из любимых её детских воспоминаний – бой кремлёвских курантов, который был слышен в гостиничном номере. После института её приглашали в труппу несколько столичных театров, но без любимого Тбилиси она себя не мыслила, и они с мужем вернулись на родину.

☉ *У неё были враги, завистники?*

– Естественно, вокруг таланта всегда так: чёрная сторона и белая, левые и правые. Понимаете, при такой маме (Верико Анджапаридзе в конце 50-х была худруком этого театра. – Прим. авт.) она могла бы быть «властелином всех колец». Если б захотела – разве бы не встала во главе театра? Легко. Только ей этого не надо было. Потому что к власти не стремилась. Вся власть её была сосредоточена дома, в семье. И вот оттого, что в театре её силу чувствовали, кое-кто её откровенно не любил. Но плевать она на это хотела. А потом

в марджановском театре начались интриги. Новая верхушка – из её же бывших коллег – стала выкидывать пожилых артистов на улицу. Софу уволить не могли – такое имя! Но она сама взяла и ушла. Ей было противно. Не терпела несправедливости.

☉ *Вы сказали – вся её власть была в семье. Но разве в грузинском доме не мужчина командует?*

– Это стереотип. Софа всегда смеялась над тем, что русские думают, будто мужчина-грузин – глава семьи. У нас ведь практически матриархат. А как иначе? Если даже на Святой горе в качестве символа страны установлена скульптура женщины – Мать-Грузия. В одной руке у неё кинжал, в другой – чаша. Потому что для друзей все двери открыты, она и встретит, и накормит, а от врагов готова защищаться. Так что в грузинском доме почти всегда правит женщина, а уж Софа однозначно была хозяйкой. И в её честь за столом часто произносился тост: «Так выпьем за наших женщин-матерей, хранящих очаг, давших нам свободу, жизнь и бессмертие!»

☉ *И вот она ушла из театра. А что дальше?*

– Софа никогда не сидела без работы. Много снималась, ездила на кинофестивали по всему миру. А в конце 80-х, вместе со вторым мужем Котэ Махарадзе (известный грузинский актёр, спортивный комментатор. – Прим. авт.) они в своём доме сделали маленькую сцену и назвали – «Театр имени Верико». Публика сидела на расстоянии вытянутой руки. Сначала моноспектакли там играл только Котэ, а потом они выходили дуэтом в пьесе Сантанелли «Королева-мать». Был такой успех! Софа стала играть ещё и ещё. Говорила, что это театр «крупного плана», там не вылезешь на ремесле – зрителя не обманешь. Зато какой обмен энергией! Она до последнего жила этим театром.

☉ *Какие отношения у неё были с родителями?*

– Боготворила. И не потому, что это дань национальной традиции – в Грузии по-особому, крайне уважительно относятся к пожилым людям. Она любила их как самых-самых близких людей. Приведу пример: когда Абуладзе предложил Софику сняться в «Покаянии» в роли старой грузинки, она сказала: «Нет! Пока мама жива, сними её!» Именно Верико в конце фильма произносит ключевую фразу: «К чему дорога, если она не приводит к храму?» Сама мудрость! Верико и в жизни очень мудрая была, потому что пережила многое – смерть двоих сыновей, мужа, брата. И заранее чувствовала многое. Птица ещё только собиралась вспорхнуть, а Верико уже об этом знала. Заметив, что мать тоскует по профессии, страдает от безделья, Софа решила поставить специально для неё спектакль. Взяла пьесу Зиндела «Влияние гамма-лучей на бледно-жёлтые ногти». Верико это очень воодушевило. Она и так в свои почти девяносто не была дряхлой, а тут просто крылья расправила. Этот спектакль даже возили на гастроли

в Москву и в Питер, тогда ещё Ленинград. Софа придумала, что в одной из сцен Верико вдруг встаёт из инвалидной коляски и начинает танцевать. Публика устраивала овации! Конечно, всё это продлило Верико жизнь. Она всегда говорила, что мечтает умереть на сцене. Можно считать, что так оно и произошло: последний раз она отыграла спектакль за день до смерти.

Отец Софики ушёл из жизни тринадцатью годами раньше и был похоронен в Кутаиси. Софа, когда умерла Верико, стала одержима идеей перенести его могилу в Тбилиси – к любимой жене в пантеон заслуженных деятелей культуры Грузии на горе Мтацминда. Считала это своей миссией. Осуществить это было непросто, но она это сделала. Говорила: «Мне очень повезло: две личности, две ярчайшие звезды – мои родители! Вряд ли кто-нибудь может сказать о себе, что его отец и мать покоятся на Святой горе». А потом задумала моноспектакль памяти родителей – «Рождение планет». Там вся судьба семьи показана без утайки, исповедально. Играла, конечно, сама.

☉ **А как она среагировала, когда вы в пятнадцать лет стали встречаться с её сыном?**

– Очень даже хорошо! Подозреваю, что наши отношения вообще стали развиваться с её подачи. Никуша был молодой, неопытный – всего на три года старше меня. И вдруг увлёкся замужней

женщиной. Софа с Георгием ужасно переживали. Мы тогда с Никушей ещё не были знакомы, только здоровались, когда я к Сандрику (младший сын Софики. – *Прим. авт.*) забегала в гости – мы дружили. И Сандрик всегда гордо показывал на картины, которые висели в их доме: «Это мой брат нарисовал!» Нико казался мне взрослым дядечкой – такой вальяжный, с бородой. Я даже вскакивала из уважения, когда он в комнату входил. А он снисходительно кивал: «Вы садитесь, садитесь...»

И тут вышел фильм «Небесные ласточки». В честь премьеры мой дедуля устроил большой банкет у нас дома, из Ленинграда приехала вся съёмочная группа. Семья Софики тоже была приглашена. Никуша, который покуривал втихаря от родителей, попросил меня стащить у деда одну сигарету «Мальборо». Я стащила. Он вышел на балкон, оставив меня караулить, чтобы не засекали. А перед тем, как вернуться в комнату, он посмотрел на меня сквозь балконную дверь, потом прижался к стеклу губами и поцеловал. Всё! Так у нас и началось. С этой минуты я пропала! Ни о чём больше думать не могла, все школьные тетрадки исписала «формулой»: «Никуша + Ия = любовь». А он каждый день встречал меня после уроков. Отношения были самые платонические – я же школьницей ещё была. Однажды Никуша с отцом подъехали на машине к нашему дому за

► Сергей Параджанов: «С Софиго в мои фильмы входит сама красота. Она гениальная кинобалерина»

Сандриком – он в тот день гостил у нас. Вышли, и тут Георгий говорит сыну: «Что стоишь? Разве не можешь подняться по этим лестницам за братом? Иди!» Будто подтолкнул, чтобы не лишиться раз увиделись. Это мне потом бабушка моя рассказала – она была свидетельницей той сцены. То есть родители Нико наши чувства поощряли. Не требовали, конечно, чтобы он женился именно на мне, но им бы этого очень хотелось. Наверное, так рассуждали: эта девочка – такой тонкий росточек, пусть вырастет в наших руках!

Больше года он за мной ухаживал, потом пришёл однажды и говорит: «Закрой глаза, дай мне руку, только пока я не спущусь на первый этаж – не смотри», – и положил мне что-то на ладонь. Когда он был внизу, я посмотрела, а там колечко обручальное из красного золота. Я чуть с ума не сошла от счастья! На следующий день побежала показывать Софиго: «Вот, мне Никуша кольцо подарил». Но они с мужем уже знали, что сын сделал мне предложение, и были очень довольны. Одно препятствие – я несовершеннолетняя. Но Софиго всегда умела найти выход. В то время она была депутатом Верховного Совета СССР, ну и договорилась в загсе с кем надо. Фамилию менять я не стала. Зачем? Я уже была известна на всю страну

как юная актриса Ия Нинидзе. Семья мужа отнеслась с пониманием. Софиго шутила: «Ты уже вошла в историю под своим именем». Сама она фамилию ведь тоже не меняла. Перед свадьбой они с Георгием взяли меня, как маленького ребёнка, с двух сторон за руки, привели к себе в дом и сказали: «Мы всегда мечтали иметь дочь, и вот теперь она у нас есть». Потом показали, где лежит в шкафах – утварь, постельное бельё. «Мы часто на съёмках. Если тебе что-то надо – открывай и бери. Всё это общее – ведь мы одна семья». Свадьбы у нас было две. Сначала в Тбилисском доме кино на шестьсот человек. Мы расписались, отметили и уехали в свадебное путешествие в Пизунду. Когда вернулись, захотелось ещё раз погулять, и народу тогда пришло ещё больше. Иначе быть не могло: и семья Чиаурели-Шенгелая, и моя семья были в Тбилиси известны и уважаемы.

◎ **Софиго ревновала? Не каждая свекровь мирится с тем, что теперь в жизни её сына есть другая главная женщина.**

– Никакой ревности! Наоборот, она ликовала! Подружкам своим говорила, а они потом пересказывали мне: «Ия – это мой дубль во всём. Просто копия, воплощение моё!» Уже хотя бы потому, что мы полностью совпали в быту. Понятия об уюте,

о чистоте, о еде у нас были одинаковыми. Дома у Софики всё блестело. У меня тоже! Когда вскоре после свадьбы мы уехали учиться во ВГИК – Никуша на постановочный факультет, я на актёрский к Бондарчуку и Скобцевой, – Софа не раз приезжала в Москву нас проведать и всегда меня хвалила: «У-у-у, какая чистюля! Ты, оказывается, ещё хуже меня!» В коммуналке, где мы сначала снимали комнату, я всех клопов-тараканов быстро вывела, всё выскребла. Потом стали жить в квартире Ариадны Шенгелая (актриса, жена дяди Нико. – Прим. авт.) на улице Горького. И там у меня был идеальный порядок. К Никуше часто приходили друзья – Миша Калатозишвили с Колей Данелией. Я их гоняла: «Не смейте ходить по комнатам

в сапогах! Не бегайте с кусками в руках – обедать будем за одним большим столом, как принято!» Они смеялись, что маленькая девочка ими командует, но слушались меня. И особо Софу радовало, что я, точно так же как и она, требовала от Никуши: «Встань с дивана, иди работай!» Он был безумно талантлив, но вёл себя как богемный мальчик, «золотая молодёжь». Любил гулять, а учился, работал только по настроению. Сколько раз Софа ему выговаривала: «Ну что в тебе такое сидит, объясни? Это не нравится, то не подходит! Не те облака на небе, не такой цвет листвы... Да какая разница? Бери кисть, пиши! Ты должен!» Пыталась заставить, но... не получалось. Потому что она сама его таким сделала – то рьяно начинала воспитывать, то баловала и снова воспитывала. Иногда так заводилась – очень вспыльчивая была, эмоции били через край! Помню, когда мы после

свадьбы отдыхали в Доме творчества в Пицунде, Софа приехала нас навестить. Входит в номер, а там полно друзей сына, кругом валяются их рюкзаки, сумки, идёт застолье, дым коромыслом. Меня обнаружила в ванной. Эта дурочка, то есть я, стоит у раковины и всем парням носки вручную стирает. Уже вся батарея ими увешана. Софику как заорёт на сына: «Ты что?! В медовый месяц дружков приваживаешь! Ну-ка, убирайтесь все, снимайте себе жильё сами, где хотите!» Их шмотки прямо в коридор выкидывала. В другой раз ей ещё что-то не понравилось. Так она прямо при мне взяла и ударила его по щеке. За дело, конечно. Только вскоре опять обнимала-целовала и всё самое лучшее в клове приносила.

Как художник Нико масштабно не прозвучал, хотя мог бы. Во ВГИК поступал с циклом иллюстраций на тему романа «Мастер и Маргарита». С меня рисовал Маргариту, с себя – мастера. Это был настоящий шедевр, который до сих пор у них дома висит. Зарыл он свой талант в землю... Говорят, нашёл себя в политике, глаголет что-то. Но точно я не знаю.

☉ **А почему вы расстались?**

– Я не выдержала. Никуша привык, что мама в итоге ему всё прощает. Думал, что и я буду терпеть, прощать бесконечно. А у меня не хватило сил. Из Москвы мы уехали обратно в Тбилиси – Нико отчислили за прогулы, а я не представляла, как можно остаться в институте без него. Дома он продолжал жить в своё удовольствие, будто вечный праздник вокруг. Делал что хотел, ни с кем не считался. Мог исчезнуть на несколько дней, не предупредив близких. Я с ума сходила, искала его по друзьям, по больницам, а он потом кричал на меня: «Что ты устроила! Зачем всех на уши поставила! Я не ребёнок!» Было обидно, я плакала, мы отдалялись друг от друга. В конце концов я ушла. Никто из родственников и предположить не мог, что решусь на это, ведь я не жаловалась, даже Софе. Во время развода свёкор сказал моей бабушке: «Всю жизнь мы винили других в поступках нашего сына. В детском саду не Нико ударил мальчика, а мальчик сам голову подставил. В школе не Нико разбил окно, а оно само разбилось. Но нет оправдания тому, что он растается с такой чистой девочкой, на которую даже бабочка не садилась! Пусть Ия возвращается в Москву, доучивается – она такая талантливая. А любовь – она расстоянием проверяется». На самом деле Софа сумела бы сгладить в наших отношениях все острые углы, но... В это время у неё самой назревал развод с Георгием, было не до нас. Нам надо было «ватой» оборачивать, словно хрусталь, чтобы семья не разбилась. Но никто нами не

► «Всё, что я задумала, я выполнила. У меня ощущение, что Бог со мной...» Софики Чиаурели

ФОТО: МИА «РОССИЯ СЕГОДНЯ», RUSSIAN LOOK

занимался, мы ушли на второй план. Вышло как вышло...

☉ **Одновременно два развода в одной семье.**

Трагедия!

– Никто не мог ожидать, что Софико с Георгием разойдутся! Они очень подходили друг другу, и, главное, большая любовь между ними была. И жили очень хорошо, двоих сыновей родили, много фильмов вместе сделали – «образцовая семья». А потом у Софико появился Котэ, и это перевернуло всю её жизнь. У грузин не принято, чтобы женщина уходила из семьи, тем более когда есть дети. Она посмела нарушить правила. Вся Грузия потом об этом говорила – как она могла? Правда, она долго не решалась, несколько раз отказывала Котэ, когда он замуж её звал. Роман их тянулся несколько лет. И никто об этом не знал, только Верико. Ведь всё произошло из-за её спектакля! Она поставила в театре пьесу «Уриель Акоста». В главных ролях – Котэ и Софико. Играли любовные сцены, и постепенно всё это для них стало явью. Они были знакомы сто лет, и ничего не было, а вот вдруг раз – и накрыло!

Однажды мы с Никушей приехали из Москвы на каникулы, и я, как маленькая женщина, сразу поняла – происходит что-то не то. Все по разным комнатам, на лицах отчуждение, то один молча уйдёт из дома, то другой. Какие-то звонки телефонные от «доброжелателей»: «А вот ваша жена...», «А вот твоя мама...». Новый год мы всегда встречали вместе, а тут все за столом, а Софы нет и нет... Видимо, уже открылась Георгию. Он безумно переживал, просто убитый ходил. Он и по сей день её любит. Когда она умерла, боялись, что у него сердце не выдержит.

☉ **В своих интервью Софико Чиаурели часто повторяет, что главным в жизни она считает любовь.**

– Я тоже от неё об этом слышала. И о том, что любовь – это подарок от Бога, но не каждому дано её испытать. Однажды она мне рассказала, как впервые узнала, что такое любовь. В шесть лет они с мамой поехали на курорт в Гагры. Там же отдыхал хороший знакомый их семьи – театральный художник Симон Вирсаладзе. И вдруг пришла телеграмма, что умер старший брат Верико, и она была вынуждена уехать, оставив дочь на Симона. Тот обращался с девочкой как со взрослой, называл её на вы, рисовал её портреты. И она в него ужасно влюбилась! Вирсаладзе, которому было уже за сорок, в то время за кем-то ухаживал. И маленькая Софа, не в силах противостоять ревности, заявила: «Если вы ещё раз подарите ей цветы – я убегу!» Потом бросилась в море и уплыла «за горизонт». А Вирсаладзе в жутком волнении кричал с берега: «Умоляю вас, вернитесь!» С того дня она каждое утро находила в своей комнате букетик. Те переживания запомнились ей навсегда.

А вот зрелое чувство – к обоим мужьям – приходило к ней дважды. Несмотря на молву, она не стыдилась своей любви к Котэ. Они сыграли громкую свадьбу, потом обвенчались, насколько я знаю. И были очень счастливы вдвоём больше двадцати лет. А как она за Котэ ухаживала, когда его инсульт разбил! Он целыми днями спал на диване в обнимку с собакой. Я как раз к ним заезжала тогда. Софа не отчаивалась, боролась за него и находила в себе силы шутить: «Смотри – на пару храпят!» Она любила даже его храп! Очень тяжело пережила, когда Котэ не стало...

☉ **Известно, что у Котэ Махарадзе было потрясающее чувство юмора. А женщин на чувство юмора можно ловить, как рыбу!**

– Ну, Софа-то и сама горазда была пошутить! Когда она рассказывала что-то смешное, травила байки – все валялись! А с каким юмором она ругалась! Матом! Друзья ей говорили: «Тебя без этого невозможно представить!» Котэ кроме того, что считался самым остроумным спортивным комментатором, тоже любил похулиганить и очень изобретательно это делал. Один случай из их жизни они оба потом пересказывали как анекдот.

Как-то Софико Чиаурели пригласили на кинофорум в Ереван. Перед поездкой она пожаловалась мужу: «Жаль, что ни слова по-армянски не знаю. А ведь я народная артистка Армении...» Котэ: «Я тебе напишу кое-что на бумажке, в самолёте выучишь...» В честь приезда именитой гостьи устроили банкет. Присутствовали министр культуры, цвет интеллигенции. Софико вышла к микрофону и речь начала с заготовленной фразы. Лица у всех вытянулись... Софико так и не поняла, в чём дело. Но, вернувшись домой, первым делом потребовала у Котэ перевод «приветствия». Оказалось, она на весь зал прочувствованно произнесла: «Когда у мужчины стоит – Бог радуется!»

– А как он за ней ухаживал! Тут Котэ был и дипломат, и психолог, потому что очень хорошо знал женщин, понимал, что их надо удивлять. Когда они только начали встречаться, он спросил Софико: «Что ты любишь?» – «Гулять по опавшим листьям...» На следующий день все лестничные коридоры в театре шуршали от жёлтой листвы. Потом разведка где-то, что Софа обожает гранаты. И как букет преподнёс ей ветви граната с висящими плодами. А животные? Кого только Котэ ей не дарил! То павлина, то оленёнка, то коробку, полную цыплят – по числу лет, сколько ей в тот день исполнялось, то страусёнка, и даже бурого медвежонка. Софа потом кормила его молоком из бутылочки с соской, а когда подрос – отдала в тбилисский зоопарк. Она все «живые» подарки потом туда относил, впору было именную секцию открывать. Самым главным там был ослик. На клетке висела табличка: «Ослик КОСО», – что значит: Котэ + Софико. Цветы Котэ носил ей охапками –

ЦЕРЕМОНИЯ ТЕЛЕКАНАЛА FASHION TV RUSSIA «Fashion New Year Awards 2016»

21 декабря в отеле The Ritz-Carlton, Moscow грандиозно прошла самая модная елка страны с подведением итогов уходящего 2015 года в ежегодной премии «Fashion New Year Awards». Телеканал Fashion TV Russia традиционно вручил заветные кристаллы самым знаковым персонам fashion-индустрии, добившимся наиболее высоких результатов и признания не только в России, но и за рубежом.

Ведущие премии: Тимур Родригез и Виктория Гилварг, Дмитрий Оленин и Катя Гусева

Сергей Шкода, Екатерина Токарева

слайд из календаря телеканала Екатерина Токарева, Александр Васильев

На церемонии был презентован фотопроjekt телеканала - календарь «Русский Кутюр глазами мужчины» с главной героиней Екатериной Токаревой, фотографом выступил фотоимпрессионист Сергей Шкода.

Андрей Пулин (ESTEL)

Константин Исаакян (DELL)

Тамара Мишина (Maison T&T)

Анна Ряпасова (Модный дом Anna Ryasova)

Екатерина Бойкова (Krasnodar Fashion Week)

Алеса Кафельникова и Никита Новиков

Вера Костюрина

Юлия Корелина (караоке «PickUp»)

Тимур Текаев (ТЦ «ТИАРА»)

Влад Петров, Евгения Костина (World Class)

Елена Гичун

Олег Климов (SDG Group)

Виктория Гилварг

Павел Бобёр, Андрей Шалахов

Ильшат Мифтахов, Денис Аверьянов

Олег Тарнопольский, Лолита

Мария Клюкина

Сергей Жорин и Катя Гусева

РЕКЛАМА 16+

Выражаем благодарность нашим друзьям

INCANTO
ITALY

ELEGANZZA
сумки • перчатки • аксессуары

MÖVENPICK
THE ART OF SWISS ICE CREAM

PIG FARM
LIVESTOCK

effect
HIGH QUALITY ENERGY DRINK

PULITO

TERRAFIORI
абсолютная имитация цветов и растений

Barabu - M
дизайнерская одежда • аксессуары

PAGO

ПАРТНЕР ЦЕРЕМОНИИ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР ЦЕРЕМОНИИ

ESTEL
У КРАСОТЫ ЕСТЬ ИМЯ

и по поводу, и без. Софико позже шутила: «Ну не смогла я устоять!» У неё прямо вторая молодость наступила!

☉ **А она боялась стареть? Знала себе цену как женщина?**

– Насчёт цены... Мне кажется, она себя недооценивала. Пусть канонической красавицей она никогда не была, зато брала обаянием, энергией, кокетством. Равных в этом ей не было – слепой бы влюбился! Поэтому в Грузии Софико Чиаурели всегда считалась очень красивой женщиной. До сих пор её у нас называют «наша грузинская Софи Лорен». А стареть она абсолютно не боялась. Потому что была с Котэ счастлива, они принимали друг друга какие есть. Софа не стремилась улучшить себя, была противницей пластических операций. Говорила, что ей не нравятся «сделанные» лица. Очень любила хорошо поесть. При этом – никаких диет, несмотря на то что после шестидесяти она сильно раздалась. Говорю же, её обаяние затмевало всё!

В женщине обычно ценят изюминку. У Софико было столько изюминок – хоть компот вари! Например, она всегда необычно одевалась. Вкус у неё был специфический, чуть с перебором. Но главное, что ей это шло. Сама придумывала фасоны, сама кроила и шила, причём очень быстро – пара часов, и новая вещь готова. Сооружала себе шляпы и шапочки оригинальные, вязала что-то постоянно. Просто фонтанировала идеями! Займись она серьёзно дизайном, клянусь, стала бы какой-нибудь «Соней Рикель». Помню, как она поставила «точку над «i» в моём свадебном наряде. Родители достали мне американское платье: белое, лаконичного фасона, с ручной вышивкой по вырезу – этнические мотивы в стиле Фриды Кало. Супермодное! Но фату я не хотела, и мы не знали, чем её заменить. Тут Софико приносит огромную шляпу, которую недавно привезла из Мексики. Снимает с тульи плетёную отделку из разноцветных ленточек и прикалывает мне на волосы. Получилось гениально!

Украшения Софико тоже иногда делала себе сама. У неё было полно и драгоценностей, и бижутерии. И она перенизывала бусы, добываясь неожиданных сочетаний. Зато ни у кого таких ожерелий не было! Своим талисманом считала кольцо из слоновой кости, на пластине которого были выгравированы десять заповедей. Ей подарили его в Израиле. Кольца обожала крупные, броские. А свой очень изящный золотой перстенёк с редким квадратным бриллиантом однажды подарила мне. Ему было лет триста, он как реликвия передавался в их семье по женской линии. Софа иногда надевала его на спектакли. Как-то я сидела в зале, а она на сцене взмахнула рукой, и камень пустил лучи веером. У меня аж дух захватило! Я маленькая тогда была – пятнадцатилетняя. С ума потом

сходила по этому колечку, всё смотрела на руку Софико. А через год она вдруг преподносит мне его на свадьбу. Как я его любила! Но во время гражданской войны его из моей тбилисской квартиры украли. Умирая, Софико оставила мне серебряный браслет и кольцо с большими зелёными камнями. На память...

☉ **То есть после развода с Нико у вас с Софико сохранились хорошие отношения?**

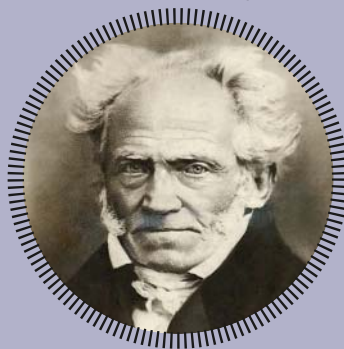
– Да, и связь никогда не прерывалась. Она мне всегда говорила: «Ты по сей день для меня невестка! Самая любимая!» Это было искренне, Софико ненавидела врать. С конца 90-х я жила в Москве, но, приезжая в Тбилиси, обязательно с ней виделась. Она приглашала в гости, накрывала стол, мы часами разговаривали. Ниночку, мою младшую дочку, сажала к себе на колени и предлагала: «Не хочешь ли у меня пожить? Оставайся, Нино! Я буду твоей бабушкой!» И такое тепло от неё исходило, я по сей день его вспоминаю. Услышав о её болезни, я сразу позвонила ей. А она стала рассказывать, что отдыхала на море под Багуми, плавала, загорала. Говорю: «Софа, при твоём диагнозе это неразумно. Береги себя!» На что она ответила: «Не буду отказывать себе в удовольствии! Я один раз живу и один раз уйду из этой жизни!» Любила жить широко – много брать и много отдавать. Несмотря ни на что, старалась оставаться оптимисткой. Своей маленькой родственнице-тёзке, тоже Софико Чиаурели, говорила: «Подожди, вот приведу себя в порядок, и мы с тобой ещё столько дел переделаем!» Чтобы хватило денег на лечение во Франции, она продала работы Пиросмани из своей коллекции. Последние месяцы лежала дома, мало кого принимала. Не хотела, чтобы её видели развалиной. Её успокаивали: «Софа, ты поправишься, с тобой ничего не произойдёт». – «Да ладно... Уже произошло...» Она всё понимала. В ночь её ухода я не спала. Какая-то тревога, тоска, внутренний переполох охватили, я была вся на нервах. А утром мне позвонили: «Софико уже нет...» Не задумываясь полетела в Тбилиси на похороны. Она мне была как вторая мама...

В конце 70-х Софико сыграла журналистку в фильме Ланы Гогоберидзе «Несколько интервью по личным вопросам». Ей никак не могли подобрать гардероб для съёмок, то что-то не подходило, то было неудобно. А мне тогда родители достали у спекулянтов шикарный плащ от Ива Сен-Лорана, ванильного цвета, жутко модный. Он висел у меня в шкафу на плечиках, новый, ещё с этикетками. Я была в отъезде, а Софа родственному, без спроса взяла и снялась в нём. По сей день, пересматривая фильм, я люблю на неё в том плаще – мне это приятно, меня это греет. И всё кажется, сейчас откроется дверь и она войдёт – такая же молодая, красивая, полная сил, как на экране... ☉

5

ГЛАВА

ЛЮДИ & ВЕЩИ

*Из которой читатель узнает, что
сподвигло философа Шопенгауэра дать
затрецину бедной швее **с.140***

.....
*а отважного знатока фауны
Альфреда Брема – отправиться
в сибирскую глухомань **с.136***

УБИТЬ В СЕБЕ ЗВЕРЯ

► Пётр Авен с друзьями на охоте. Алтайские горы. 2013 год

Пётр Авен – о том, что заставило потомка латышского стрелка увлечься именно русской охотой и почему он наложил вето на все лично добытые трофеи

ИГОРЬ СВИНАРЕНКО

⊙ **Бунин говорил: для счастья нужны три вещи: любовь, работа и что-то помимо работы – путешествия, увлечения. И у тебя, Пётр Олегович, это всё есть...**

– Ну да... Мне нравятся слова Бунина, я бы только добавил туда детей.

⊙ **А деньги ты не хочешь добавить в эту формулу?**

– Ну, деньги там точно не участвуют. Разве только для путешествий и увлечений они нужны... Деньги не могут иметь ценности, они просто мерило успеха. Ладно, в Москве я был профессорским сыном, отец был в самом центре московской жизни, у нас дома бывали выдающиеся люди: Олег Ефремов, Игорь Кио, лауреат Нобелевской премии академик Канторович и так далее... Тут у меня было с деньгами ничего ещё. А вот когда я на Запад выезжал, где помочь никто не мог... Вот я в 87-м в Австрию поехал в краткосрочную поездку... Нашёл себе в Вене самый дешёвый пансион. Там афганцы жили беглые, проститутки чёрные, белых людей там, кроме меня, не было. Комната у меня была размером с мой теперешний стол... Там был маленький душик и унитаз, который откидывался, выезжал из стенки – и после обратно въезжал. Я питался на два доллара в день. Купишь на улице сосиску – я с тех пор их люблю больше всего, – банку пива возьмёшь, ну ещё банан днём перехватишь. Вот и весь дневной рацион. И это всё недавно относительно!

Как-то я поехал лекции читать в Глазго и по пути на три дня остановился в Лондоне, в котором я на тот момент никогда не был. Поселился в гостинице на границе Китайского квартала и Сохо – это ещё до того, как Сохо стал популярным районом. Я был единственный белый в гостинице... В номере у меня была только издевательская система с двумя кранами, а туалет и душ, естественно, на этаже. Я выходил из гостиницы и оказывался в Китайском квартале, там запахи фантастические из ресторанов, а денег у меня не было... Потом приехала моя жена, и мы с ней ели только бизнес-ланчи, да и особенно не ужинали. После шотландцы меня стали в гости приглашать и кое-как кормили. Я этого не забуду никогда. Так что радость, которую я испытываю от того, что у меня деньги есть, – она очень сильная... Но – сегодняшние рассказы о том, какими мы были бедными, – это выглядит как кокетство...

⊙ **Да нет же, это как раз очень интересно!**

– Да? Могу ещё рассказать. Вот поездка по Европе на «Жигулях». Там такая штука вылетела – распределитель, что ли, – и машина не заводилась, трогалась только с толчка! И мы с женой её толкали, я на ходу запрыгивал... Утром мы её ставили так, чтоб она как бы вниз катилась немножко. Мы так проехали всю Европу – Францию, Италию... Поехали в Венецию, но не могли там жить, потому

что денег не было. И мы жили с этой стороны, на материке. И каждый день на поезде ездили в Венецию. Но надо сказать, что ощущение Венеции у меня было никак не слабее, чем сейчас, когда я приезжаю туда и живу в центре города в хорошей гостинице... По-моему, Хемингуэй говорил, что в музей надо ходить голодным. В этом есть здоровое зерно... Это был 1989 год, совсем недавно.

...Нет, деньги не имеют самоценности. Поэтому деньги я в этот список, конечно бы, не включал.

⊙ **Полностью какая у тебя формула счастья?**

– Любовь, работа, путешествия и дети.

⊙ **А как сохранить вкус к жизни, чтоб он не пропал? Или это тебя не волнует?**

– Волнует... Я придумываю себе новые увлечения. Вот так я начал заниматься охотой.

⊙ **А подробнее, когда и с чего всё началось?**

– Первый раз в жизни я попал на охоту по приглашению малоизвестного тогда бизнесмена Романа Абрамовича. Это случилось в 1994 году. Поскольку Рома в то время поставлял нефтепродукты в Румынию, мы туда и отправились. Он собрал группу людей, всего человек десять. Партнёры Ромы в Румынии были охотники, вот они и пригласили. Там хорошая охота – фазаны, много уток. Позже выяснилось, что не обязательно за утками лететь в Румынию, но в то время мы в России ситуацией не владели. Да и стрелять ещё толком не умели. Кроме того, в 94-м году заграничные путешествия ещё считались романтической вещью, это было приятно. После того раза мы в Румынию ездили два или три года. Примечательно, что жили в охотничьих домах Чаушеску...

⊙ **Которого – продолжая тему румынской стрельбы – и самого застрелили.**

– Но не на охоте. Надо сказать, что после Чаушеску охотхозяйства пришли в упадок. Но фазанов и кабанов было много. Егеря очень любили Чаушеску, потому что он серьёзно занимался охотой.

Где ещё я охотился? Испания: куропатка. Шотландия: фазан и олень. Аргентина: дикие голуби, их там страшное количество, в день по шесть-сот птиц бьёшь, на это уходит тысяча патронов. В Марокко их тоже много. Впрочем, голубей я не очень люблю – ни есть, ни стрелять... В Венгрии очень красивая охота на зверя и на фазана. Словакия, Польша, вообще все бывшие соцстраны... Южная Африка: утки, цесарки и прочие птицы. Замечательно интересно! Обедали на фермах у буров совершенно диких. Чтoб был понятен их уровень, скажу: никто из них представления не имел, что такое Россия и где это. У них там непросо: на ночь буры выставляют пулемёты и выпускают собак. Они там на осадном положении.

⊙ **И мы ещё на что-то жалуемся.**

– Да, жалуемся совершенно необоснованно... Надо сказать, что вначале я стрелял ужасно, попал крайне редко. На одной из охот я стал объек-

том насмешек товарищей – поскольку убил сову, приняв её за фазана. И вот уже много лет подкалывают меня этой совой. Но, как бы то ни было, я стал интересоваться охотой. Начал учиться: два года достаточно плотно занимался с тренером стрельбой по тарелкам. Что, конечно, дало результат: я ведь если чем занимаюсь, то уж серьёзно.

☉ **А какой у тебя результат по тарелкам?**

– Восемнадцать-девятнадцать из двадцати пяти. Это не мастерский результат. Но мне этого достаточно... Важно, сколько патронов ты тратишь на одну птицу. К примеру, я сперва тратил четыре-пять патронов на одну куропатку, а сейчас – 2,2-2,5 на одну. Думаю выйти на два патрона. Это будет неплохой результат.

☉ **Скажи, а вот на охоте ты какую свою потребность удовлетворяешь?**

– Много составляющих. Тяга к путешествиям, например, удовлетворяется. На охоте идёт общение с людьми не по делу, что очень важно. А то всё по делу да по делу...

☉ **А-а, к тебе все приходят просить денег, и тебе просто приятно разговаривать с людьми, которые денег не просят!**

– Совершенно верно. И ещё – там абсолютное переключение, такого, даже когда в теннис или футбол играешь, не бывает. Ну и ещё, когда в хоккей играю, выключаю телефон – нельзя ж с телефоном бегать. Но на хоккее я всё равно думаю про дело. На охоте отключение более полное. Я реально выключаю мобильный телефон – если это происходит в таких местах, где он ещё ловит. Когда ты ждёшь зверя, то надо быть очень внимательным и не думать ни о чём постороннем. У меня была смешная ситуация – в Новгородской области. Я стоял в загоне, тихо, шуметь же нельзя, а то кабан услышит. И вот я слышу метрах в пятидесяти от себя шум. Смотрю, а это Гафин шуршит и ёрзает. Я подхожу к нему и говорю: «Саша, тихо, не дёргайся!» Отхожу от него – и как раз его мобильный звонит! Мобильная связь – это отвратительная вещь, ты, с одной стороны, подсаживаешься на неё, как на наркотик, а с другой – это же полное разрушение privacy...

☉ **То есть это для тебя возможность жить не как олигарх, а как обычный человек?**

– Ну да.

☉ **А где ты больше всего любишь охотиться?**

– Для меня главное счастье на охоте – это русская природа. Мне всегда не хватало леса, я всегда в детстве переживал, когда надо было с дачи возвращаться в Москву... Я очень люблю ходить по лесу, собирать грибы. Общение с русской природой – очень для меня важно. Это, пожалуй, главная составляющая охоты. Больше всего меня привлекает Россия... Я в России во многих местах охотился.

☉ **От Москвы до самых до окраин...**

– Точно, до самых до окраин. Прежде всего это Горный Алтай, феерически красивое место, дико интересное. Там же, кстати, и Шамбала недалеко. Горный Алтай и Аляска – самые красивые места на земле. Там как? Как-то мы с егерем прилетели в горы, вертолёт нас высадил и улетел, обещал вернуться. А если, спрашиваю, не прилетит, что тогда? Егерь говорит: «До ближайшей дороги я буду идти неделю, а ты не дойдёшь». До ближайшей дороги, понимаешь? Не до деревни... В такие дикие места разве ж попадёшь, если не охота?

☉ **Но вертолёт тогда пришёл.**

– Пришёл. Но с опозданием. Мы должны были одну ночь ночевать в палатках, а ночевали две. Ночью минус 6, днём плюс 25... В течение дня мы убивали куропаток и ловили хариуса в реке... Гуляли, гуляли – и нашли старую подкову, может, шестнадцатого века... Ещё мы с группой друзей летали в Уссурийскую тайгу, это километров семьсот на север от Владивостока. Совершенно нетронутая тайга. Идёшь по лесу, гуляешь, рябчиков подманиваешь на манок... Рябчики сидят и едят клюкву, жирные такие рябчики, которые, как известно, очень хорошо с ананасами сочетаются...

☉ **Непуганые. Как бизнесмены в начале бизнеса в России в 90-е годы.**

– Приблизительно. Дальше – Западная Сибирь. Я был на охоте недалеко от Уренгоя. Это феерическая охота на боровую дичь, на глухаря прежде всего. Для западного европейца или даже для москвича увидеть за день десятки глухарей и нескольких к тому же застрелить – это такая редкость... Плюс я ещё бывал в тех местах, где добывают нефть. Они там колышки забивают, а мы охотимся, пользуясь случаем.

☉ **А тебе там надо заниматься нефтью? Ты любишь ею обливаться, как в фильмах про Дикий Запад? И стонать от счастья? Нет у тебя такой потребности?**

– Нет. Сейчас в стране очень много мест, где можно хорошо охотиться. Архангельская область фантастическая, там охота на медведя. И ещё Таймыр, Краснодар, Ростов...

☉ **Русская охота – это вещь литературная.**

– Ты прав: охота – это вопрос новых ощущений, романтических впечатлений, я очень люблю зимнюю загонную охоту на кабана. Это простая охота, очень русская. Идти по снегу, ждать, увидеть кабана, который неожиданно откуда-то возникает... Пить водку, закусывая луком, салом и чёрным хлебом, и есть свежую печёнку – это счастье.

В России уникальная охота на глухаря с подхода на току – на Западе такой никто не знает, даже их самые известные охотники. Весной глухари прилетают в места, называемые токами. Это лес, как правило на краю болота, куда сбиваются в определённое время в течение двух или трёх недель в году глухари и глухарки, они знакомятся и игра-

ют в брачные игры. Это всё ночью... Глухарь привлекает глухарку: он поёт песню, издаёт звуки – так-так-так – з-з-з! И под это з-з-з он закрывает уши и глаза, он ничего не видит и не слышит. Это примерно три или четыре секунды, можно сделать два или три шага. Как только он замолк – стой! Ему что-то не понравилось, он может молчать минуты две, три, четыре – ты стоишь не двигаясь. Так ты к нему подкрадываешься минут сорок. Тут вопрос – кто кого раньше увидит? Если ты шевельнулся, когда он молчит, – всё, тут же улетает. Но если всё хорошо, ты подходишь совсем близко, ты стреляешь – и он падает. Ты, значит, не зря пробираешься ночью по болоту! Короче, думаю, что это самая интересная русская охота, и никакой медведь или там лось не сравнятся с глухарём! Нигде такого нет, это самая красивая и азартная охота. Ещё хороши рябчики, это и весной, и осенью, их специальным манком подзываешь. У каждого рябчика своя территория. Когда он слышит, что кто-то свистит на его территории, он прилетает выяснять отношения. Надо увидеть, куда он сел, и сразу выстрелить – иначе он очень быстро тебя увидит и моментально улетит. Так гуляешь часами по лесу, свистишь в дудочку, рябчик прилетает, ты стреляешь – и он падает или улетает. Если пятых за день убьёшь – здорово. Это тяжёлая охота. Тоже очень русская, то, что я больше всего люблю.

⊙ **А с собакой?**

– Охотился. Идёшь по полю с собакой, она находит птицу, подбегает и делает стойку, встаёт в начале птичьего следа. Ты подходишь, подаёшь знак, что готов, собака делает шаг, птица взлетает – и ты бьёшь её.

⊙ **Расскажи теперь про свои трофеи, как это водится у вашего брата.**

– Трофеи? Я их не собираю. У меня и так картины висят всюду, и мне ещё трофеи вешать? Места нет. Это первое. И второе. Мне это не близко и не понятно. Не держу трофеев. Однажды добычу в детский дом отдал, уток мы тогда много настреляли. Это было в Краснодарском крае, в Темрюке.

Я был в гостях у тех, кто устраивает огромное кладбище в своём охотничьем доме. Огромные ангары, завешанные тысячами голов убитых зверей, и они, мёртвые, смотрят на тебя со всех сторон! В этом видится даже какая-то маниакальность. Просто неприятно смотреть. Как будто люди поставили себе цель перестрелять всё живое на земле и теперь представляют отчёт о проделанной работе. Голову дохлого зверя повесить на стенку – мне это кажется странным. У меня, правда, висит голова кабана, которого я убил – первого в жизни, и ещё одна висит – этот второй просто угрожал моей жизни; поэтому я их повесил на стену. Но, в принципе, мне это непонятно. Ощущение Мавзолея полное... А собачка помрёт – тоже чучело сделать? В этом какое-то глубокое

язычество, средневековье. И потом, вот ещё почему я не интересуюсь трофеями: я на большого зверя охотиться не хочу. Меня не тянет убить льва или зебру.

⊙ **Жалко?**

– Жалко. Но не только это. Трофеи – это Африка. А я кайфа от африканской природы не получаю. Чужой мир, который меня не влечёт. Я был в Африке, но мне там понравилось другое: фотосафари. Ездишь на машине, смотришь на львов с очень близкого расстояния... Они ищут зверя, у тебя на глазах его ловят. Помню, видел, как в пятнадцати метрах от нас львицы рвали ещё живого кабана, – это сильно! Он орал страшно, когда ему отрывали задние ноги. Лазить по Африке и убивать больших зверей – это не я, это не моё. Мне нравится русская природа... И стрелять больше люблю по птицам, чем по большому зверю.

⊙ **Вот известна такая твоя концепция, что ты специально обустроил дачу не очень роскошно – чтоб бедные друзья не сильно комплексовали, не снижали сразу.**

– Безусловно. Демонстрация богатства меня раздражает. Мне было бы некомфортно иметь слишком уж богатый дом.

⊙ **А где тут граница? Богатый, очень богатый? Что можно, чего нельзя?**

– Ну, в доме золота никакого нет. Антиквариата нет почти.

⊙ **Что, из IKEA мебель?**

– Ну... Нет. Конечно, не из IKEA. Нормальная мебель, хорошая, австрийская. Но у меня никакого специального дизайна нет. У меня обычная интеллигентская квартира, только большая. Если представить себе нормальную профессорскую квартиру, то моя квартира от такой не сильно отличается. Книг очень много. Ну, картины есть...

⊙ **А что у тебя с оружием?**

– Ты знаешь, как я не фанатирую на трофеях, так я и на оружии не фанатирую. Кстати, про оружие. Я был в Индии в гостях у одного махараджи. У них в стране запрещена охота – вообще. Но, поскольку махараджа большой человек, он устроил для меня охоту на куропатку. Мне дали Holland-Holland девятнадцатого века с огромными рубинами и здоровенными бриллиантами. И из этого ружья, что удивительно, я сразу убил несколько куропаток удачно. И так приобрёл авторитет.

⊙ **Серьёзное место у тебя в жизни охота заняла...**

– Да.

⊙ **Ты захеджировался на все варианты. Если представить себе глобальную катастрофу, в которой погибнет банковская система наряду с прочей цивилизацией, то ты с голоду не помрёшь.**

– Гарантия сто процентов, что не пропаду. Если будет ружьё и патроны... ⊙

Нобелевский маршрут

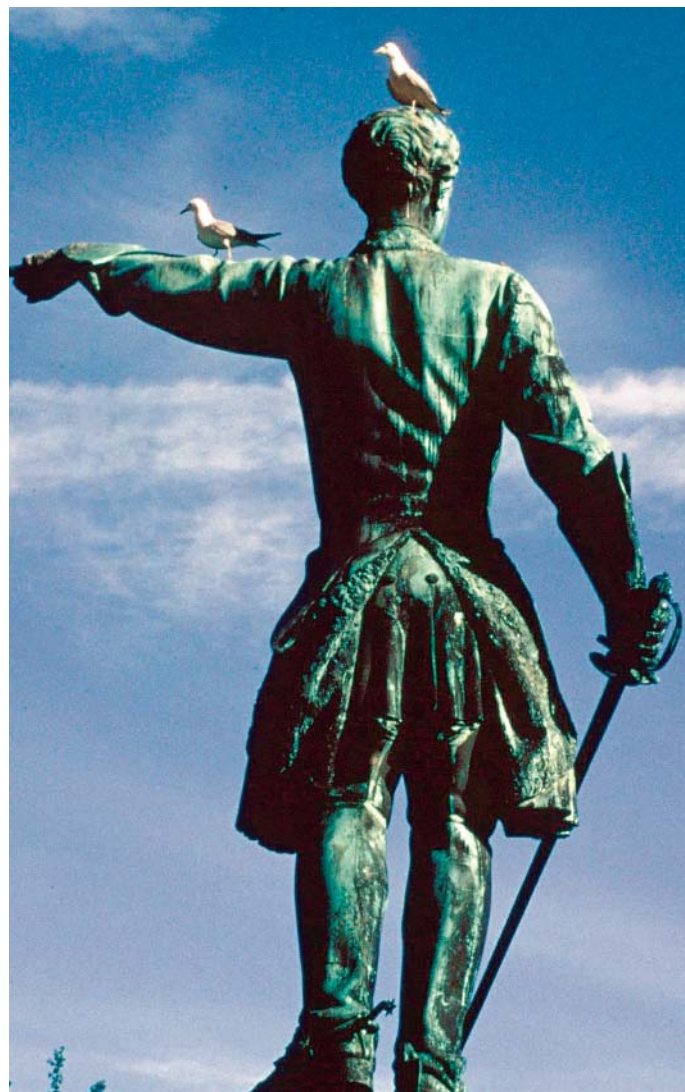
Писатель Эдуард Тополь – о мистической встрече в Стокгольме

По Стокгольму мы гуляли втроём – впереди широким шагом шёл Владимир Ильич Ленин-Ульянов в модном котелке, со щегольским зонтиком-тростью в руке и в прекрасном новеньком пальто и костюме, только что купленном в местном универмаге PUB, что напротив Консертхусет – Концертного зала. А за ним, чуть отстав, шли мы с Михаилом Казинником. В связи с тем что действие одной из глав моего нового романа происходит в Стокгольме во время церемоний вручения Нобелевских премий, я напросился к Казинникам в гости, и теперь Михаил водил меня по городу, так сказать, нобелевским маршрутом. Сначала – Концертный зал, где каждое десятое декабря шведский король вручает новым лауреатам нобелевские медали и премиальные чеки. Поскольку до недавнего времени Михаил Казинник был музыкальным гуру Нобелевского комитета, нам среди бела дня открыли этот зал и показали мне сцену и красные кресла в первом ряду, где сидят король и королева.

– Но когда они политизировали Нобелевку и стали присуждать премию каким-то агрессивным и конъюнктурным тёткам, я в знак протеста отказался от должности эксперта нобелевского концерта, – сказал мне Казинник.

Выйдя из зала, мы остановились под высокими голубыми колоннами парадного входа в Консертхусет и знаменитыми скульптурами гигантского, парящего в воздухе и замерзающего от мартовского мороза голого Орфея и танцующих вокруг него голых муз работы Карла Миллеса.

– Миллес – гениальный шведский скульптор, знаменитый во всём мире, – просветил меня Казинник. – Голову этого Орфея он слепил с Бетховена, его Гермес стоит в Московском центре международной торговли, «Источник муз»

в Метрополитен-музее в Нью-Йорке, а копии его скульптуры «Рука Бога» можно увидеть в США, Японии, Австралии, Индонезии и, конечно, у нас в Стокгольме, в Миллесторден.

Я не удержался и рассказал Михаилу про другую «руку Бога», китайскую. По этой легенде, глубоко в горах Тянь-Шаня веками сидела злая волшебница – обезьяна. Но однажды ей удалось вырваться на волю, и она засмеялась в лицо Всевышнему: «Ха-ха! Теперь я свободна, буду летать по всему миру и творить всё, что хочу, – ураганы, цунами, революции! Ты меня не поймаешь!» «Ладно, – сказал ей Всевышний, – слетай до конца Вселенной и скажи мне, что ты там увидишь». «Запросто! – ответила обезьяна, помчалась в самый конец Вселенной и закричала оттуда: – Эй! Всевышний! Я тут, в конце Вселенной! Здесь какие-то пять

колонн! Что это такое?» «Это пальцы моей руки», – ответил ей Всевышний.

– Что ж, – сказал Михаил. – Посмотрите на эту Hötorget, Сенную площадь перед Концертным залом. На той её стороне стоит шестизэтажный универмаг PUB, недавно он отмечал своё столетие и устроил выставку чеков и автографов своих самых знаменитых покупателей. И, представьте себе, среди чеков с подписью Эйнштейна и первых лауреатов Нобелевских премий был чек Владимира Ленина. Оказывается, в апреле 1917 года он купил в этом магазине шестнадцать одинаковых костюмов! Вы спросите: почему шестнадцать? Объясняю. Как известно, до семнадцатого года Ленин, на манер вашей китайской обезьяны, был изолирован от России и сидел в Швейцарии. Но в начале 1917 года кайзеровское правительство разрешило ему проехать через Германию в Россию, чтобы он устроил там революцию и вывел Россию из войны. На это немцы выделили ему

хорошие деньги – три миллиона золотых немецких марок! Но Ленин не сразу поехал в Россию. Сначала он со своей революционной бригадой, женой и любовницей приехал сюда, в Стокгольм. Дело в том, что его прабабушка Анна Эстед была шведкой, а мама – на четверть шведка. Поэтому он с детства прекрасно говорил по-шведски и бывал тут, в Стокгольме, многократно. Как только три миллиона немецких марок поступили из Германии в стокгольмский Ниа-банк, Ленин первым делом приобрёл здесь роскошную квартиру в самом центре, на Kungsgatan, Королевской улице. А потом пришёл в этот универмаг и купил шестнадцать одинаковых костюмов, чтобы русские рабочие видели своего вождя всегда в одном и том же костюме. Он планировал первую коммунистическую революцию совершить в России, а потом вернуться сюда и сделать Стокгольм штабом мировой революции. А поскольку аппетит, как известно, приходит во время еды, Ленин в это же время встретился тут с лидерами шведских социал-демократов и потребовал у них на русскую революцию ещё шестьдесят тысяч крон. Но откуда у социал-демократов такие деньги? Они сказали, что могут собрать максимум двадцать тысяч. Но Ленин заявил: передайте лидерам ваших буржуазных партий: если они не дадут мне шестьдесят тысяч крон, я начну революцию не в России, а в Швеции! И что вы думаете? В тот же день ему дали эти деньги, лишь бы он быстрее убрался из Швеции. Ну а дальше вы знаете – Ленин таки устроил революцию в России! А шведские социал-демократы, увидев, что из этого получилось, тут же отказались от всех коммунистических идей. Вместо этого правительство каждому рабочему построило по двухэтажному дому, по дороге ко мне домой вы можете увидеть вокруг Стокгольма сотню тысяч таких домов, и теперь каждый наш рабочий стал домовладельцем, он уже не хочет бастовать. Но шведы люди благодарные – за то, что Ленин не устроил здесь революцию, они поставили ему памятник, точнее – положили. Этот лежачий памятник – кусок трамвайного пути, о который Ленин когда-то споткнулся, – вы можете увидеть у Музея современного искусства на острове Шепсхольмен. Но на остров я вас не повезу, а вот Королевская улица, где у Владимира Ильича была квартира, она рядом, идёмте...

Я, как Фома неверующий, тут же полез в Интернет, напечатал в поисковике: «Ленин в Стокгольме». И что вы думаете? Наберите сами и увидите не только фотографии Ленина в Стокгольме, но даже комедийный ролик, где актёр, загримированный под Владимира Ильича, примеряет костюмы в мужской секции PUB!

С Kungsgatan, откуда господин Ульянов собирался устроить мировую революцию, мы вернулись на нобелевский маршрут – сначала в Музей Нобеле-

левского комитета, а затем в Гранд-отель, где во время церемоний награждения останавливаются нобелевские лауреаты. Но по дороге Казинник завёл меня в знаменитую церковь Святой Катаринны, впервые построенную ещё в XVII веке королём Карлом X. Правда, та деревянная церковь давно сгорела, сегодня на её месте высится современное жёлто-розовое здание, а внутри, в огромном и аскетичном зале, под высоченным куполом, только строгий деревянный крест парит над амвоном и рядом с органом стоит концертный рояль. В зале не было ни души, но Михаила это не смутило. Бесцеремонно, на правах частого гостя, он сел к роялю фирмы «Ямаха», открыл крышку и стал играть мою любимую Токкату и фугу до-минор Баха. Представьте себе: в Стокгольме, в огромном и совершенно пустом храме с его уникальной акустикой, замечательный музыкант, который прежде играл нобелевским лауреатам, играет Баха персонально для вас!

Ради одного этого стоило прилететь в Стокгольм. Особенно если иметь в виду, что Ленину Казинник играть бы не стал, как не стал он играть некоторым лауреаткам Нобелевской премии мира.

Ладно, наслушавшись Баха, пойдём дальше. Путь до Гранд-отеля был неблизкий, но Стокгольм так красив, а лёгкий морозец был столь бодрящий, что мы не раздумывая пошли пешком вдоль королевского парка Kungsträdgården. Если бы вопреки моим протестам Михаил то и дело не курил и если бы не обилие окурков в пазах брусчатой мостовой и не энное количество румынских нищих чуть ли не на каждом углу, это была бы вообще замечательная прогулка.

Впрочем, об этих нищих и табачном дыме мгновенно забываешь, едва переступаешь порог Гранд-отеля. И дело даже не в роскоши его вестибюля, ресторана на первом этаже и прочих интерьеров, которые вы можете и сами увидеть с помощью Интернета. А дело в какой-то изысканности здешней аристократической и воистину нобелевской атмосферы, дух которой не передаст вам никакой Интернет. Зато когда, присев тут за столик, подумаешь, что за ним или за соседним наверняка сидели Ромен Роллан, Бернард Шоу, Томас Манн, Андре Жид, Иван Бунин, Уильям Фолкнер, Владимир Набоков, Эрнест Хемингуэй, Джон Стейнбек, Сол Беллоу, Габриель Гарсиа Маркес, Исаак Башевис Зингер и ещё три десятка великих писателей, невольно начинаешь ёрзать и нервничать...

– Пошли отсюда! – скромно сказал я Казиннику, так и не отведав изысканного нобелевского меню.

Зато по городской ратуше, где проходят нобелевские балы, мы погуляли от души. Каждое 10 декабря в огромном Голубом зале этой ратуши (который отнюдь не голубой, а красно-бурый, с высоченными стенами из восьми миллионов кирпичей) ровно в 19.00 тысяча триста гостей

уже сидят за длинными столами. Они теснятся почти вплотную (на каждого гостя приходится только 60 см пространства), перед ними роскошные блюда знаменитого нобелевского ужина, но никто к еде не прикасается. Все ждут появления короля, королевы, членов Нобелевского комитета и новых нобелевских лауреатов. Потому что главная интрига вечера – с кем выйдут сегодня король и королева? По давней традиции королева выбирает на этот вечер одного из лауреатов, а король – одну из лауреатских жён, и они вот-вот появятся на банкете рука об руку со своими избранниками.

Туш, господа музыканты! Наверху, в левой и нависающей над залом галерее-балюстраде, появляется наконец церемония: впереди её величество королева Швеции. Медленным церемониальным шагом она идёт под руку с новым нобе-

левским лауреатом, и внизу, в зале, тысяча триста гостей тут же встают. А следом за первой парой по широкой лестнице уже спускается вторая – его величество король Швеции, и, если честно, я не знаю, кто сейчас больше чувствует себя королевой – её величество королева Швеции или та счастливица-Золушка, которая идёт с королём. И только когда усядутся их величества, а лауреаты, выйдя к лестнице, выступят с короткими речами, – только тогда можно приступать к трапезе.

После ужина происходят танцы – в верхнем, Золотом зале ратуши их открывает король, который первый танец танцует со своей избранницей на этот вечер. При этом уверяю вас, что даже Синдерелла не танцевала в зале, трёхэтажные стены которого покрыты настоящим золотом!

Когда будете в Стокгольме, сходите в ратушу, только не пытайтесь скоблить золото со стены Золотого зала или писать на ней знаменитые русские слова. Шведы по-русски не читают. ☺

Порядок вещей

Можно ли угадать с подарком на 8 Марта? Отвечаем «да»

Круги на воде

Прекрасные вилы – облачные девы – любят заигрывать с людьми. Недалёкие парни, увидев в лесу особу в лёгких одеждах, распускают хвост, не задумываясь: что она тут делает, такая чудесная и почти не одетая? Но облачные девы – не пустоголовые прелестницы. Они плетут нити судьбы. Если вила хочет предсказать человеку будущее, она пишет свои послания на воде струями дождя. Именно отсюда выражение «вилами по воде писано», не имеющее никакого отношения к сельхозинвентарю.

Послания облачных дев вдохновили дизайнеров на создание новой модели швейцарских часов Maurice Lacroix Fiaba. Перламутровый циферблат сияет, словно озеро в лунном свете. Кажется, что часовые метки с бриллиантами касаются водной глади, рисуя на ней расходящиеся круги. Созданные для стильных женщин часы Fiaba представлены в нескольких вариантах корпуса. Заводную головку часов украшает кабошон из шпинели эффектно-синего цвета, который делает их по-настоящему роскошными.

Уникальный союз

В 1764 году епископ Меца Луи-Жозеф де Монморанси-Лаваль написал Людовику XV: «Сир,

Франции не хватает художественного стекла. Французы тратят немалые деньги на продукцию мастеров из Богемии, между тем мы могли бы организовать собственное производство!» Людовик дал добро, и в местечке Баккара было создано стекольное производство. Скоро добрая половина французских особняков была застеклена, а вазы и статуэтки украсили дворцы. Революция, правда, завод у епископа экспроприровала, и тот ветшал, пока в 1816 году не достался бельгийскому промышленнику Эне-Габриелю д'Артигу, который привёз с собой секрет чистейшего хрустального сплава с секретным ингредиентом. До сих пор этот рецепт хрусталя – самая большая драгоценность Вассарат. Завод стал поставщиком двора Людовика XVII, потом подтянулась и российская элита. После того, как Александр III привёз с парижской выставки люстру в 24 подсвечника, поток заказов из России так вырос, что одна из печей завода стала называться «русской».

Сегодня Вассарат – это империя хрусталя. Кроме предметов декора здесь выпускают ювелирные украшения и парфюмерию. Парфюмерная вода Vassarat ROUGE 540 – результат уникального союза дома Vassarat и парфюмерного дома Maison Francis Kurkdjian. Создателей этого изысканного аромата с цветочно-амбровыми и древесными оттенками вдохновило само производство хрусталя. Сегод-

ня аромат Vassarat Rouge 540 представлен в флаконе парфюмерного дома Maison Francis Kurkdjian и дополняет коллекцию юбилейных ароматов, созданных в честь знаменательных дат всемирно известных торговых домов.

Верное средство

В конце 60-х группа столичных студентов отправилась покорять Енисей. Палатки, плащи, тенты – всё из брезента. Весил средний рюкзак килограммов 50. И одного из туристов скрутил радикулит. К счастью, поблизости был староверский скит. Туда и доставили бедолагу. Страдальца отдали Иванычу. Тот велел студентам отнести болящего в баню, вырыть на дворе яму и развести в ней костер. А сам, хорошенько пропарив большое и обмазав его декоктом из местных трав, отнёс его в прогретую яму и по шее засыпал горячей землёй. Когда земля остыла, товарища откопали, а из ямы он уже сам выскочил.

Целебные свойства трав люди открыли давно, хотя из-за плохой экологии травы в центрах цивилизации целебными уже не назовёшь. Но в глухих углах, в Сибири, сохранились и травы, и знахари. Именно их рецептами пользуется компания NATURA SIBERICA, создавая свою косметику на основе сибирских трав. Например, гель для душа «Энергия и упругость кожи» содержит экстракт лимонника нанайского и имбиря, которые насыщают кожу витаминами и микроэлемента-

ми, повышая тонус. Экстракты женьшеня и родиолы розовой улучшают кровоснабжение, а экстракт дамасской розы делает кожу нежной и шелковистой.

Жемчуг для любимой

Рассказ о любви создателя легендарного Тадж-Махала Шах-Джахана к его жене Мумтаз-Махал обычно начинается так: шёл себе юный принц по рынку и встретил прекрасную торговку, которая почему-то отказалась продать ему корицу. Принцы ведь любят гулять по рынкам, а гордые торговки регулярно отказывают богачам! На самом деле Мумтаз-Махал была племянницей любимой жены падишаха. Но встретились влюблённые действительно на рынке. Что они там делали? На один день в году на рынок пускали подростков из знатных семей. И они там играли в этакую средневековую «монополию». Кто-то продавал, кто-то покупал. А заодно – присматривались друг к другу. Шах-Джахану и его избраннице повезло: их любви не помешали ни политические расчёты, ни гарем. Отношения с другими жёнами, конечно, были, но любил, уважал и баловал он только Мумтаз-Махал. И подарил ей «Жемчужину Азии» – самую большую естественную перламутровую жемчужину в мире.

Во все времена жемчуг был одним из самых желанных подарков. Накануне 8 Марта бренд Nasonpearl выпустил новую коллекцию «Луна», которая вызовет восторг у поклонников минимализма. Весь дизайн серёг, колец и колец построен вокруг одной изумительной жемчужины, обрамлённой серебряными или золотыми сферами. Эти украшения

подойдут как к строгому деловому костюму, так и к открытому коктейльному платью.

Сладкая жизнь

Дарить сладости – одна из самых древних традиций. После выведения сахарного тростника кондитеры всюду развернулись: придумали горький шоколад, пралине, сотни видов десертов. А ещё они научились плавить кусочки сахара на огне, добавлять в массу фруктовые и ягодные соки и разливать её в маленькие формочки. Так получились леденцы – весёлые разноцветные конфеты. Поскольку сахар всегда был дорог, даже горсть конфет считалась отличным подарком. Особенно после того, как к делу подключились ювелиры и создали бонбоньерки – конфетные коробочки в форме сундучка из серебра.

С тех пор леденцы ассоциируются у нас с праздниками, весельем и хорошим настроением.

Новая коллекция часов НИКА дарит дамам свои «Леденцы» – новую лимитированную коллекцию сверкающих часов, выполненную в самых трендовых оттенках сезона весна/лето-2016. Холодный блеск серебра и сияние женева-ского стекла напоминают о том, что совсем недавно звенела капель и таяли ледяные сосульки. Однако гляцевые ремешки и фианиты на ранте, сверкающие на солнце, свидетельствуют – лета ждать недолго.

Подарить красоту

Бывало, люди дарили друг другу праздники, пиры, балы и даже военные победы. А ещё – возможность навести красоту. Первооткрывателем тут был царь Соломон. Когда к нему в гости приехала царица Савская, красавица и умница, Соломон был очарован. Однако ему нашептали, будто у царицы «ослиные копыта и волосатые икры». Царю стало интересно. А как проверишь? Соломон пригласил царицу во дворец со стеклянным полом, под которым плавали разноцветные рыбки. Гостя, не заметив стекла, подхватила юбки. Копыт там не было! А вот ноги и правда оказались волосатыми. Царица перенесла конфуз с таким достоинством, что Соломон устыдился и велел приготовить для неё первое в мире средство для удаления волос. И оно царице понравилось!

Далеко не всегда мужчина может угадать с подарком так, как царь Соломон. Чтобы не попасть впросак, сеть клиник инновационной косметологии Gen87 предлагает мужчинам подарочные сертификаты на сумму от 5000 до 20 000 рублей, которые дают право на посещение любой процедуры, а также на приобретение препаратов для домашнего ухода. В клиниках Gen87 собраны beauty-технологии со всего мира: лазерная терапия, фотоомоложение, термолифтинг и множество других эффективных процедур. В клинике Gen87 можно открыть для себя тайну гена красоты, молодости и здоровья «поколения ageless» – людей, которые всегда выглядят безупречно. ☺

Главный по подаркам

В начале весны мужчины начинают спринтерские забеги по магазинам. Ищут подарки своим женщинам. Что-нибудь полезное в хозяйстве. Или, напротив, бесполезное, но сверкающее. Мало кто умеет талантливо выбирать подарки, считает руководитель службы доставки ресторанной компании Андрея Деллоса Владимир Бурдин. И ему можно верить, он в компании – главный по подаркам

Владимир Бурдин:

– В Москве можно купить всё. Заходи – и выбирай что душе угодно. Но ведь подарок должен запоминаться! Например, заказывают нам что-нибудь в венецианском стиле. Берём красивую коробку, складываем в неё пирожные, добавляем венецианскую маску или стекло из Мурано, театральные бинокль, веер, витую свечу. И человек получает в подарок сказку! Чудо.

У нас любимое занятие – «придумать что-нибудь». Это вечные муки и радости! Мы специально придумываем наши ко-

робочки так, чтобы в них можно было положить не только сладости. Вот, допустим, шкатулка для подарков – хит продаж для корпоративных клиентов на Новый год. В ящичек повыше кладем новогоднюю игрушку. Пониже – печенье, меренги. Ещё еловые веточки, фигурки животных – символов года. В год Лошади мы дарили подкову. Не пластиковую ерунду с колокольчиком из сувенирного магазина, а настоящую конскую подкову. Для этого связались с компанией, которая торгует лошадиной сбруей, заказали у них стальные

подковы и покрасили их золотой и серебряной краской.

Ещё ввели такой формат – делать цветы органичной частью подарка. Не отдельно букет дарить, а всё вместе. Вот вы открываете коробку с конфетами, а там на верхнем этаже – полянка из живых цветов. И все присутствующие кричат «вау!»... Бывает ещё, что ценный подарок нам отдают на оформление. Мы дополняем его сладостями, цветами, сувенирами. Важно ведь не только ЧТО тебе подарили, но и КАК! Что мы добавляем в коробку? Макаруны, трюфеля, шоколад. Ассорти карамели, ассорти мармелада. Очень вкусные печатные пряники, печенье. Вкуснейшие маленькие конфетки «на один укус». Просто чудовая карамель! Их в одной паллете всего десять кусочков. Они делаются руками, поэтому на вид не очень опрятные. Но они делаются руками!

Однажды сочинили пикантный подарок для молодой леди – карамельную туфельку её размера, заполненную клубникой. Вот где были эмоции! А одна семья попросила сделать торт с мишками Гамми, и наш карамельщик вылепил мишек. Потом прямо домой приехали наши представители – с цветами, с шариками, с тортом, –

и был у ребёнка праздник. Или, допустим, нравится хозяйке её «Ниссан-«жук» с красивой аэрографией. И наши кондитеры делают торт, повторяя и форму «Ниссана», и роспись в русском стиле, похожую на палех. Вот это и значит – подарить человеку праздник.

У меня не так давно появился персональный фанат. Подсел на маленькие такие печенья – бисквитные, с разными наполнителями. Я отправляю ему документы какие-то или ещё что-то – и он обязательно просит: «Ну привези мне грамм сто печенья, я чаю попью».

С чего всё началось? В какой-то момент возникла идея: почему бы не дать гостям возможность заказывать их любимые блюда в любую точку Москвы и Подмосковья из ресторанов «Кафе Пушкинъ», «Турандот», «Бочка», «Оранж 3», «Фаренгейт», «Шинок» и кондитерской «Кафе Пушкинъ»? Вначале появился кейтеринг (от английского cater – «поставлять провизию»), а четыре года назад возникла отдельная компания Dellos Delivery, занимающаяся доставкой еды на дом. Раньше такой услуги в наших ресторанах не было, официанты ресторана самостоятельно доставляли блюда постоянным гостям по близлежащим домам...

В общем, когда меня позвали возглавить этот стартап, начи-

нать пришлось с нуля. Казалось бы, что сложного в доставке? Не скажите. Сложные в подаче блюда «Кафе Пушкинъ» или «Турандот» не так просто красиво сервировать в ланч-боксах. Пришлось пересматривать состав блюд, которые можно без особых потерь привезти на другой конец города. Вы, например, знаете, что крошка по дороге может взорваться?

Но в итоге всё получилось. Появилось отдельное меню для доставки, термосумки, одноразовая посуда премиального уровня, которую можно ставить в микроволновку. За год всё заработало.

А потом нам стало скучно... Негде было развернуться в королевстве. В итоге идею подсказали гости, которые время от времени просили: упакуйте это красиво, я подарю подруге! Так родилось новое направление. Как ни странно, мы оказались едва ли не первопроходцами. Выяснилось, что на нашем рынке просто нет упаковки премиум-класса. В тот момент актуальной темой были торчащие из корзинок палки празднично упакованной колбасы – нет, не наш формат. Затем я выпросил командировку в Гонконг, на большую выставку по упаковке. Там тоже не нашлось почти ничего, что захотелось бы взять на вооружение.

В итоге эскизы будущих коробочек и шкатулочек мы придумывали сами. Это был мозговой штурм, в котором принимали участие все сотрудники. Истина рождается в споре, поэтому в какой-то момент я сказал: ребята, с завтрашнего дня все начинают мониторить. Вот вы едете в метро или идёте по торговому центру – отмечайте всё: цвета, упаковку. Копайтесь в Интернете, ищите идеи. Через неделю мы собрались, и каждый поделился мыслями о том, что это должна быть за упаковка: какие цвета, фактура, форма. После этого родились чертежи. Мы не пользуемся дизайнерскими программами. Мы свято верим, что все шедевры рождаются на коленке! Поэтому мы рисуем карандашом на бумаге.

В итоге получилась целая коллекция, в которой есть и огромные шкатулки для эксклюзивных подарков, и маленькие коробочки для корпоративных сувениров. Это наше, такого нет ни у кого. Вообще, моды на упаковку в мире нет. Есть мода на одежду, зонты, перчатки, гаджеты – но не на упаковку. И очень хочется эту моду ввести, чтобы все равнялись на нас и говорили: «Хочу такую же коробочку!»

ЮЛИЯ АНТАШЕВА

Сибирь и немцы

Учёный Альфред Эдмунд Брем, автор энциклопедии «Жизнь животных», немало поколесил по миру, посидел за столом и с бедуинами, и с лапландцами, и с алтайскими охотниками. И сделал вывод, что немцу не так страшна африканская пустыня, как опасно для жизни сибирское застолье

ИННА САДОВСКАЯ

Детство в Тюрингии оставило Альфреду хорошие воспоминания. Хлебные корки ему размачивать не приходилось, семья не голодала, и детям вкалывать на ферме было не обязательно. Поэтому они гоняли по берегам реки Роды, стараясь к назначенному часу усесться за стол. В этом матушка была строга, приучала сыновей к порядку и требовала, чтобы вся семья была дома, когда на кухне поставят жариться колбаски брат-вурст, особенно любимые младшими Бремами. Для колбасок брали постную свинину, свинину с рёбер и шпик. В измельчённый фарш добавляли чеснок и тмин, гвоздику, мускатный орех, чёрный и красный перец и соль, смешивали фарш с молоком, желтками яиц и охлаждали. Очищенные кишки замачивали, не туго набивали смесью и перевязывали. Потом колбаски отваривали четверть часа вместе с луком и стручком красного перца, не давая воде кипеть, обжаривали и подавали с картофельным салатом или с тушёной квашеной капустой. Кухня у Бремов была добротная и детские желудки к дальнейшим жизненным испытаниям подготовила.

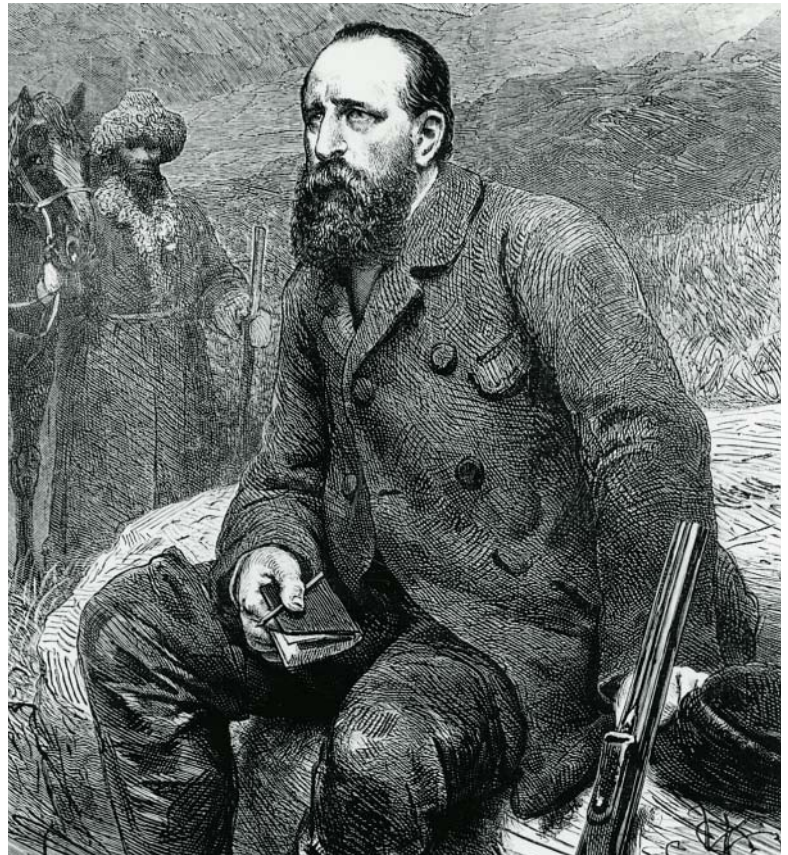
Маленький Альфред всюду бегал за отцом, которого прихожане прозвали «птичий пастор». Кроме чтения проповедей он имел ещё и странное для духовного лица хобби: установку силков и препарирование птичьих тушек. Пернатые чучела сначала хранились в отведённой для них кладовке, а потом, когда счёт перевалил за десяток тысяч, расползлись по всему дому. Отец не только с удовольствием ел дичь, приготовленную с красной капустой и картофельными клёцками, но и писал научные работы по орнитологии. Восемнадцатилетний Альфред тоже научился набивать чучела, окончил школу ремёсел и искусств, прошёл курс молодого бойца у мастера-строителя и собрался

было в архитектурный институт, как тут ему выпал счастливый случай отправиться с экспедицией в Северную Африку.

От Египта до Норвегии

За пять лет путешествий Брем влюбился в пёстрые африканские города и ни на шаг не отступил от отцовских заветов трудиться изо всех сил и отловить как можно больше необычных птиц. Теперь он видел любимые

удавалось застрелить нильских гусей и подкормить истощённую экспедицию. Мало того что с едой был швах, так ещё и после песчаных бурь питьевая вода становилась непригодной, и, сколько её ни очищали вином и уксусом, всё было впустую. От такой воды экспедиция маялась животами, а некоторые вообще испускали дух и были погребены под холмиками песка. Брем, кого часто потряхивала малярия,

колбаски с тмином только во сне, кое-как привыкнув обходиться завтраком из чашки кофе и печенья, обедом из сухого риса и ужином из жидкого супа. Нанятые в экспедицию африканцы в такие голодные дни не унывали, ели дикую траву и были свежи, как розы. «Европейцы же гораздо труднее переносили недостаток пищи и от всей души вздыхали о свежем мясе и овощах», – писал изрядно оголодавший Брем. Лишь изредка ему

духом не упал, выучил арабский язык, взял арабское имя и сохранил свой зверинец, который таскал за собой по всей Африке. В зверинце уживались львица с бараном, павиан с марабу и ещё целая стая кого ни попадя. Тушки потрошить уже не хотелось, гораздо интереснее было наблюдать за повадками животных в их естественной среде обитания.

Все свои приключения молодой исследователь записывал

в дневники, которые потом издал тремя томами. Дома было хорошо, но усидеть на месте Брем уже не мог. Отдохнув и отъевшись на родной немецкой кухне, он отправился в Испанию, покочевал по Норвегии, погонял птиц на самых северных островах, где зимой вместо солнца светила только луна, а весной птицы устраивали свои шумные базары, и сопровождал одного из герцогов в экспедицию по Северной Абиссинии.

Едим по-русски

А как только стало известно, что сибирские купцы подкинули денег на экспедицию в Западную Сибирь и северо-западный Туркестан, обрадованные немецкие учёные поприседали

от застолья с ветчиной, колбасой, икрой, сардинами, сыром, винами-водками и кулебяками с расстегаями, как тут же докладывали, что готова баня, а с ней и самовар чая, пирамида ватрушек и блюдо шанег.

Хоть и выпить исследователи были не дураки, да и закусывали с охотой, но даже у них мутнели глаза, когда после разминки с ватрушками девятым валом накатывали галантир из нельмы, студень и горячее: поросята, телятина и дичь. Хозяева потом вспоминали, что Брем был весельчаком. Высокий бородастый красавец рассказывал анекдоты, исполнял шансонетки, флиртовал с симпатичными дамами, пил и ел за троих. Сибирские пельмени гостям

ной дегустации губернаторской походной кухни.

Путевые заметки Брем отправлял в Берлин для печати. Впечатлений было по горло. Он ездил на дупелиную и тетеревиновую охоту, ловил редкого зимородка, исписывал книжечку полюбившимися русскими выражениями вроде «заморить червячка», учился виртуозно ругаться на русском и отдавал должное сибирскому «шнапсу» и красному вину. Вино гостю предлагали закусить сибирскими пирожками с черёмухой, брусникой, мясом, капустой, грибами и рыбой. Брем так увлекся, что не мог остановиться, пока не сметал всё блюдо. «В Германии таких вещей не приготавлиают, у нас всё более на картофеле и колбасе», – скромно опускал глаза иноземец. На частых привалах из корзин доставали холодное мясо и ветчину, очередные неиссякаемые запасы пирогов и пирожков, кипятили чай, варили яйца всмятку, откупоривали бутылки с редерером, шампанским вином и пили за здоровье гостя. Гость кидался обниматься и благодарить хлебосольных хозяев. Да и после каждой охоты, откуда Брем привозил по два десятка тушек птиц, он восхищался и повторял, что «такое возможно только в Сибири».

Потом он часто вспоминал сибирское гостеприимство. И когда путешествовал по тундре с небольшим запасом мясных консервов, сахара, кофе, супа в пакетиках, риса и печенья. И когда из еды оставались только заплесневелые сухари. И когда наконец добрался домой, привезя с товарищами более двух тысяч экземпляров представителей животного мира, образцы горных пород и груды наблюдений. Того, что набрали исследователи в промежутках между студнями и пельменями, хватило и на несколько выставок, и на то, чтобы набить закрома европейских музеев. ☉

РЕЦЕПТ

По старинному рецепту тесто на пирожки с грибами надо месить из крупитчатой муки, на двух ложках сметаны, трёх яйцах, трёх ложках коровьего масла и с прибавкой молока. Тесто делят на маленькие шарики, раскатывают их и кладут начинку из изрубленных и обжаренных в масле грибов, смешанных с рублеными яйцами. Продолговатые пирожки защипывают и сажают в печь. Есть их надо, с любовью поглядывая на домашних питомцев.

в реверансах перед императором Вильгельмом I, выслушали его напутствие и побежали собирать саквояжи. Брем, само собой, был в первых рядах. Россия сначала усыпила бдительность гостей роскошными снегами и ровными трактами, а потом ударила распутицей и потрепала бедных немцев по раскисшим дорогам.

Утешало то, что в каждом сибирском городе их ждал поистине царский приём. Гостей под белы ручки вели за стол и кормили как на убой. «Каждому путешественнику по Сибири рекомендуется иметь мощный желудок», – писал Брем и сокрушался, что, отправляясь в Россию, не учёл масштабов такого хлебосольства. Путешественники едва успевали отдышаться

пришлись по душе, но слабые немецкие желудки с туземным блюдом не справились, хотя сам Брем и держался молодцом. Случаев, когда исследователи чуть не отдали богу душу из-за русского гостеприимства, хватало. Однажды после очередного застолья еле передвигающих ноги путешественников отправили трястись по раскисшим дорогам на встречу с губернатором, большим любителем приключений и путешествий, в его лагерь, разбитый по случаю охоты. В дороге товарищи опять приуныли и по привычке схватились за животы, но отвлекло от неминуемой смерти то, что птиц и зверей в предгорьях Алтая водилось великое множество и учёным мужам тут было чем заняться кроме беспрерыв-

0+

МУЛЬТ

телеканал

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

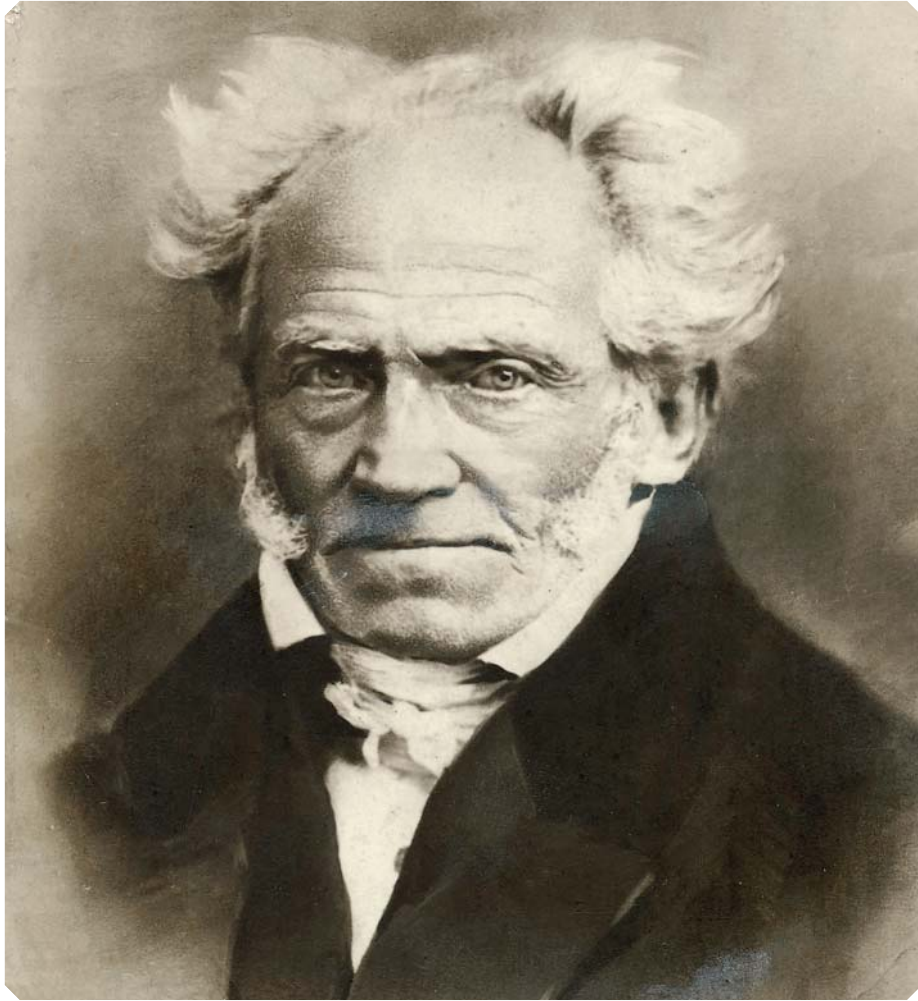
★ ВОЛШЕБНЫЙ ★

ФОНАРЬ

РЕКЛАМА

Захватывающие эпизоды из произведений знаменитых писателей в пересказе главных героев мультсериала — Кати и Мити.

Мизантроп из Данцига

Рождѣнные под знаком Рыб отличаются повышенным аккумулярованием важных и нужных мыслей. Мысли так и просятся наружу, и рождѣнные под Рыбами охотно делятся ими со всеми желающими. Одним из представителей знака был Артур Шопенгауэр, великий немецкий философ XIX века, буддист по сути мышления и «вождь трагического недовольства» по складу характера, мизантроп и пессимист, уверяющий, что жизнь – боль

Родился 22 февраля 1788 года в прусском городе Данциге в семье коммерсанта и по совместительству философа и писательницы, хозяйки литературного салона. В 11 лет поступил в гимназию. Перед поступлением в Гёттингенский университет в 17 лет успел поработать в торговой компании Гамбурга, а через три года послал торговлю к чёрту и занялся философией. В 24 года получил звание доктора философии, потом доцента и взялся преподавать в Берлинском университете. Написал трактаты, где изложил систему своих взглядов, за что сначала получал пинки, а потом всемирное признание. 21 сентября 1860 года скончался от паралича лёгких.

Карьера

Рождённые под знаком Рыб умеют всасывать всё, что творится вокруг, со скоростью двусторчатого моллюска, неторопливо перерабатывать поступившую информацию и выдавать порой открытия, которые дорогого стоят. Склонностью к философствованию Артур пошёл в батюшку, успешного, свободолюбивого и сурового негоцианта. От матушки, о которой говорили, что «она много и хорошо болтает, умна, без души и сердца», наследник фамилии получил острый ум, язвительность и проницательность, но был напрочь лишён её умения радоваться жизни. Учиться купеческий сын любил, сидел часами за книгами и наотрез отказывался идти в торговлю по папиным стопам. Он отправился было изучать медицину и естественные науки, но тут, пробившись, как травка сквозь брусчатую мостовую, дало о себе знать живучее папино хобби, и медицина уступила место философии. Вокруг все качали головами и прочили юноше путь, на котором не то что розовых лепестков – мако-

вой росинки не предвидится, но сам потомок Шопенгауэров раз и навсегда сделал свой выбор. Было дело, один из просветителей спросил его, тогда ещё двадцатитрёхлетнего, зачем, мол, лезть в бесполезные дебри такому полному сил юноше, и юноша якобы своим ответом положил просветителя на обе лопатки: «Жизнь – сомнительная штука; я вознамерился посвятить себя её осмыслению». Просветитель восхитился и благословил молодого мыслителя на тернистый путь философских открытий. Надо сказать, что мыслитель уже в то время страдал от одиночества и попутно искал себя, поэтому ему хотелось уйти от суеты и неустанно созерцать.

Первым результатом созерцания стала критика мэтров философии и собственная диссертация. Её он издал за свой счёт тиражом в полтысячи экземпляров, потратив семьдесят талеров, и надеялся, что читатели выстроятся в очередь. Но всем было наплевать, и даже матушка съязвила, что данное чтиво только для аптекарей и вообще весь тираж вскоре покроется пылью. Сын, который и так постоянно ходил мрачнее тучи, парировал, что это от матушкиных популярных романов останется один пшик, а его книгами станут зачитываться. (Что, собственно, и произошло позже.) Созерцать и мыслить Шопенгауэр не бросил, а, напротив, упёрся и решил создать монументальный труд. «Мысли выдающихся умов не переносят фильтрации через ординарную голову», – утешался он и, пока сидел больше двадцати лет в безвестности, запоем читал и в совершенстве овладевал несколькими языками. До тех самых пор, пока его трактат «Мир как воля и представление» не был признан и оценён по достоинству.

Размышляя, Шопенгауэр пришёл к выводу, что мудрость даётся не всем, а лишь избранным и что человек обречён на

РЕКОМЕНДАЦИИ

◎ РЫБЫ

Это месяц ценных вложений. Инвестируя в своё здоровье и во внешний вид, есть шанс изменить свою жизнь в лучшую сторону. Съездите на воды и повесьте в гардероб несколько обновок.

◎ ОВЕН

Наступает время для засовывания золотых слитков в сундучок с крепким замком. Не разглашайте местонахождение ключа от сундука никому, даже дражайшей половине. Растрянжирит нажитое непосильным трудом.

◎ ТЕЛЕЦ

Любые начинания окажутся своевременными, будь то новый проект или зачатие наследников. Действуя с филигранной точностью, можно спланировать результат уже на старте и успеть увидеть доброжелательную улыбку звёзд.

◎ БЛИЗНЕЦЫ

Для этого знака будут открыты все двери, и в какую-нибудь из них вам удастся протиснуться. Распалкивая остальных страждущих, категорически запрещается лезть по головам, плясать на костях и бить в спину. Даже если очень захочется.

◎ РАК

Вам предстоит брать реванш как в личной жизни, так и на служебном ринге. Помойте голову под лавровый венок и подготовьте грудь для медалей. На шипение завистников можно не обращать внимания.

☉ ЛЕВ

Новые знакомства закружат голову, а удача в делах встряхнёт начавшую тихо загибаться личную жизнь. Используйте комфортное душевное состояние, принимая важные решения.

☉ ДЕВА

Выбрав в напарники беспечность, ваш оптимизм может распоясаться и надеть глупостей, в результате чего опечалится большая часть домочадцев, включая котов, канареек и тещу (свекровь).

☉ ВЕСЫ

С приходом весны беспокойство чувствует всё живое, а шеф – особенно. Иначе не объясните его попытки взвалить на вас лишние обязанности. Вежливо отправьте шефа искать других рабочих лошадок.

☉ СКОРПИОН

Если дать волю предвзятости, то она сослужит вам недобрую службу. То, что шепчут вам в оба уха, пропускайте мимо и составляйте своё мнение о тех, кто с вами рядом долгие годы.

☉ СТРЕЛЕЦ

Сводить свои расходы к минимуму придётся многим, но вам строго-настроено заказано сорить деньгами с купеческим размахом. Голос благоразумия попробует докричаться до вас. Не зажимайте уши.

☉ КОЗЕРОГ

Пробуждение природы заставит и вас заняться собой. Если отражение в зеркале подарит вам хорошее настроение, смело пользуйтесь им в личных целях.

☉ ВОДОЛЕЙ

Пора задать себе вопрос «кто, если не вы, рождён для счастья, как птица для полёта?» и склонить шефа на то, чтобы он дал вам пару-тройку дней отгулов для заслуженного отпуска.

страдания. Конечно, человек иногда пытается вяло бороться, но, в общем, нечего особо воодушевляться, когда конец и так известен. Кроме того, большинство людей – бестолковые создания. Им даны непонятно за какие заслуги великие блага вроде свободы, молодости и здоровья, а эти бестолочи делают всё, чтобы их потерять. Вот если бы каждый научился ценить и такие щедрые дары, и саму жизнь, разумно ставя цели, не потребляя направо и налево, а думая о самодисциплине, то бытие для него заиграло бы красками поярче нынешних. И эти свои мысли, и многие другие он издал в нескольких трактатах, между делом обретя учеников и не щадя коллег по философскому цеху. Коллеги сделали стойку, заинтересовались, вчитались, стали бурно препираться, оппонировать, восхищаться и награждать Шопенгауэра премиями и званиями.

Характер

Представители знака обычно резво двигаются по отрезку от депрессии до эйфории. Большинство из них предпочитают задерживаться в депрессии подольше. Шопенгауэр – та самая Рыба, мрачнее которой ещё поискать. В детстве маменька не очень-то баловала его своим вниманием и, будь на то её воля, сплывала бы Артура куда подальше. Поэтому радоваться жизни ребёнок не умел, к миру относился настороженно, людей не терпел и подозревал, что его вот-вот выставят из родительского дома.

Рождённые под знаком Рыб сострадательны и незлобивы. Лапки у мух в раннем детстве они оставляют в целости и сохранности, в юности молча стенают от вида чужого горя, а в зрелости печалются о тяготах жизни, на которые обречён каждый человек. Шопенгауэр, которому на пути вечно попадались то слепые, то каторжане, то ещё

какие убогие, проникся их долей и сделал вывод, что на страдания обречены все и причиняют их все без исключения. И друг другу, и самим себе. И вообще, весь мир – ад, а все люди в нём – дьяволы. К тому же эгоисты и способны на любую пакость.

Сострадание к тяжкой доле других так мучит самих Рыб, что они бегут от людей подальше, чтобы окончательно не разорвать себе сердце. Шопенгауэр тоже особо не вникал в горестные письма младшей сестры. Денег он ей, само собой, подкинул, нежадный же был, но чтобы просто побыть с ней рядом – увольте. Люди так раздражают. За это Рыб иногда называют эгоистами, но ведь сострадать-то без меры тоже не каждый выдержит. Да и кто такой эгоист, если не тот, кто любит себя больше, чем других эгоистов?

Представители знака пользуются уважением окружающих. Шопенгауэру, не упускавшему случая козырнуть интеллектом, сверстники в гимназии восторженно аплодировали после каждой речи. Это его так воодушевило, что он прошёлся стихотворными строками по одному из учителей, и будущие светило мировой философии чуть было не вылетело за порог. Но в дело вмешалась маменька, которой смерть как не хотелось видеть сына дома.

С маменькой Шопенгауэр пребывал в перманентной конфронтации. Биографы, занимаясь психологическими изысканиями, уверяют, что в мальчике вопила неугасимая любовь к матери, а та, ехидна, не только не интересовалась им, но и вообще выдавливала сына из своей жизни. Что там именно вопило в Шопенгауэре, неизвестно, но то, что мать его была ещё та штучка, сомнению не подлежит. От папы мальчуган получил в наследство не только неплохие деньги, но и пару-тройку душевнобольных в роду, а также жёсткость, непре-

клонность, трезвый ум и готовность постоять за себя. Но только в словесных баталиях. Всякие дуракаваляния вроде дуэлей и прочих потасовок Рыбам противопоказаны. Им бы забиться куда-нибудь в тихую заводь и сидеть там, мрачно шевеля плавниками. Шопенгауэр, впрочем, выныривал иногда из своей заводки и так громил оппонентов, что в университете его манеру спорить называли грубой и раздражающей. Впрочем, был случай, когда Шопенгауэр дал волю и кулакам. Под горячую руку попала одна из дам, швея. Строптивая фрау заартачилась, не выполнила указание Шопенгауэра покинуть комнату, которую он облюбовал для своих посиделок, бросилась в драку и получила таких тумачков, что светило потом годами оплачивало швее повреждённую руку.

Рыбы любят воспитывать всех, кто попадает в зону доступа. Шопенгауэр тоже был не прочь указать остальным на их несовершенство, хоть и давал себе в дневнике клятву принимать людей такими, какие они есть. Тюкал он и маменьку (та огрызалась будь здоров), и младшую сестрицу (эта чаще всплакивала), и маменькиных друзей (те швырялись стульями и хлопали дверью). Маменька считала сына капризным, алчным и ни во что не ставящим женщин. А он её и сестру – глупыми гусынями. Эмоции кипели, бурлили и требовали выплеска. С ними, как часто бывает, выплеснули и ребёнка: мать с сыном не виделись многие годы, общаясь лишь в редких письмах.

С друзьями у него было тоже не всё благополучно. То есть друзей не было вообще. Какие же могут быть друзья у человека, который никому не доверяет, смотрит, сурово поджав губы, и считает, что все люди носят маски? «Чтобы получить, надо отдать», – утверждал Шопенгауэр и был прав. Однако сам дарить любовь и привязанность

так и не научился. Да что там привязанность! И на тёплые слова гений не очень-то расщедрился. Вот, например, назвал своих соотечественников-немцев самой тупой нацией на свете. А соотечественники почему-то обиделись и выкинули земляка из кафе на улицу.

Смерти бояться все, но Рыбы и здесь впереди, на лихом коне. Они бесконечно пережевывают мысли о неминуемом конце и постоянно находят у себя симптомы смертельных болезней. Шопенгауэр всласть побегал по городам и весям, спасаясь то от холеры, то от оспы, то от отравленного табака. Женщинам не оставалось места в его постели – там лежали ружьё и шпага, которыми он был готов обороняться от неведомых разбойников. «Всю жизнь я чувствовал себя ужасно одиноким... Я не кто иной, как несчастный бедолага с тупой головой, скверным сердцем, низменными чувствами».

Личное

С Рыбами всё непросто. Они всю жизнь хотят любви и ласки, но с ними, надувшимися, как мышьяк на крупу, трудно выстраивать отношения. Личная жизнь Рыб берёт своё начало из детства, а если семейка неблагополучна, то наследникам неоткуда срисовать свой очаг. Родители Шопенгауэра, не балуя друг друга взаимными чувствами, были не самым лучшим примером для сына. А он, справив совершеннолетие, пошёл ещё дальше и решил страдать по оперной приме Каролине Ягеман. Эта красотка успевала не только петь, но и принимать в дар от титулованных особ всякие роскошные вещишки. Нашему парню там не светило ничего. Жизнь – боль, помним. Хотя ветреную Каролину он запомнил навсегда и уже в старости говорил, что женился бы на ней, даже если бы она мостила улицы.

В юности Шопенгауэр, пока ему ещё не пришла в голову

теория о повальном обете целомудрия, к женщинам относился хорошо, лишь бы они не кочевряжились и не просились замуж. Одна из них, горничная, даже родила гению дочку, и Шопенгауэр посылал им деньги до тех пор, пока ребёнок не умер. С другой он даже обручился, но у невесты оказались слабые лёгкие. Они и стали тем барьером, через который наш философ перелезть не смог. Мало того что сам уворачивайся от болезней, так ещё и мучишься, глядя на страдания жены.

В жизни Шопенгауэра был урожай на Каролин. Следующая, актриса, тоже своей добродетели сакрального смысла не придавала, держала кромсё Артура ещё нескольких любовников и доводила созерцателя до белого каления. К тому же у неё был ребёнок и опять же, как назло, больные лёгкие. Чужого ребёнка Шопенгауэр, который и своих не особо хотел, принять отказался. Больные лёгкие же его просто преследовали. И, в конце концов, доконали, когда Шопенгауэр уже так уютно устроил и упорядочил свою жизнь и собрался дожить до морковкина заговенья, послав подальше всех глупых гусынь, от которых всё равно толку не было никакого, одни страдания.

Он обосновался во Франкфурте-на-Майне, поселившись на первом этаже, чтобы успеть выскочить в случае пожара. Для ощущения полноты жизни завёл собак, поскольку только эти животные умны и обладают волей, играл на флейте, поставил в доме статую Будды, заахаживал в театры и рестораны, спорил до хрипоты с жестающими побеседовать и гнал прочь из дома непрошенных гостей. «Всякий день есть маленькая жизнь: всякое пробуждение и вставание – маленькое рождение, всякое свежее утро – маленькая юность, всякое приготовление ко сну и засыпание – маленькая смерть». ☉

Архивности

«Волишебница, богиня!
Явьсь, желанная! Стань
супругой, возлюбленной и дай
возможность окончить уни-
верситет. Студент-юрист.
Москва, предъявителю
билета № 406».

«Брачная газета», 1903

«Персидская казна всеида
пуста. Чиновники и армия
голодают. Между тем на
содержание гарема султана
ежегодно тратится
75 млн. франков».

«Московские ведомости», 1905

«Редкую девочку назовут
в Италии Мессалиной. Из-за
подвигов распутной древней
императрицы сегодня это
имя предано презрению и заб-
вению. Между тем в римских
святыцах есть великомучени-
ца Мессалина. Чтобы скло-
нить родителей нарекать
так своих дочерей, католиче-
ский кружок св. Кандиды
в Риме пообещал премию
в 100 лир каждой будущей
Мессалине».

«Телеграф», 1911

«Вечор в московскую
богадельню явились куафёры
и поголовно остригли
всю «прекрасную» половину
заведения. Бедные старуш-
ки негодовали: к смотру
нас, что ли, готовят?»

Но начальство безапел-
ляционно заявило: для дезин-
фекции – и баста! Так свер-
шилось беспрецедентное
в летописях всероссийского
«призрения» действо. Все
старухи обриты налысо».

«Московский листок», 1904

«Нам сообщают, что
некий нью-йоркский профес-
сор Гальвен рентгеновски-
ми лучами успешно сража-
ется с седыми волосами.
Стареющие львы и львицы
круглые сутки осаждают его
кабинет, готовые платить
здоровьем за реставрацию
утраченной молодости».

«Новости дня», 1903

«Исполнительнице популяр-
ных песенок г-же Раскиной
велено изъять из репертуара
её коронную шансонетку
«Крохотный, малосенький,
вот какой» с припевом
«чесется, чешется», сопро-
вождаемую непристойными
телодвижениями и жеста-
ми. Публика в негодовании».

«Московский листок», 1907

«На придворном балу в пят-
ницу испанская принцесса
Мария Луиза зацепилась
юбкой за шпоры вальсирую-
щего с нею офицера.

Оба упали. Принцесса от
стыда потеряла сознание».

«Речь», 1901

«Лондонская сенсация!
Принц Гарольд Стюарт, за
которого в прошлом месяце
вышла замуж баронесса Вен-
сель, оказался самозванцем
и сыном извозчика из лондон-
ского предместья по имени
Вильям Брант. Все соперни-
цы несчастной баронессы
в восторге».

«Новая жизнь», 1909

«Берлинцы Эльза Бор
и Генрих Берг обвенчались
в клетке со львами ради
награды в 700 марок, обеща-
нной директором зверинца.
Жених трясся. Невеста
была хладнокровна».

«Русь», 1902

MONTALE PARIS

Реклама.

Москва: Parfum Palace, ЦУМ, РИВ ГОШ, Rivoli, Articoli, Времена Года

Воронеж: Le Conte; Екатеринбург: Золотое Яблоко; Казань: F-People, Золотое Яблоко, РИВ ГОШ; Краснодар: Бутик Парфюмер; Липецк: Le Conte, Белая Роза; Новосибирск: Камилла, Золотое Яблоко; Омск: РИВ ГОШ; Пермь: Золотая Роза; Ростов-на-Дону: Giorgio; Самара: Золотое Яблоко; Санкт-Петербург: ДЛТ, РИВ ГОШ, Rivoli; Сочи: Articoli, Парфюм+; Тольятти: Стиль Франции; Тюмень: РИВ ГОШ; Хабаровск: Бутик Эрмитаж; Челябинск: Золотое Яблоко

Дыхание фантазии
25 x 26 см

8 марта

Подарите этой весной неповторимые произведения, говорящие о чувствах. Фарфор высшего качества, созданный вручную в мастерских Lladró в Валенсии (Испания).

Бутики Lladró: Москва, Петровский пассаж, т.(495)6218767; ГУМ, т.(495)6203075; ТЦ «Сфера», т.(495)6907756; Смоленский пассаж, т.(495)6440256; Владимир, ТЦ «Торговые ряды» т.(4922)322200

В России изделия Lladró представлены: Барнаул, Владивосток, Волгоград, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Казань, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Москва, Нижневартовск, Нижний Новгород, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Орел, Оренбург, Пенза, Пермь, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Сочи, Ставрополь, Томск, Тула, Тюмень, Уфа, Хабаровск, Чебоксары, Челябинск, Ярославль.

Информация по телефону (495)645 80 86
lladro.com

LLADRÓ

HANDMADE PORCELAIN
Spain